АРТ ЛАД

6+

Содержание

Точка зрения

П. Лимеров. Слово о ПИТОНе....4

Проза и поэзия Питона

А. Чувьюров. Мой ПИТОН....13
Е. Козлов. «Тэ помнитан...» *Кывбуръяс*....15
Г. Спичак. Цитала. Резонансы. *Фантастическая повесть*....22
Е. Карпов. Реченька-речушка. *Стихи*....80
О. Уляшев. Немецкий фонарь. *Рассказы*....85
П. Лимеров. Записки карася. *Рассказы*....95
А. Канев. Трое в лодке. *Рассказ*....119
В. Сумароков. «А на чужбине осень...» *Стихи*....124

Арт-факт

В. Морозова. «И жизнь, и слёзы, и любовь...»....138
Н. Плаксина. Сотворчество: А. Тимушев и Н. Воробьёва....154
А. Тимушев. Бытописание немудрёного живописца Ас Морта....157

"Ы"

А. Шомысова. Сюмӧдпӧльяс. *Мойд*....178
Ю Джын. Пуяс да посъяс. *Висьт*....179
Л. Ануфриева. Сьӧлӧма сизим пу. *Висьт*....181
Н. Новикова. ...А зал чӧв оліс....184
А. Ольгина. Кутшӧм матын сэк вӧлі енэжыс. *Висьт*....190

Сыктывкар, 2017

20 ЛЕТ ВМЕСТЕ

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культурология да художественнӧй журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке Администрации Главы Республики Коми.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители:
Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр», АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Новикова Н.М.

Главный редактор – Лимеров П.Ф.

Адрес редакции, издателя: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136,
тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru, www.artlad.ru

© Журнал «Арт», № 1 (78) 2017 г.

Подписано к печати по графику 21.02.17. Фактически 21.02.17. Дата выхода в свет 06.03.17.
Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 15,48.

Тираж – 1200 экз. Заказ – 1220. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов.
Адрес типографии: 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована работа (©) Александра Тимушева «Рыба-улыба».
В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.
Иллюстрация к рассказу Алёны Шомысовой подготовлена юной художницей Школы-студии «Радужка» при СОШ №26 и ЦДОД №23 г. Сыктывкара Сердюк Марией. Педагог Княжева А.В.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам.
Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йӧзӧдтӧм гижӧдъяс редакция оз рецензируйт и авторъяслы найӧс оз мӧдӧд. Редакция оз век во ӧти кывйӧ авторъяскӧд.

Точка зрения

Павел Лимеров

Слово о ПИТОНе

На филфаке СГУ в 1980-х гг. едва ли не каждый второй студент писал стихи, а кто не писал, то уж точно в них разбирался. Шутка ли, студент-филолог за пять лет учёбы должен был прочитать весь огромный объём мировой классики, половину из которого составляют как раз стихи. Понятно, что количество прочитанного нередко диалектически давало и какое-то новое качество, и тогда в заветных тетрадях появлялись записи, говорящие о том, что студент-филолог достиг уровня осознания себя поэтом, ну, или, хотя бы автором нескольких бессмертных строк. Для таких авторов на факультете был организован творческий кружок «Лициний», которым руководила Таисия Яковлевна Гринфельд, в то время заведующая кафедрой русской литературы. В факультетской стенгазете «Филолог» была и рубрика «Касталия», где публиковалась студенческая поэзия. Её вела Ира Жеребцова, она, впрочем, была и главным идеологом стенгазеты. Кроме неё в стенгазете работала Света Напалкова, мне, студенту-первокурснику, было поручено её художественное оформление. В содержание стенгазеты я даже не вмешивался – сам писать материалы и не пробовал, считал, что это не моё. А вот стихи писать – это запросто, так что в «Касталию» девушки меня всё же рекомендовали. Собрания кружка напоминали практические занятия: в течение часа мы тренировались, подыскивая рифмы к заданным словам, метафоры, сочиняли четверостишья на различные темы, упражнялись в переводах зарубежных классиков по подстрочнику, выполненному, видимо, Таисией Яковлевной. Насколько я помню, нашим самостоятельным творчеством сама она не очень-то и интересовалась, но очень хорошо руководила творческим процессом кружка. К сожалению, я посещал занятия кружка не часто, а к концу первого курса и вовсе перестал.

Идея самостоятельного студенческого литературного объединения возникла в голове Миши Медведева. В конце 1981 года Миша учился уже на пятом курсе филфака. Это был среднего роста сухощавый брюнет, глядя на его усы и бородку в памяти возникали образы интеллигентов дореволюционной России. Он и был интеллигентом – воспитанным, образованным и от этого немного эстетствующим, имеющим вкус к хорошему вину и к хорошей литературе – такие встречались ещё в то время на филфаке. Он любил тишину – наши девушки из коми группы, жившие с ним по соседству, рассказывали, что специально начинают громко говорить и даже петь песни, когда он выходит на кухню – его это, очевидно, раздражало. В его голове всегда роилось много парадоксальных мыслей, и, возможно, сегодня бы мы знали его знаменитым, но он сгинул где-то в середине 1990-х. А тогда, в ноябре 1982-го, вечером я поднимался к себе в комнату на седьмом этаже – мы жили с Маэстро Чувьюровым. В рекреации шестого этажа на подоконнике сидели Миша Медведев с Есиповым Шурой – он учился тогда на четвёртом курсе. Увидев меня, Есипов сказал:

– А, вот давай у Паши спросим... – Когда я к ним подошёл, Миша спросил:

«ПИТОН» 1983 года. Слева направо: Е. Козлов, И. Медведев, Ю. Бордюг, П. Лимеров, Г. Спичак, А. Чувьюров. Стоят: Е. Карпов, С. Сулковский, О. Уляшев.

– Как ты думаешь, можем мы собрать свой литературный клуб – здесь, на филфаке?

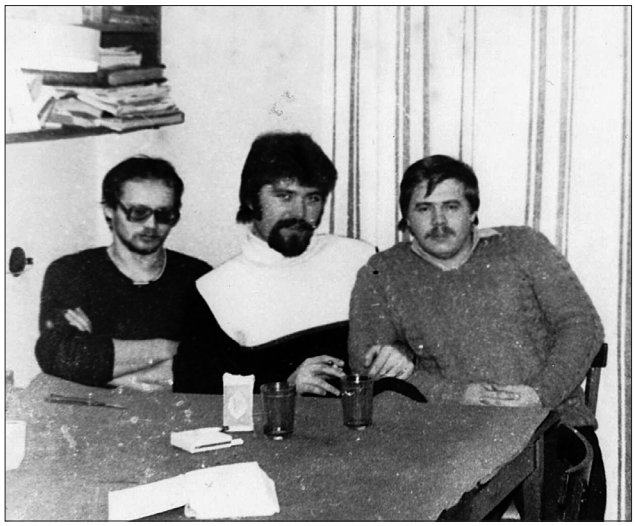
Я как-то однажды присутствовал на заседании ЛИТО при Союзе писателей, и сказал, что, возможно, пишущих мы соберём, но ведь надо ещё и обсуждать, критиковать...

– О-о, – сказал Миша, – было бы что обсуждать...

Мишина жена была в отъезде – мы плавно переместились в его комнату на шестом этаже, и разговор превратился в застольную беседу – пили сухое вино. Откуда-то появился Иван Медведев, горячо поддержавший идею – он принёс с собой две бутылки «Алжирского».

– Всякий может что-то написать, по вдохновению, – вещал Миша. – А слабо ли попробовать писать профессионально, не ждать музы, а писать каждый день, выдавливая строчки, как капли крови? Не это ли путь к бессмертию?

Попробовать хотелось, хоть и было немного страшно – как это писать профессионально? Страшно, потому что предстояло испытать себя: что-то вроде синдрома Раскольникова – тварь я дрожащая или право имею? В роли старухи-процентщицы оказывалось моё беспечальное бытие – я целил свой топор в его голову, и не убей я его – оказывался дрожащей тварью – перед лицом своих друзей, а, главное – перед собой. Огромная ответственность – проще отказаться и жить как прежде. Мы тогда не очень понимали, как это писать профессионально, каждый день – голова у тебя болит или тебе просто лень – это только твои проблемы. Миша шёл дальше – он предложил проводить обсуждения каждую неделю – раз в неделю собираться вместе и приносить на суд товарищей новые произведения. Как их писать за такой короткий



И. Медведев, А. Есипов, С. Сулковский.

А. Есипов, И. Медведев.

срок – дело самого автора, но все согласились, что жёсткость здесь необходима – она дисциплинирует. Вчерне наметили круг авторов будущего литературного клуба – их даже не записывали – мы все хорошо знали друг друга.

Первое собрание проходило в одной из свободных комнат для отдыха студентов на пятом этаже. Пришли все, кого удалось оповестить: кроме нас, четверых, пришли Гриша Спичак, Саша Чувьюров, Олег Уляшев, Женя Козлов, Андрей Канев, Женя Карпов. Последний учился на историческом факультете, но слыл поэтом и даже посещал занятия в «Лицинии». Что удивительно, никого не смущала установка на профессионализм и жёсткие требования к творчеству – оспорили только периодичность обсуждений – согласились собираться каждые две недели вместо одной. Устав клуба не записывали, он был предельно прост – как сама правда. Собрания проводятся каждые две недели, по пятницам. На собрание каждый из членов клуба приносит свои новые произведения: рассказ, отрывок из повести, романа, подборку стихотворений. Кроме того, каждый должен был принести на собрание две, но не меньше одной бутылки алкоголя: поощрялось сухое вино, водка как-то не гармонировала с литературой ввиду её убойной силы, но при отсутствии средств можно было ограничиться и бутылкой лимонада, минералки. Между тем, сухое вино на всякий случай принесли и на это собрание, и вот, вскоре мы уже горячо спорили по поводу названия нашего союза. Предлагались разные названия, но они или казались претенциозными, или не отражали смысла того, что хотелось всем нам. А хотелось быть первыми, потрясти мир или, на крайний случай – филфак своей интеллектуальной мощью, – так родились первые слова аббревиатуры названия: первый и интеллект. Дальше было проще – первое интеллектуальное литературное (?) объединение. Как-то не так, в аббревиа-

туре выходило какое–то «пило», не понятно было, кто оно, которое пило. В общем, слово «литературное» заменили на «творческое», и тогда проявилось слово «питон», почему-то понравившееся всем. Букву «н» сразу же расшифровали как «начинающих», на том и порешили: ПИТОН – Первое Интеллектуальное Творческое Объединение Начинающих. Название всех устраивало, очевидно, каждый из нас вообразил образ мудрого змея, раскрывающего клыкастую пасть на погрязший в хронической бездуховности мир. Рождение ПИТОНА обмыли как следует, всем хотелось, чтобы наше хтоническое детище уверенно вползло на интеллектуальный Олимп Сыктывкара.

Через две недели состоялось второе собрание – собрание уже ПИТОНА, а не безымянного союза будущих литераторов. Сухое вино принесли все, его красиво расставили на подоконнике — смотрелось внушительно. Все уместились за двумя сдвинутыми столами. Председательствовал по единогласному волеизъявлению Миша Медведев. Естественно, что утончённый и интеллигентный, Миша был безусловным нашим интеллектуальным лидером. В нём чувствовалась порода, порода исчезающего уже вида русского интеллигента начала XX века, интеллигента чеховского замеса, – а может быть, я в то время представлял себе интеллигентность, как полную противоположность мне самому, как в то время писали в биографиях – выходцу из семьи рабочих. Как бы то ни было, от нас, выходцев из пролетарских посёлков и совхозных коми деревень, Миша отличался и литературной образованностью, и лексикой, не говоря уже о его уме. Родом он был откуда-то из Инты или Воркуты, скорее всего, из семьи сосланных. Думаю, что поступи он в другой университет, его судьба могла бы сложиться иначе, и сегодня он был бы каким-нибудь видным теоретиком литературы или журналистом, а может быть, и хорошим писателем, но история не знает сослагательного наклонения. Миша закончил университет, работал учителем русской литературы в какой-то там Нижней Турунье, потом стал директором школы, и умер в середине 1990-х, говорят – от болезни, но скорее всего от палёной водки.

Миша открыл собрание небольшой речью, суть которой заключалась в том, что мы, собравшиеся здесь, должны доказать всему миру, а может быть, прежде всего и самим себе свою интеллектуальную состоятельность. Ведь смысл наших собраний совсем не в том, что мы собираемся угощать друг друга своими выдающимися произведениями. Мы собираемся из уровня своего самостоятельного творчества по вдохновению перейти на уровень профессиональной литературной работы. Поэтому мы должны писать и учиться писать, выслушивать друг друга и безжалостно раскрывать наши литературные неудачи, при этом, не забывая отметить и творческие успехи. Потом все дружно выпили, и Миша, которому выпало быть первым, прочитал свой рассказ. Я не помню, о чём был этот рассказ, но осталось впечатление чего-то очень глубокого. Меня поразил профессионализм самого построения рассказа, все эти литературные нюансы, перипетии сюжета, а более всего подробности, которые и делают текст по-настоящему художественным. Я думаю, что рассказ произвёл такое впечатление не только на меня, на минуту за столом воцарилось молчание, потом что-то говорили, не помню, что, но всем было ясно: рассказ Миши Медведева задал такую высокую планку, достигнуть, а тем более, перешагнуть которую будет не так-то легко. Читал свои стихотворения Саша Есипов, если честно, то я не ждал от него таких стихов – они были очень лиричными, запомнился образ клавишей фортепьяно, по которым бегут лирический герой и героиня: «Ты бежишь по белым клавишам, я – по чёрным!» Я тоже читал свои стихи из заветной зелёной тетрадки, заполненной от

корки до корки творениями моего, как тогда думалось, гениального ума. В перипетиях последующих исторических событий она затерялась где-то, но думаю, что это не великая потеря для человечества. Из этой тетрадки в памяти осталась только вторая строфа, как я тогда считал – лучшего моего стихотворения:

Память движется цепью, в планетном венке
Нет места весеннему дню.
Ты уйдёшь в пустоту, как слеза по щеке.
Я в глазах василька, и в бездомном щенке
И в гитаре тебя схороню.

Никто ничего плохого по поводу моих стихов мне не сказал, но после всего услышанного твёрдо решил, что стихов больше писать не буду.

Надо ли говорить, что каждый прочитанный текст сопровождался как минимум двумя выпитыми стаканами сухого вина? Наверно, надо, чтобы исключить любую историческую недостоверность. В результате, примерно к третьему прочтению, обсуждение переходило на повышенные тона, мы открыто, не стесняясь, в глаза высказывали автору все недостатки или даже откровенные ляпы его шедевра. Уже не выходили курить на лестничную площадку к мусоропроводу, курили здесь же, на месте, так что к концу собрания в окутывавших нас клубах дыма контуры присутствующих угадывались уже неясно. Из обсуждения наших произведений мы плавно переходили к обсуждениям разных волнующих тем. Помнится, на каком-то из собраний Миша предложил нам поразмышлять о том, сможем ли мы выжить в условиях капиталистического Запада. Наше, социалистическое мироустройство при всех его недостатках казалось нам тогда единственно правильным и надёжным, а вот как там, где правит капитал, где жуткая конкуренция, сумеем ли мы выжить с нашей филологической профессией? Спорили, но как-то сомневались насчёт Запада, не представляли, как там вообще люди могут жить. Двери клуба закрывались далеко за полночь, и джентльмены расходились по своим комнатам вдоль стен, стараясь не расплескать переполнявшие их эмоции. Надо сказать, что так проходили все собрания ПИТОНА.

Весь 1983 год, вернее, то, что от него осталось до весенней сессии, для ПИТОНА прошло под председательством Миши Медведева. Осенью 1983 года собрания ПИТОНА возобновились. Не было с нами Миши Медведева и Саши Есипова, они уехали по направлению в школы, учителями русской литературы и языка. Вместо них пришли новые люди: Юра Бордюг, Сергей Сулковский, Володя Сербиневский, иногда приходил и Саша Пивкин. Вообще, заседания ПИТОНА обросли слухами, желающих присутствовать на обсуждениях иногда было много, мы пускали к себе всех, лишь бы они выполняли главное наше условие: вход две бутылки вина. Собрания нередко проходили в комнате, где жили мы с Чувьюровым-Маэстро. Мы рассаживались за столом, выставив все принесённые бутылки на подоконник. Было и такое, что желающие вступить в клуб толпились возле двери – им не хватало места за столом. Многие приходили – ПИТОН не был закрытой сектой, но мало кто задерживался. Отпугивала та высокая планка художественности, предложенная нам Мишей Медведевым. Едва ли мы тогда это осознавали ясно, но всегда при обсуждениях старались ориентироваться на эту незримую планку. Тем более, когда писали. Феномен ПИТОНА в том, что некая группа молодых людей, самозабвенно предававшаяся студенческой веселухе, внезапно отодвинула эту веселуху на второй план, выбрав путь в профессиональную литературную работу. Внешне это никак не проявлялось – всё, вроде, оставалось как

А. Канев, Е. Карпов, Ю. Бордюг, П. Лимеров.

прежде – лекции, весёлые компании, дискотеки, вино и девушки, но внутри себя каждый из нас всё же думал – как выкроить хотя бы пару часов, чтобы, открыв заветную тетрадь, отключиться от этого мира и писать. Потому что не тварь дрожащая, а право не даётся даром. Каждые две недели каждый из нас приносил гениальные стихи, рассказы, которые при обсуждении часто оказывались полным фуфлом – обижались, кричали, ругались, – но в следующем рассказе, стихотворении – старались учесть то, что было высказано. Многие приходили, и не задерживались – одно дело – писать для себя, когда ленивая муза сподобит выдать парочку перлов – раз в полгода. Срок в две недели многим казался нереальным – им хватало и одного собрания – мы их не держали. Конечно, и нам, старожилам ПИТОНА, двух недель явно было маловато, но никто даже не заикался о том, чтобы поменять срок. В последний день, как правило, оказывалось, что рассказ не дописан, подборка стихов маловата – начиналось «доведение до ума». На лекции никто из нас не шёл – сидели по своим комнатам и лихорадочно сочиняли, шлифовали то, что было уже написано – никто не хотел ударить в грязь лицом. Кто-то дорабатывал уже непосредственно на самом собрании, ставил точку, и обсуждение начиналось.

Конечно, деятельность нашего клуба не осталась незамеченной преподавателями. Т.Я. Гринфельд, заведующая кафедрой русской литературы, вызвала меня для беседы. Посовещавшись, мы решили, в свою очередь, позвать её на одно из собраний ПИТОНА. Конечно, на этом обсуждении мы обошлись без традиционных возлияний, более того, не было и обсуждений, мы просто читали то, что полагали самым интересным из

написанного. Даже не знаю, чего мы ждали от Таисии Яковлевны. Видимо, в нас, как нам тогда казалось, прожжённых и уже всё в жизни повидавших, всё-таки жила какая-то детскость, нам хотелось оценки нашего творчества, может быть, похвалы от безусловных знатоков литературы. Таисия Яковлевна, прослушав нас, какое-то время не знала, что сказать. Наши рассказы, как оказалось, уже перешли грань традиционного детско-студенческого сочинительства, в то же время они были далеки от генеральной линии социалистического реализма. Конечно, фантастика или притча не запрещены, но всё же, но всё же... Таисия Яковлевна не стала нас ни особенно хвалить, ни порицать. Она сказала, что если всё, о чём мы пишем, откуда-то берётся в наших головах, то нам и дальше следует писать, несмотря ни на что. Что мы, собственно говоря, и делали всегда.

Не знаю, чем был вызван глубочайший кризис 1983 года, но мы почти перестали учиться. Последствия не замедлили себя ждать. Один за другим были исключены из университета Олег Уляшев, Саша Чувьюров, Женя Карпов, Борис Величко, исключили и меня, правда, с правом восстановления через год. Так что зимой 1984 года состоялись, наверное, последние собрания ПИТОНА. По этому поводу мы особенно не переживали, верили, что рано или поздно вернёмся в альма-матер, а пока устраивались – кто грузчиком Универсальной базы, кто на лесоповал – впереди была целая жизнь.

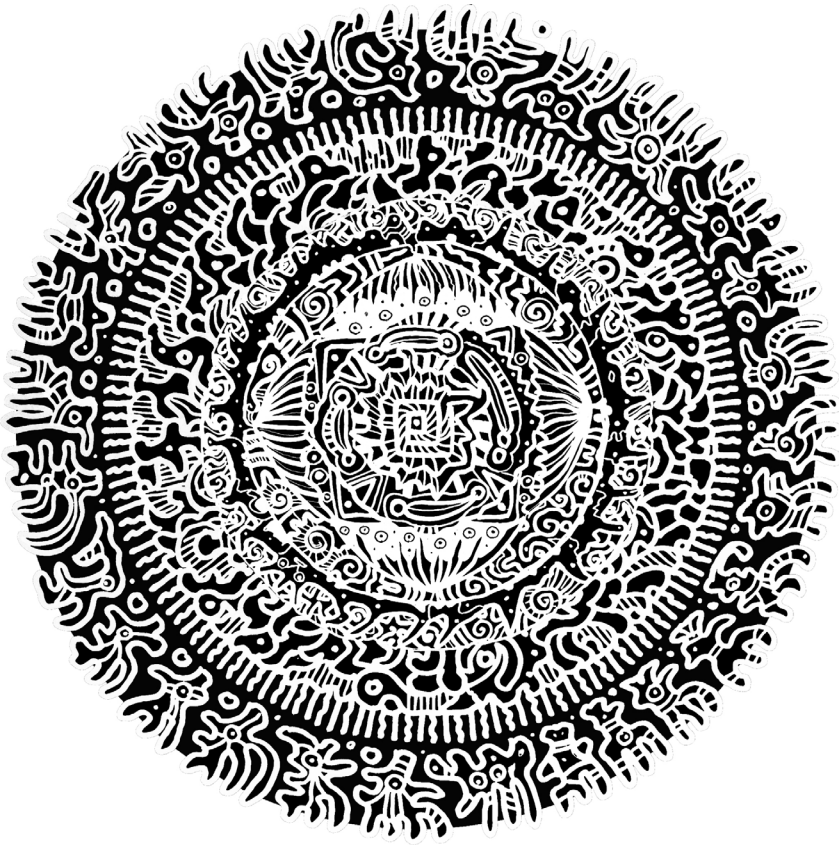
Нам и вправду удалось восстановиться в университете – помыкавшись по стране, мы возвратились «на круги своя» – как тот злополучный ветер из Екклесиаста. Восстановился, со временем, и ПИТОН. Но что-то важное, что было раньше, нам так и не удалось восстановить. Как-то незаметно изменилась жизнь – мы повзрослели – изменилось и наше отношение к творчеству. Нет, оно не ушло из нашей жизни, но мы, занятые невесть откуда взявшимися проблемами – немного сместили его на периферию. Совсем немного, но оказалось достаточно, чтобы проводить собрания клуба нерегулярно, чтобы допускать к обсуждению без новых произведений, и, как результат – исчезло ощущение совместного священнодействия, ритуальности соприкосновения с Творчеством. Конечно, мы понимали всё это, но ничего исправить уже не могли. Было безумно жаль наше детище, и я задумал хотя бы показать читающей публике филфака литературные недра ПИТОНА – в виде стенгазеты. Стенгазеты в то время не были чем-то исключительным – других способов публикации актуальных материалов просто не было. Выход факультетской стенгазеты «Филолог», впрочем, как и стенгазеты «Историк» – соседнего исторического факультета, вызывал некоторый ажиотаж – возле свежих стенгазет толпились студенты – читали.

Стенгазеты склеивались из нескольких ватманских листов – метра три с половиной в длину. Конечно, материала помещалось немного, но что делать. ПИТОН должен был превзойти все выходившие до него стенгазеты – иначе нечего было бы и огород городить – и всех поразить насмерть. Материалов было много – я как мог, отбирал менее объёмные рассказы, и всё равно оказалось, что стандартного формата стенгазеты недостаточно. Пришлось создать гигантскую стенгазету длиной в пять метров и высотой в два горизонтально склеенных ватманских листа. Всё пространство газеты я забрызгал синей гуашью – с помощью зубной щётки – и на этом синеватом фоне отчётливо выделялись белые листы с машинописью наших шедевров. Все произведения сопровождались фотографиями авторов – я даже не подписывал кто есть кто – всех их и так знали все филфаковцы. Заставку я срисовал с какого-то альбома рок-группы «Юрай Хип» – огромная клыкастая голова змеюки – может, питона – разинула

пасть, показывая миру раздвоенный язык. Газету приколотили гвоздиками к стене – ни на какой стенд она не помещалась. Читали. Высказывались. Всем нравилось. Газета провисела месяца два, потом её пришлось снять – вроде бы закончился год.

Из ПИТОНЦев ушли из жизни Иван Медведев, Саша Есипов и Миша Медведев, все остальные живут, здравствуют и тепло отзываются о ПИТОНЕ. Тот интеллектуальный толчок, который мы получили в ПИТОНЕ, определил и всю нашу жизнь на годы вперёд, связав её с литературным творчеством. Бывшие ПИТОНцы стали известными писателями – Олег Уляшев, Григорий Спичак, Евгений Козлов, Андрей Канев, работают в журналистике Евгений Карпов, Александр Чувьюров, Александр Пивкин, сам я как-то чередую журналистскую деятельность с научной работой. Мы создали ПИТОН, и ПИТОН сделал нас такими, какие мы есть сегодня.

Проза и поэзия ПИТОНа



Александр Чувьюров

Александр Чувьюров родился 18 мая 1959 года в селе Помоздино. После окончания средней школы поступил в Сыктывкарское музыкальное училище, но отучившись ровно год, неожиданно был призван в армию. Служил на Дальнем Востоке, Комсомольске-на-Амуре, то есть, некоторым образом причастен к строительству знаменитой во всех смыслах ж/д магистрали БАМ. После армии в музучилище не вернулся, а поступил в СГУ, на филологию. Там же начал писать первые рассказы в студенческом литературном клубе «ПИТОН». В 1989 году окончил факультет журналистики ЛГУ. Сейчас – редактор Дирекции национального вещания телеканала «Юрган».

Мой ПИТОН

Насколько я помню, литературный клуб студентов филфака СГУ под названием «ПИТОН» возник спонтанно. Среди нас, послеармейской молодёжи, учился возрастом постарше и на несколько курсов старше Миша Медведев. Жили мы в общежитии на улице Коммунистической, 72. И Миша как-то предложил нам собраться в одной из комнат, чтобы почитать друг другу свои литературные опусы. А какой студент-филолог не мнит себя литератором? Мы быстро согласились, ведь это для нас было интересно. Для нас, это – Гриша Спичак, Паша Лимеров, Ваня Медведев, Андрей Канев, Борис Величко, Женя Карпов, Вова Сербиневский, Сергей Сулковский, Женя Козлов, Саша Есипов, Вова Сумароков.

Тогда же Миша поставил условие: написать рассказ на любую тему за одну неделю, и ни днём позже! Помнится, тогда я был в недоумении – как можно написать что-либо литературное за точно указанный срок? А вдруг «вдохновение» не придёт? Или Муза затеряется в пути. Но Миша достаточно твёрдо сказал: настоящий литератор сможет написать именно в заданный срок именно то, что требуется – рассказ, стихи, повесть, эссе и др. Удивительно, это оказалось именно так. Ещё он добавил, что на первое заседание литературного клуба надо написать что-нибудь из жизни, жизненных наблюдений, а не «фэнтези» или другую фантастику, выдуманную историю.

Поскольку я был более-менее начитанным студентом, посчитал, что трудностей для меня не будет. Решил написать что-нибудь смешное из нашей общежитской жизни.

14

И вот, через неделю, мы собрались в нашей комнате. Для такого случая я нашёл где-то в рекреации зелёное сукно, сдвинул 2 стола, застелил их сукном, поставил в центре настольную лампу. Вечером мы собрались. Заседание открыл Миша Медведев. Одним из условий было ещё то, что свой опус непременно надо было читать самому автору, что для меня тоже было сложно, никакого публичного опыта чтений, я думаю, тогда ни у кого не было. Кинули жребий, кому первым начать читать. Написали на листочках номера, перемешали их в шапке-ушанке, и каждый вытащил свой порядковый номер. Я был не первый.

Когда подошла моя очередь, я взялся читать с воодушевлением, ведь у меня был написан «юморной» рассказ. Надо заметить, что начав читать с некоторой опаской, волнением, через абзац уже не замечал никого, а видел перед собой только рукописный текст. И вот я читаю смешной рассказ, но с некоторым недоумением замечаю, что никому не смешно! А ведь как старался!

После того, как все почитали свои произведения, слово взял Миша. Я думаю, это был замечательный критик, он оценивал наши первые опусы обдуманно, взвешенно. Касательно меня, он указал в моём рассказе лишние разговорные обороты, многословность, подражание вульгарным авторам. Потом говорили мои друзья, сказали, что смешно писать надо ещё научиться. Я тоже критиковал других. Что замечательно, говорили именно то, что думали, что тронуло, что не понравилось, и «как бы я про это написал».

Первое же заседание клуба «ПИТОН» открыло мне многое. Советы Миши Медведева и моих друзей помогли мне отнестись к литературному труду насколько можно ответственней. На заседаниях после прочтения всех наших рассказов мы тайным голосованием выбирали лучшего писателя, даже присваивали кому второе место, кому третье. Это подстёгивало писать всех вдумчиво, без излишней «водности» текста. И следующий рассказ о сельском мальчике-музыканте у меня получился. Во всяком случае, все мои друзья были впечатлены.

«ПИТОН» как бы заставил меня серьёзно взяться за чтение классической литературы. Меня поразили в своё время Томас Манн, Гюстав Флобер – вот кто писал тщательно, трудно, но читать его было одно удовольствие. Также для меня после «Питона» открылось, что можно писать прозу лаконично, отточенно, при этом вкладывать поразительно много философских смыслов. В этом смысле примером для меня стали Хорхе Луис Борхес, и конечно же, Франц Кафка: «Ибо мы как срубленные деревья зимой. Кажется, что они просто скатились на снег, слегка толкнуть – и можно сдвинуть их с места. Нет, сдвинуть их нельзя – они крепко примёрзли к земле. Но, поди ж ты, и это только кажется».

PS: Уже учась в ЛГУ на факультете журналистики, для меня не составляло труда «с полпинка» написать статейку в какую-нибудь производственную газету, репортаж о соревновании токарей, острую заметку о нехватке кирпичей на строительстве жилого дома и т.д. и т.п. Писал и другим моим сокурсникам, у которых был «форс-мажор» – статью надо сдать завтра к утру! К утру было готово.

Всё это, считаю, благодаря «ПИТОНу».

Евгений Козлов

Козлов Евгений Валерианович (Евгений Валериан) *чужис 1960 вося май 18 лунö Емдін районса Эжов сиктын. Помаліс Сыктывкарса государственнöй университет. Дыр кад чöж уджаліс «Войвыв кодзув» журналын. Йöзöдчö 1976 восянь. Кывбуръяс да висьтъяс петавлісны «Войвыв кодзув», «Арт», «Би кинь», «Чушканзі» журналъясын, öтувъя сборникъясын. Асшöр книгаяс: «Водзкыв пыдди» (1988), «Узьтöм войяс» (1994), «Кык книга» (2005). Вуджöдö роч да финн-угор авторъясöс.*

«Тэ помнитан...»

Ылыс кадысь öти лун

Кöн эзысь вöньöн ворсö ю,
Сэн вöвъяс келöмаöсь ваö
Да гебйысь гоньйöдлöны юр.
А тöвру жыннян шыяс вайö.

Уль руö саймовтчöма дорöс.
Ме юлань лэчча и ог тöд,
Мый тайö – вемöс либö вöт,
И коді менö сэтчö корö?

И со нин кажитчö, мый тайö
Зэв ылыс кадысь öти лун,
И вуджис сійö вояс сайысь
Да сöдзис вежöрö,
Оз вун.

Со аддза – эстöн пессьö дöва,
Кöть рудзмунöма сылöн ки,
Ва дорын песлалö джоджджöра,
А орччöн ноксьö ичöт пи.

...Кор асъявылыс кылас жыннян,
Сэк найö пуксьыласны сутш
Да кыд нянь сёйыштасны джынйöн.

И бара пессьӧм,
Бара удж.

И бара кыпыд-кыпыд сынӧд,
И бара чатӧр аньлӧн юр,
И мӧдлапӧлӧ сійӧ сынӧ,
Кӧн бӧрдны кокньыд зэв и бур...

1992

* * *

Шондібанӧй, зарнианӧй, югъялан тэ енэж шӧрас,
Помтӧм уджтӧ ассьыд панін рытъя кыаӧдз, а бӧрас
Быдмас абуыс и эмыс – сідз нин лӧсьӧдлӧма јенмыс.
Ой, олӧм, олӧм...

Турун сі кӧть туган-ниа – коркӧ кулас да и пӧрас,
Мыйкӧ, гашкӧ, сотчас биын, дзикӧдз тӧрмас ли, но бӧрас
Выль олысьлы вын кӧ сетас, бара быдмӧг сэтчӧ петас.
Ой, олӧм, олӧм...

Муса мортӧй, ловъя лолӧй, чужан-быдман парма шӧрас,
Нэмтӧ мырсьӧмӧн и олан, сэні-й ойбыртан, но вӧрас
Кольӧ ӧзъянаӧн биыд, чӧс туй вывті ветлысь пиыд.
Ой, олӧм, олӧм...

Коньӧр сьӧлӧм, ок тай, вӧлӧм, мыйта шогыс-гажыс тӧрӧ,
Ставсӧ верман нуны чӧла бӧръя здукӧдзыд, а бӧрас,
Шань мортлы кӧ выныд вуджас, мыла сьыланкыв на чужас.

Ой, олӧм, олӧм
Чужысь ловлы ыстӧ чолӧм,
А мӧд аскинас
Мунысьлы нин ӧвтчӧ кинас.
Мыйла му вылас и волам...

1994

Тӧвся роман

Водзкыв пыдди

Кор кӧдзыд зэръяс мӧдӧдчасны арын,
Кор туйыс няйтчӧ, енэж-муыс руд,
Ми тэрмасьӧмӧн мӧдӧдчалам карӧ,
И чайтам – сӧмын сэні овлӧ шуд.

Öд сиктад сэки олӧмыс дзик падмӧ,
А карад, мед и зэрӧ, таысь кос...
И кажитчӧ нин, быттьӧ мыйкӧ ладмӧ,
Но шудыс век жӧ оз на тэрмась, оз.

А сьӧлӧм олӧ виччысьӧмӧн, пессьӧ
Да гажтӧмысла морӧсад оз тӧр.
И мӧдан асьтӧ ылӧдлыны сэсся,
Мый регыд,
Регыд матыстчас выль тӧв...

1

...Усьӧ лым.
Помтӧг – усьӧ и усьӧ.
Бара тӧдлытӧг матыстчис тӧв.
Лымйыс енэжсянь лэччӧ уль ру сорӧн,
Быттьӧ мамӧным сысъялӧ йӧв.

Усьӧ, вӧтын моз му вылӧ водӧ...
Сӧмын муыс тай абу на кын.
Лымлӧн усьӧмыс чинлӧ то содлӧ:
Здук – и бара нин сылӧма лым.

...Менам вежӧрӧ талун со воис
Воддза лым, сійӧ некор оз сыв.
Сэтшӧм кыпыд друг лов вылын лоис,
Мӧдіс воавны кыв бӧрся кыв.

Лымйыс усис, и содіс, и содіс,
Мӧдіс воавны лун бӧрся лун.
...Мӧдіс казьтывны нимтӧ мен,
Коді
Менам паметьысь некор оз вун.

Мӧдіс казьтывны чужӧмтӧ,
Коді
Менам вӧтъясысь некор оз пет.
Мӧдіс казьтывны гӧлӧстӧ,
Коді
Меным войясын узьны оз сет...

2

...Усьӧ лым.
Тадзи сёысь нин вӧвлі:
Воас тӧв – бара усьӧ выль лым.
Но ме мыйлакӧ радла быд тӧвлы,
Сійӧ содтӧ мен эскӧм и вын.

Быттьӧ ставсӧ на бергӧдны позьӧ,
Быттьӧ миянӧс нинӧм оз кут.
Быттьӧ воас на эновтлӧм позйӧ
Тувсов лэбач моз воштылӧм шуд.

Пессьӧ сьӧлӧмын кутшӧмкӧ лача –
Мед кӧть ывлаыс пемыд да дур,
Муыс кынмас, и помассяс шляча,
Лоӧ лов вылын югыд да бур...

3

Тэ помнитан,
Кор тайӧ карас тӧдмасим,
Сэк тадз жӧ вӧлі югыд тӧвся лун!
Мен чайтсьывлӧ, мый ставсӧ тайӧс вӧтавсис,
Но мыйлакӧ тай ньӧти здук оз вун.

Ми мунім, мунім выльӧн усьӧм лым вывті,
Мый водзӧ лоӧ, некод эз на тӧд.
А ывла здук эз кӧсйы овны лымъявтӧг,
И тӧдчис – сійӧ регыдӧн оз пӧт.

И сэтшӧм кыпыд паркын вӧлі йӧлаыс,
А сьӧлӧмъясын шудыс чукйӧн тыр.
И чайтсис – ми нин нэмсӧ вӧлім ӧтлаын,
Но торъявлім, эг аддзысьлӧй зэв дыр...

4

Кор ывла вылын туröб пессьӧ мустӧма
Да коньӧр пуяс кок йылас оз ӧшйыны,
Ми шоныдінын кывзам вӧлі музыка
Да радейтлывпім видзӧдчыны ӧшиньӧ.

И уна пӧрйӧ вой шӧр бӧрӧдз сёрмывлім,
Ми сьӧлӧмъяс эг кутӧй сэки пӧдсаӧн,
И сэтшӧм уна быдтор йывсьыс сёрнитлім
Да лоим медся матысса бур тӧдсаӧн.

Ми музыкасӧ ӧткодьӧс дзик радейтлім
И гӧгӧрволім кывъяссӧ дзик ӧткодя.
И унаторйӧ эским ми да надейтчим,
И олӧмсӧ нин аддзим лӧсьыд вӧт кодьӧн.

5

Мед жӧ эськӧ коркӧ нӧшта ӧтчыд
Ывла вылас лоӧ татшӧм кӧдзыд.
Мусӧ-васӧ медым подйӧдз кынтас,

Туйяс вылысь лымсö чожа гындас.
Мед тэ воан кöдзыднас и рунас,
Сотчö бандзиб, кыв он сяммы шуны,
Сömын рудов синмад ворсысь битор
Шöпкöдö: «Ме кынми, быттьö йитор!»

Мыччöм кияс пöлялöмöн шонта,
Юмов чайöн гöститöдны понда,
И ог юав, мыйла татшöм лунö
Шоныд гортысь кöдзыд пиас мунін?

Со и ловзин: ворсан, быттьö пышкай,
Кута, но он сетчы киö, пышъян.
Другысь шуан: «Колö мунны, сёр нин,
Коркö мöдысь, эм кö тэнад сёрни...»

Муртса нюмдан, шоныд китö сетан,
Ру моз пемыд ывла вылö петан.
А ме коля виччысьны,
Мед öтчыд
Коркö бара лоö татшöм кöдзыд...

6

Лым усьö
Пушыд сэтшöм, кокньыд,
И сэтшöм уна.
Тэ муртса ликмöдчалан кокнад,
Тэ меысь мунан.

Но мыйла, мыйла тэнö лэдзи?
Да мый ме вöчи?!
Тэ öні йöткыштчан и лэбзян,
А ме ог вöтчы!
А лымйыс усьö, кад моз содö,
Дзик ставсö тыртö.
И тэнад кок туй вылö водö.
Эн ветлы дыр тэ!

Кок туйыд тырö,
А вошныд дыр-ö!

7

Кузь тöвбыд ветлім кар уличöд сёрöдз ми
Да видзöдалім öшиньясысь дзоридзьяс.

Кöн уна дзоридз, асьным быттьö ловзьылім,
А кöні абу – тыртöмлунсьыс повзьылім.

Тэ ассьыд ӧшинь тшӧтш жӧ вӧлі ӧзтӧмыд,
А сыын чветъяс – мичаӧсь да сӧстӧмӧсь.

Кыдз кӧсйыссис мен матыстны да окыштны!
Но полі тэнсьыд дзоридзьястӧ сотыштны...

8

Тэ помнитан:
Ми ветлім вокзал сайӧ.
Зэв кыпыд вӧлі лун,
А локтігмоз
Ми тувсов вӧрсьыс
Садьмысь дивӧ вайим
Да ваӧ пуктім –
Вӧсньыд лов пу рос.

И местітім ми сійӧс
Ӧшинь водзӧ,
Мед шондіыскӧд
Аддзысьлісны пыр.
И эскыссис,
Мый
Ичӧтикыс ловзяс,
Мый коръяссяс,
Мый мӧдас овны дыр.

...А помнитан:
Ми ветлім Киров паркӧ.
Ю берег дорыс
Вӧлі мичалӧз...
Но мыйкӧ торксис –
Мунам сэтшӧм пара,
А сёрнитам,
Дзик быттьӧ ӧтдор йӧз.

Ме пыр на зіли
Сёрни ладсӧ вежны
Да мыччи тэныд
Кыдзлысь ичӧт рос,
Но кывзыны эн кӧсйы,
Бокӧ кежин
И весиг россӧ
Мунігад эн босьт.

Ме сійӧс пукті
Аслам ӧшинь водзӧ.
И ставыс лои сідзи,
Кыдз эз ков –
Со ӧшинь дорын
Кыдз пу роскыс ловзис,
А лов пу росным
Косьмис и эз ов...

9

Гӧгӧр ставӧн дзик радлӧны –
Сыліс лым, абу пуж.
Тэ со тулыссӧ радейтан,
А ме ньӧти ог куж.

Сійӧ миянӧс торйӧдіс,
Кодыр садьмӧдчис сад.
...Быттьӧ кытікӧ орӧдіс,
Воши олӧмын лад.

Мӧда бара ме виччыны
Еджыд толаа тӧв,
Сэні, быттьӧкӧ вичкоын,
Вӧлі югыд и чӧв!

Син водз еджыдӧн мавтыштас:
Му и ва, сёртас-кӧдж.
Йӧзсӧ кӧдзыдыс матыстас...
Гашкӧ, миянӧс тшӧтш?

10

Усьӧ лым.
Водзӧ бергалӧ олӧм.
Шонді петалӧ,
Мый нӧшта колӧ...

1981–1987

Григорий Спичак

***Спичак Григорий Иванович** родился в г. Емва Княжпогостского района Коми АССР 6 августа 1960 года. По окончании филологического факультета СГУ работал учителем в сельской и городских школах, главным администратором в Коми республиканском драматическом театре им. В. Савина, главным редактором газеты «Вечерний Сыктывкар». Автор 4-х сборников рассказов, сборника стихов, сборника афоризмов и миниатюр. В 2008 году вошёл в список «Лучших авторов рунета». Публиковался в журналах «Наш современник», «Север», «Дон», «Колокол» (Великобритания), межрегиональных альманахах. Стихи переводились на армянский и венгерский языки, проза – на английский, польский и коми.*
В 2009 году вышла книга «Цитала».

Литературное объединение «ПИТОН» имело два безусловных «плюса». Первый «плюс» – здесь собирались люди, которых готовы были слушать и которые просто обязаны были говорить, оценивать произведения аргументированно. Пусть спорно, пусть предвзято, пусть со специфическими реакциями на темы «близкие» и темы непонятные, но всё-таки АРГУМЕНТ – это уже не обывательское «нравится – не нравится», а критерий, какой-то отсыл к литературному опыту или филологическому знанию вообще. Второй «плюс» – здесь невозможно было обижаться надолго. На пять минут или на двое суток, конечно, обижались – так уж устроен творческий человек, но обида – неконструктивна – это понимание ПРОЖИВАЛОСЬ каждым. И делало творца сильнее. Возможно, на чтениях «ПИТОНА» каждый из участников ощущал и обнаруживал разноликость читателя. Ну, например, когда два друга спорят – удачен или неудачен образ «старуха с глазами двух Лун»? Одному нравится, и он улавливает, что даже ритмика произведения построена под некое мистическое восприятие образа, а другой «питоновец» резко отрицает – указывает, что образ слишком пафосен, не работает механизм «верю»... «Ну, не верю... Даже карикатурно...»... Я вот до сих пор не знаю, кто из них более прав, но ведь сам спор рождал вопросы – чего не хватает для этого самого «верю – не верю»? Какие подводки, какие полутона нужны, чтоб образ становился более убедительным?.. Без «ПИТОНА» так и изучали бы только сказанное другими, с «ПИТОНОМ» учились говорить... и даже молчать и слушать.

Краткое содержание Первой книги «Цитала. Украденный посох»

В 90-х годах прошлого века вместе с открытостью и рассекречиванием больших объёмов информации в широком доступе стали появляться методики развития человека, вскрытия его резервных возможностей. В России появляются сотни и тысячи клубов и секций по развитию памяти, биоэнергетики, импульсной и мануальной терапии... Провинциальный журналист Георгий Бекетов получает неожиданное предложение от двух высокопоставленных военных, которых он принимает за представителей какой-то Государственной программы, на один из таких специализированных тренингов. Проучившись некоторое время, волею случая он выпал из тренинга, не доучившись считанные дни... Программа пошла без него.

В 2008 году, будучи уже небольшим чиновником и в отъезде по своим командировочным делам, он получает письмо-крик от врача-психиатра, который когда-то был одним из «тренеров»: «Погибли все... Приезжай...».

Бекетов выезжает в Москву и пытается сначала узнать, что происходит у одного из тех самых офицеров, которые его пригласили. Однако, странным стечением обстоятельств основную часть информации и даже совсем скрытую информацию Бекетов уже за эти годы собрал. При встрече Бекетов потрясён неведением офицера – тот не знает ничего о гибели людей, и самое странное – он не знает о невероятном исчезновении своего напарника Александра Григорьевича Фейхова, с которым они когда-то, почти 20 лет назад, приглашали на тренинг провинциального журналиста. Фейхов, работая в консульстве России в Мексике, на глазах двух свидетелей, мексиканца Паоло Акриса и ветерана Вьетнама американца Уильяма Баппера, просто исчез в вихре ветра...

В романе рассказывается также о том, как в начале 90-х в Свердловской области был создан почти научный кружок – Клуб Колумбов Времени, где люди науки и бизнесмены с хорошими деньгами пытались найти прорывные технологии по «заглядыванию в будущее» и вообще по перемещению во времени.

Параллельно активизировался ряд программ по аномальным явлениям и скрытым резервам человека, которые разрабатывались в закрытых ведомствах СССР – как в спецслужбах, так и в околоправительственных кругах. Ещё один офицер – полковник Сурненко, которому досталось наследство от своего начальника-друга по электронной разведке – «полочка Урбенина», документы, которые свидетельствовали о наличии в нашем мире сил, действующих вне привычных законов физики и законов времени, пересекается с Клубом Колумбов Времени и с оперативными работниками ФСБ, которые разрабатывают громадное дело – в Подмосковье стали десятками и сотнями появляться люди с обнулённой памятью, число пропавших людей тоже резко возросло... ФСБ считает, что ведётся какая-то неизвестная работа довольно масштабного характера с экспериментами над людьми с неизвестными задачами. Именно ФСБ собрала списки людей, прошедших тренинги специализированного характера, именно ФСБ за погибшими участниками увидела преступную связь, а не случайность... Тут Бекетов, вызванный в Москву совсем не врачом (врач в это время сам находится в тяжёлом состоянии поражения мозга), исчезает уже в самой Москве, включив в себе те резервы, которым его когда-то научили – наитие, считывание знаков, осторожность и недоверие «прямым путям». Отчасти его «исчезновение» стихийно, отчасти

путаницу с удовольствием устраивает он сам, пытаясь понять – кто его ждёт... А ФСБ справедливо предполагает, что Бекетов вызван в ловушку преступной группы для эксперимента, т. к. был в известной степени подготовлен для того, чтоб не сойти с ума и сохранить память. Оперативники в поиске Бекетова просят помочь специалиста-аномальщика полковника Сурненко. Сурненко подключает «нестандарт» – через своего друга, бывшего начальника милиции одного из районов Подмосковья, в поиск вступают даже уголовники во главе с бывшим спецназовцем, прошедшим войны и спецоперации за рубежом Вячеславом Пигашем... Пигаш – уже старик, получив обещание хорошей суммы и по косвенным признакам поняв, что ищут какого-то чудика, занимающегося аномалиями, соглашается влезть в поиски. К тому же – ему самому печально помнятся аномалии, с которыми и сам он сталкивался, особенно одна – в Анголе. После неё он растерял товарищей и, если по существу, именно после неё закатилась его военная карьера.

Бекетова отследили и через него, как на живца, дали преступникам даже начать эксперимент. Но полковник Сурненко не рассчитал и неправильно понял быстроту опыта над мозгом... Бекетов гибнет в кресле экспериментаторов, они же все арестованы. Патологоанатом Сергей Куликов, констатировавший смерть Бекетова, сталкивается с Пигашем и... узнаёт своего командира по Анголе. Полковник Сурненко, остолбеневший от катастрофы – погиб человек – интуитивно и на уровне аномальной догадки, что смерть тоже может быть мнимой, просит Пигаша сохранить труп Бекетова хотя бы одни сутки... Благо – время для отчёта и поиска перед офицерами ФСБ у Сурненко есть как минимум до рассвета, а может, и чуток больше...

Под утро в квартире Пигаша «труп» встал... Бекетов очень неестественно приходил в себя. Оставил на пыльной поверхности телевизора надпись «citala» – «ЦИТАЛА» – термин, которым обозначали на тренингах «линию перехода между реальностями». Самое удивительное, что вместе с Бекетовым-вставшим на диване Пигаша оставался лежать... труп Бекетова.

Живую часть Бекетова Пигаш провожает в Сергиев Посад, обещая сдать Сурненко труп, но не говорить о событиях воскрешения хотя бы сутки никому...

Бекетов уезжает, чтобы в совершенно обострённом состоянии найти вдруг своего друга-однокурсника, с которым когда-то в конце 80-х они и начинали страшные эксперименты с психикой и сознанием. Обнаруживает друга настоятелем маленького храма в отдалении от Сергиева Посада. Тот тоже, пройдя психушки и тяжёлый духовный опыт, сохранил и обрёл некие дарованные теперь уже Богом способности... Их беседа о том, что является воровством таланта, а что даром от Бога – является духовной квинтэссенцией романа... Бекетов уезжает домой – в Коми. И по дороге слышит и видит новые подсказки...

Повесть «Цитала. Резонансы» – это рассказ о событиях семь лет спустя после событий романа... Возможно, это произведение и не будет самостоятельным, т. к. его стилистика уже совсем в области научной фантастики и в цикле предполагаемых историй об аномальном положении вещей в нашем мире. Повесть рассматривает лишь одно из направлений загадок. В данном случае – загадок некоторых мест на земле, где словно «ниоткуда» появляются люди и птицы. Повесть-версия, повесть, ставящая вопросы и фантастические предположения, публикуется скорее в качестве повода для разговора и в чём-то нестандартного взгляда на привычные вещи даже на нашей скромной и тихой земле Коми.

ЦИТАЛА. Резонансы.
научно-фантастическая повесть

...главные события жизни часто становятся понятны только, когда жизнь закончилась. От того и страшен Страшный Суд...

...чтобы понимать Систему, надо выйти из неё или хотя бы уметь взглянуть на неё со стороны...

...главные мысли не говорятся, а проговариваются...

Пространственные и временные перемещения, а не заглядывания в другие миры – эти феномены стали единственным интересом заказчиков из среды сильных мира сего. К 2012 году уже никто в Клубе Колумбов Времени не тешил себя иллюзией, что это интерес каких-то государственных структур, потому что уже все расстались с привычным понятием патриотизма. Потому что сами перемещения взламывали понятия границ, интересов каких-то конкретных народов, территорий и государств. При чём же тогда в этой теме спецслужбы? Похоже, только в смысле одном – умением «играть» командно, на высоком уровне хранить информацию и работать с нею, и умением вливать чрезвычайно убедительную дезинформацию... Вторая причина – чем, если не фундаментальными категориями, должно заниматься оборонное ведомство? Энергия – это понятно, Информация – это понятно, а Пространство и Время – совсем уж само собой. И все эти фундаментальные категории становились оружием. Если во всех предыдущих разработках оружия основой боя были энергия и информация в захвате пространства и времени, то теперь начинали драться самим пространством и временем. Но тогда ЗА ЧТО ДРАТЬСЯ? За Царствие Небесное. За Вечность. Или за Небытие?

Совершенно из разных наук и религий сочетание знаний давало в Центр Силы собрания феноменов совершенно новые результаты. Иногда даже не результат, а всего лишь новый подход, который отменял многие предыдущие представления.

Автор

Восемь лет назад

В октябре 2008 года военный пенсионер Вячеслав Пигаш проводил на Ярославском вокзале города Москвы самую странную личность в своей жизни. Вздохнул с облегчением и поехал домой. В своей жизни этот седой старик видел столько, что хватило бы на пять-шесть человек весьма буйного характера. Пигаша судьба сводила с замечательными и необычными людьми. Работа у него была диверсионная, особо незамечательная, где порою за минуту боя заплачено месяцами тренировок и спец-

подготовки, где рабочее место всегда в пыли, грязи, часто вверх ногами и обычно с кровопусканием. И своим кровопусканием и чужим. Афганистан и Сейшелы, Ангола и Йемен хранят в стенах своих зданий и в пальмах оазисов местных президентов свинец заколоченный в них Пигашем.

Незамечательная личность, которую он проводил – был Бекетов. Человек из экспериментальной группы по активизации участков мозга, но в обычной жизни – мелкий чиновник из Республики Коми. Слово «замечательный» тут в совершенно буквальном смысле – от «заметить». Незамечательным Бекетов был потому, что его часто теряли, иногда теряли даже подготовленные сыщики. Перед экспериментом, в котором он дал неизвестный результат, его потеряли на тридцать шесть часов... Не заметили. Гораздо позже выяснится, что потеряли не его, потеряли именно эти часы, но полторы суток и Пигаш, и часть Бекетова, которая проецировалась в этой реальности в живом состоянии (об этой «части» поясню позже) не могли понять – что происходит вообще?

По наивности я (вынужденный говорить о Бекетове в третьем лице, ибо не понять разные состояния фиксации реальностей) тогда оказался в руках ребят, которые экспериментировали с расширением сознания, причём с расширениями такого рода, которые позволяли улететь в будущее. «Ребята» были из научных и бывших военных контор, но только эксперименты их в большинстве случаев оказались опасными и смертельными. Их всех пересажали потом, и выяснилось, что десятка три трупов и десятков восемь людей с «обнулённой памятью» в психушках Подмосковья – это их рук дело. (Хотя, справедливости ради, скажем, что совсем не все эпизоды криминала были творением их рук). А всё ради чего? Чтоб, зная будущее, контролировать сегодняшние решения, способные привести к власти и немерянному обогащению. Это если коротко... Но коротко не получится. Впрочем, уже не получилось.

Старый солдат Пигаш хотел и не мог понимать сути событий. Он, впрочем, догадывался, что всю глубину происходящего не вполне понимает даже та спецура, которая арестовывала «экспериментаторов». Она просто пытается контролировать аномалии и противоборствующие стороны, но, как и все, не понимает с чем или с кем имеет дело. Не Богом же был для Пигаша я – воскресший. А кем? Ведь раздвоился я в те загадочные «потерянные тридцать шесть часов» именно на глазах Пигаша. Представьте себе – вот лежит труп на сохранении в квартире Пигаша, а вот рядом с трупом проявляется прямо в воздухе он же, но стоящий в рост... И ещё консервы сожрал – голоден, видишь ли! И собаку-водолаза Гура гладил, и пальцами не призрачными на пыльном корпусе телевизора какое-то слово писал – «цитала» что ли... Или как-то так. Да, точно, только не «цитала», а латиницей «citala»...

Когда-то в бою в Анголе и после боя, уже в особом отделе на родине, Вячеславу Пигашу и двум выжившим его товарищам приходилось рассказывать и осмыслять увиденное ими в бою и после боя в джунглях. Видели они мёртвых, но... живых. И живых, но мёртвых. Тогда для всех, вернувшихся с ангольской операции, закончилось это приключение почти карательной психиатрией, долгими и нудными разборками. Хорошо хоть не выгнали из армии, а просто перевели в другие части. Потом распад СССР, и как-то всё это осталось в параллельном прошлом. Теперь старик Пигаш столкнулся с ситуацией не на уровне «кажется и может быть», а вот – во плоти проводил он на электричку человека, двойник которого в виде трупа остался лежать в его квартире. И за трупом этим сейчас утром должен прийти полковник Сурненко, его люди. И,

наверно, с ними будет один из старых его бойцов, с которым когда-то выжили в Анголе – реаниматолог Сергей Куликов.

После метро, сев в свой старенький «Форд», Пигаш теперь ехал в Люберцы на квартиру, в которой оставалась неживая копия уехавшего. Возможно, случись всё это пару дней назад, Пигаш бы сходил в церковь, к психотерапевтам, попил бы коньяка с пустырником что ли... То есть отнёсся бы к фантастической ситуации, как к обычному сдвигу истрёпанных мозгов и нервов старого солдата. Ещё, наверно, кидал бы по ежедневной своей привычке ножи в стенды на одной из своих квартир (их у Пигаша было целых три) и вместе с ножами выкинул из головы мертвяков и призраков, как это уже приходилось иногда делать в далёком и не очень далёком прошлом. Но сейчас за этим «задвигом» стояли какие-то большие и таинственные люди из самой серьёзной государственной «конторы». Они-то и попросили на сутки сохранить у себя дома этого «мертвяка». Потому что, кажется, понимали, что он не совсем мертвяк и, кажется, своим полумёртвым раздвоенным качеством чрезвычайно интересен определённым сильным людям мира сего. Эти «сильные мира сего» каким-то образом тоже имели дело с потусторонними силами – иначе не объяснить того, что произошло на глазах Пигаша минувшей ночью.

...Припарковавшись на своём месте с торца своего дома, Вячеслав Егорович прошёл до подъезда, пипикнул магнитом дверного кода, открыл дверь и в этот момент почувствовал что-то не то. Спецы по психологии могут медленно и нудно объяснять чувство «что-то не то». Но у человека, полжизни отдавшего работе в экстремальных условиях, чутьё на энергию «своего» и «чужого» было уже где-то в рецепторах кожи, где-то вне сознания, на уровне поля вне тела и, может быть, даже на расстоянии нескольких десятков шагов. «Гур мёртв. Впереди смерть...» – мгновенный сигнал получил мозг Пигаша.

Оружия с собой у старика-спецназовца не было, был один единственный метательный десантный нож, который в подъезде был так же «эффективен», как и консервный. Лучшее, что можно было сделать – выскочить из подъезда. Это не для себя, свою жизнь надо было Пигашу спасти для того, чтоб успеть сохранить и передать чудесную информацию полковнику Сурненко. Ведь труп, оставленный полковником не просто ожил, но и уехал. А ещё при этом и раздвоился... Но сзади предательски успел лязгнуть магнитиком замок парадной двери. Вячеслав Егорович успел полуобернуться к кнопке и нажать её. Электроника «думала» положенные ей полторы секунды... Слишком долго для вариантов жить или умереть. Пуля попала Пигашу в голову, под глаз. Хлопок выстрела был тише щелчка двери.

Между первой и второй пулей, размолотившей старику лобную часть, Пигаш прожил ещё целую жизнь...

...Когда вторая пуля пробила лоб Пигаша и скользила по студню мозга к гипофизу, старик с седой бородой и тёплым метательным ножом в рукаве кожаной потёртой куртки вышел в степь за своим железнодорожным бараком на Южном Урале. Станция детства – Рудный Клад осталась позади. В октябрьской унылой степи, где дрожала от слёз в глазах кромка горизонта, и слышался крик птиц с небес, Вячеслав Егорович поклонился земле на восток. Здесь на запад и невозможно кланяться – там шлаковые копи, и туда уходят пустые поезда. Он даже не оглянулся на Запад.

И вот Восток раскололся. Всё раскололось – и небо, и степь. В трещине между ними навстречу Пигашу в звёздном, фиолетовом пространстве, пахнущем горелой

электропроводкой, мёдом и оружейным маслом, шли четыре человека. Бекетов, Бекетов, Бекетов, Бекетов...

...Интере-е-есно... Зачем «призрак» поехал в Лавру? Ответа для Пигаша уже не было.

...И ангелы за Пигашем не пришли...

Долина Тимна. Октябрь 2015.

В долине Тимна в пустыне Арава не только птица, но зверь появляется ниоткуда. Только что жгло нещадной пыточной линзой белое солнце, а уже фиолетовый дым заката сваливается на Соломоновы столбы и шевелит тени от пещер до арки. Я сидел перед старым медным шурфом, слушал тихий стон из отверстия в каменном грунте, но иногда казалось, что это калёный горячий песок так долго сыплется, что эхо из-под земли сливается в единое заунывное постанывание. Может, это и вправду стон усталости тысяч рабочих, вколотивших в недра медных копей свою боль, усталость и надежду пять тысячелетий назад? Боковым зрением усёк мгновенное движение тени от скалы к скале – это не песчаный смерчик – сегодня нет ветра вообще. А вот ещё и за малым терновником, малюсеньким кустиком, торчащим среди камней, как испарина земли, шевельнулся воздух, но это совсем не воздух – песчаный кот слился с камнями, и спина его лишь дёрнулась лёгким дымком. Совсем, как во-он тот дымок от табачной трубки израильского охранника, сидящего с карабином у костра и старых тиглей.

– Якоб! Я-акоб! – кричу я охраннику, – Аппаратуру переставь, пожалуйста, на верхнюю часть навеса. Угол объектива к столбам – 15 градусов...

Якоб – громадный мускулистый дед, бритый наголо, с крупными татуировками, которые не видны под смачным загаром на плечах. Он закидывает карабин за спину и, оглядываясь на южный склон в сторону египетской границы, тащится по сыпучему склону мимо терновника к каменному навесу, под которым Наташка Радостева варит что-то на ужин. Якоб наш ангел-хранитель. В районе Бэер-Шева совсем густо идут обстрелы. Нас пугают вылазками террористов и просто чокнутых палестинцев. Якоб, служивший когда-то во французском Иностранном легионе, а теперь, молчаливо приглядывающий сторожем за «достоянием человечества» на медных копях мидийцев, по еле уловимым деталям поведения гор, дымки в горах, или ещё чёрт знает чего, периодически связывается по сотовому телефону с кем-то нам неизвестным и трындит языком военных команд какие-то вещи. Может, о нас рассказывает? Ну, пусть... Мне нравится его иврит с французским прононсом.

Мы – это я и Радостева, два израильтянина-анархиста, больше похожих на хиппи или на наших студентов-бардов 80-х годов, и профессор Винценто Коунти из Лиссабонского университета, кафедра орнитологии. Что мы делаем на границе с Египтом, а ещё точнее – на границе долины Тимна пустыни Арави с пустыней Негев? Мы ищем место, и уже знаем его, где появятся «ниоткуда» птицы. Мы нашли его. При определённом совпадении фазы Луны, давления (и, наверно, каких-то ещё неизвестных нам факторов) здесь в 20 минутах езды от Восточного Балкона, я окажусь рядом с... ручейком Газъ-ю на севере России, который в 20 минутах езды от моего родного Княжпогоста в Республике Коми. В это не поверит никто, но разве нам надо, чтоб кто-

нибудь верил? Вчера за бобовым ужином Якоб бросил хорошую фразу, рассказывая нам об опасной живности, которая ночью вылезает из неизвестных щелей загадочной Тимна: «Они глубоко прячутся от жары... Так глубоко, что мне иногда кажется, что они прячутся по ту сторону реальности... кхе-кхе... по ту сторону Земли...».

За сутки до предполагаемого проявления ЦИТАЛА по распоряжению Радостевой и профессора Коунти мы перешли к непрерывному наблюдению. Каждый в своём секторе. Почти снайперская работа. Меняться один раз в два часа, не отходить от приборов. Я был в паре с Наташей два дня, и главное удивление было уже в первый же день: «Ты писяешь когда-нибудь?» – невольно поинтересовался я, сходив за скальный гребень уже, наверно, раз пять. Наталья почти не ела, но пила-то в этом пекле, как и мы все – помногу, иначе нельзя. «Писяю, писяю, – ухмыльнулась Наташа. – Справляюсь... В казахских степях на практике ещё совсем юной девушкой как, думаешь, с этой проблемой справлялась? Среди мужиков научишься...».

После ночи, когда мне прилетела мысль о странной цифровой игре времени намаза, утром я выложил аргументы Наталье. Она вышла на связь с Коунти в Эйлате (тот в свою очередь обзвонил ребят – и тех, что на Синае, и в Негеве). Там тоже перешли в режим непрерывного наблюдения.

Особо надо бы отметить два вопроса: а) как нашим военным пришлось договариваться с израильской верхушкой о своём присутствии; б) что такое вообще – Иордан, Мёртвое море и пустыни Арава и Негрев.

По первому вопросу ничего не скажу – просто всё, что знаю – разговор был через научные и большие дипломатические круги. А по второму вопросу, думаю, сама справка об этом месте заставит задуматься о многом.

Если вы стоите на берегу Мёртвого моря, то знайте – вы стоите на самой низкой от уровня Мирового океана точке суши. Ниже четырёхсот метров от уровня... Речушка Иордан, в который ломятся тысячи и сотни тысяч паломников, чтоб «смыть грехи», по-видимому, их-таки смывают. В Мёртвом море всё мертво. Грехи мира убили всё живое и где-то там, под морем Содом и Гоморра, преисподняя всей тварной и нетварной энергетики нарушенного Закона наверху – в мире этом. Иордан течёт сквозь Голанские высоты, сохраняет своё русло в Галилейском море (состав воды в двадцати сантиметрах отличается от галилейской воды), продолжает течение, слегка пополняясь пересыхающими ручьями, и вливается в Бездну... Вода из Мёртвого моря не только испаряется, её не только развозят по бутылочкам с лечебной грязью – ВОДА УХОДИТ. «Берегись. Всё в воде!» – я помню ответ Бога на крик души истерзанного человека «без кожи», который ехал из Сергиева Посада домой осенью 2008 года, чтоб зайти в ледяную воду самой чистой реки Русского Севера – неосквернённой кровью, непроклятой, хранящей в недрах своих ключи и пополняющейся ручьями типа Газъ-ю. Емва – священная вода... Йымынг вош – манси, вогулы и коми знают, что стоит за берегом. Это не просто вода – это ВЫХОД ВОДЫ, это ДАР БОГА.

Наташка Радостева не разделяет мой восторженный взгляд на Газъ-ю и на мою Емву. Она считает, что таких выходов на земле много. «А вот Большой Слив – он один. Иордан и Мёртвое море». Что-то типа канализации мира.

– Тогда почему из этой жопы должно что-то вылетать? – дразню я её.

– Ну, вообще-то рядом с попой есть ещё дырочки... Особенно интересны они у гемафродитов. А Земля, как единый организм – конечно же, гермафродит. Причём самовоспроизводящийся гермафродит. Бог разделил на мужское и женское многое на

Земле. Саму-то Землю не разделил... – Наташкины лекции в стилистике натурфилософии, пожалуй, единственный способ не слышать навязчивый шёпот песка: «Шшшто жжждёшшшшшшь? Ищщщщи...». Здесь птицы не поют, зверьки только ночью роняют камни со скал и шебуршат у выходов из своих норок. Ослепительный от аравийского солнца день, как ни странно, эффект тишины даёт ещё больший.

Весной нынешнего года я похоронил свою тётю, она старенькая была, умерла тихо. Родня спорила, где её хоронить, но я решил, что с мужем надо, с сыном, которые ушли гораздо раньше её. «Прилепится жена к мужу и будут они одно...» Страшный Суд вместе ж должны встречать. И вот увезли мы её на сельское кладбище в Шошке, село, которое всего в 10 вёрстах от Газъ-ю. А уже возвращаясь я снова, уже в третий раз, увидел картину появления птиц «ниоткуда». Вернее, руку положа на сердце, пространство, из которого они появлялись, обозначить было можно, но только вот вылетать там неоткуда... Стая гусей, голов шестьдесят-восемьдесят, в три-четыре секунды проявилась, словно из воздуха на площадке, с одной стороны которой бурелом непроходимый, с двух других – открытое пространство, просматриваемое нами, и с четвёртой стороны опять же – глубокий овраг с зарослями ивняка; здесь продраться пять шагов – это большая работа топором. В общем, полнейшее ощущение, что птица «прячется по ту сторону реальности... кхе-кхе... по ту сторону Земли...», как говорит Якоб. Той же весной меня нашла Радостева. Впрочем, что значит «нашла»? Её группа как раз и фиксировала «выход ниоткуда» у нас, на Выми, в районе деревни Кони. Там же они и подстрелили гуся, окольцованного здесь, в махтешим в пустыне Негрев. Махтешим в переводе с иврита «ступы». Это огромные кратеры. Их три в Негеве и два на Синае. Об их происхождении есть разные версии – от падения метеоритов до размыва зимними наводнениями оснований гор. Все три махтеша имеют вытянутую форму и направлены с юго-запада на северо-восток. Самый большой из них – махтеш Рамон – длиной около тридцати вёрст и шириной до пяти. Там сейчас тоже торчат наши наблюдатели – на ступе в Негеве профессор Шакоцкий из Уральского отделения Академии Наук России, на Синае – полковник Сурненко и ещё один незнакомый мне доктор.

Время нашего наблюдения всего полторы суток. Всего семь намазов... Такая вот странная привязка к намазам. По утверждению профессора Шакоцкого, мы должны быть особенно внимательны в минуты намаза. У каждого из нас памятка, на которой расписаны минуты, когда мусульмане встают на молитву. Среди нас мусульман нет ни одного, если не считать эритрейца Омона, работающего на приезжающей водовозке (впрочем, особой набожностью он не отличается и неизвестно, совершает ли намаз). Семь намазов, но готовимся мы к «нашим дням» уже третьи сутки, и, скорее всего, после контрольного периода надо будет здесь остаться ещё на пару дней. Итого – неделя.

Как упоительны вечера, я знаю теперь – не только в России. Это обалденное чувство, когда весь день ты смотришь на пустыню, а потом всю ночь пустыня смотрит на тебя. И ты каждой клеткой слышишь тысячи глаз – змей, каких-то зверушек, леопарда, песчаных котов и ящериц, людей... да, на тебя смотрят какие-то люди, я знаю это точно, как и подтверждает своими ощущениями и Якоб, и Наташа, и парни-анархисты Мишель и Саня. Может, это египетские пограничники, какая-нибудь их разведка, рассматривает нас в бинокли с приборами ночного видения. Может, это молодые бедуины, которым ночь не ночь и пустыня, как сарай рядом с баней, в моей деревне.

У меня есть тоже карабин. Якоб некоторое время присматривался ко мне, потом

достал из своего кабриолета-развалюхи такой же карабин с двумя обоймами. Но я, честно говоря, в нашу защиту не верю. Мы ж у костров. Мы ж на виду. И если нет какого-то реального армейского прикрытия со стороны израильских пограничников, наши с Якобом шансы на сколь-нибудь серьёзное сопротивление бандитам или палестинским экстремистам равны нулю. Мы у них на ладони...

Правда, ещё в аэропорту Овда офицер службы безопасности успокоил нас фразой, наверно, продуманной энэлпишниками израильских спецслужб: «Если потерялись или заблудились, не бойтесь... Об этом мы уже будем знать, потому что за вами будут наблюдать всегда»... И через чётко выверенную паузу в две секунды повторил: «Всегда. Совсем буквально...». Вот, наверно, и эти «всегда» наблюдают тоже. Око с небес мы, конечно, тоже чувствуем, но всё-таки, когда обалдеваем от упоительных вечеров Израиля и парка Тимна, и чувствуем взгляды из мрака ночи, мы говорим о земных загадках и земном контроле.

Наталья приготовила очень «куриный ужин». Она так и предупредила: «Не закудахтайте... сегодня слишком много курицы...». Куриные биточки, жаренные окорочка, тушёное филе с овощами, паштет и тот из белого мяса грудки. Перец, помидоры, лимон и фляжка кислого вина спасает наши желудки и наш аппетит. Едим до полуобморочного состояния. И третий вечер подряд удивляемся тому, что весь день есть не хочется, а вечером открывается жор.

Наташа ворошит костёр. Привычным жестом подтыкает под платок на висках седые пряди, щурится, задорными лучиками бегут от уголков её глаз морщинки-лучики. Но ещё смешнее, когда она не щурится – незагорелая часть морщинок делает её лицо улыбающейся маской. Она сама шутит: «Это у меня, как у дедушки То Фун Шана. Была у меня подружка в юности, а дед у неё был китаец... Физиономия у него была вечно в гармошку. Наверно, улыбался много... Жизнь у него горькая была, приходилось много улыбаться... Именно от него, кстати, ещё давным-давно в детстве я впервые услышала про китайское поверье. Случаются времена, и есть такие места, – говорил дедушка То, – когда на Землю выходит человек и птица, зверь и муха, но выходят они откуда-то из другого мира...».

Анархисты от её рассказов с каждым вечером ухмыляются всё меньше. Завтра нам, возможно, впервые в истории науки придётся фиксировать этот выход живых существ НИОТКУДА. Здесь, на Земле Израиля, в местах, где вообще зародилась ойкумена современной цивилизации, мы увидим Утробу Мира. Примем роды... Ну, или скажем скромнее – будем наблюдать роды. Мы никому и ничего не пытаемся доказать. Нам не дадут доказать. Из нас просто сделают идиотов, облают в прессе и на телевидении. Но мы делаем это не для прессы, а для науки. А я так вообще – для себя. Чтоб понять – где во мне заканчивается моя впечатлительность и воображение, и где начинается объективная реальность.

Я смотрю на листочек в блокноте, где расписаны часы и минуты намаза. Вот выделены те семь, на которые рекомендовано обратить особое внимание. Время: 4 часа 45 мин. утра, 10 часов 11 минут, 13 часов 41 минута, 15 часов 28 минут, 18 часов 22 минуты, 5 часов 24 минуты, 9 часов 18 минут...

– Сегодня отсыпаемся более-менее, – говорит Наташа, – а завтра заступаем на марафон. Напоминаю, что более суток вы должны обойтись без сотовых телефонов. Если мы уж даже с пограничниками и службой безопасности Израиля договорились, то грешно будет самим нарушать...

Она обжигается горячим рагу и, словно давясь, добавляет: «Не думаю, что сото-

вая связь тут помешает, но уж для максимальной чистоты эксперимента постараемся...».

Ночью я проснусь раз двадцать. «Высыпаемся... ага...». На двадцать первый проснусь с жутким открытием – мы неправильно ждём часы намаза!!! Я встал, подобрался к костру, достал блокнот. Точно!!! Время намаза правильно – мусульманам виднее – а вот наше ожидание должно быть привязано не совсем буквально. Я начинаю играть цифрами. Точно. Совпадений быть не может – не 4.45, а 5.45. Не 10.11, а 11.11. Не 13.41, а 14.41...

И далее так же... Причём последние два намаза наоборот – не плюс час, а минус час, т.е. минус единица. Не 5.24, а 4.24. Не 9.18, а 8.18...Симметрия. Знакомая симметрия. В моей жизни она почти всегда означала опасность, или, как минимум – путь сомнительный и опасный... Но тут-то наоборот – Жизнь приходит на Землю. Причём приходит в законченном воплощении. Ни хрена не понимаю... А один момент вздрючивает вообще все мои размышления – ведь ТАМ, наверху, не считаются с нашим социальным временем. Это же мы, земляне, придумали часы, минуты... там, во внечеловеческом пространстве, их нет... Тогда что за странное совпадение? Или одна сила наверху делает Жизнь, а другая предупреждает – Это не Жизнь, а Смерть. Предупреждает или путает? До сих пор – не путала, до сих пор в моей жизни такие предупреждения имели смысл.

Не хочу и не могу ждать до утра. Якоб ворочается у костра и словно слышит моё напряжение:

– And then a sudden guess... You see... I will wake Natalya up... (– Тут неожиданная догадка... Понимаешь... Я разбужу Наталью...).

К костру неожиданно выходит из своей спальной палатки Саня, один из анархистов. Это высокий шатен с длиннющими вьющимися кудрями с вплетёнными в них красными и чёрными ленточками. Он всегда в одном и том же брезентовом жилете, то распахнутом, то застёгнутом на разнокалиберные пуговицы. Сане лет тридцать. Он родом из деревушки под Одессой, но его родители ещё дошколёнком повезли в Израиль и не довезли. Застряли сначала в Вене на полтора года, потом в Канаде осели на целых двенадцать лет, а в конце концов переехали в Детройт. Саше переезд не понравился, и он ломанулся в Нью-Йорк, где оказался в среде левацтвующих музыкантов. Политики там было только для антуража, а вот отрицалова всего мира – завались. Их тусовка из Бруклина рассыпалась по всему свету. Сане выбили зубы французские полицейские на акции антиглобалистов в семи льё от Давоса, его пырнул ножом воришка в Испании, которого Саня пытался задержать. В каталонской больнице Сен-Истмонса он познакомился с анархистом-израильтянином Мишелем, который как раз ехал на очередную акцию антиглобалистов, намечающуюся в Мадриде, но самым нелепым образом отравился какой-то похлёбкой в придорожной харчевне. Они слушали одну и ту же музыку, читали одни и те же газеты, курили одни и те же сигареты, и им нравилось чёрное и красное. Для сближения одиноким людям на планете иногда нужно очень мало. Теперь Саня в парке Тимна на границе стран и миров ловит с нами ЦИТАЛА – границы коридоров между мирами... Забыл сказать: Мишель, судя по всему, сын очень богатых родителей. Мишель купил в Араве четыре гектара пустыни, поставил там палатки, Скинию Завета и четыре длиннющих парника!.. Слов нет... Парник в пустыне. Н-да... И там круглые сутки гремят гитары. Потерявшиеся в этом мире собираются там, чтоб спеть песенки, накуриться до сильно

«изменённого сознания» и всю ночь смотреть в огонь костра с мыслями о странных географиях своих судеб.

Мы, здесь, в Тимна, и Мишелю и Сане нравимся. Нравимся оптикой, кострами и сумасшедшими разговорами, расширяющими представления об «однокомнатном мире»... Они считают нас похожими на них. Поэтому Саня ночью пошёл на звук голоса моего и Якоба... Гитару и радио мы запретили. Режим тишины и электромагнитного штиля на шесть суток.

Я ему, а он Якобу, вкратце пересказываю свои догадки и свои ощущения от симметрии. Саня оживляется, кивает головой: «В этом что-то есть. У меня такая же фигня...». И он рассказывает, что любые проявления симметрии с детства научился считать сигналами запрещённого коридора судьбы. «Между прочим, – говорит Саня (а разговариваем мы медленно, потому что Якоб просит перевода, но даже когда не просит, Саня пытается ему вкратце объяснить суть), – между прочим, сегодня у меня уже было несколько симметрий. Что особо напрягло – здесь-то какие могут быть симметрии, абсолютно исковерканный ландшафт. Но! Наталья Александровна шлёпнула мне рагу с филе в тарелку, а оно, как на картинке, так симметрично улеглось, что... ну, короче, так не бывает. Ваши сумки лежали... Полог на шатре с двух сторон ветром синхронно загнуло, и птицы на опоры в это время сели. С двух сторон... Что-то ещё было. И вот чувствую, что-то в воздухе, как будто исчезает, будто воздух откачивают... что-то неестественное...».

Наши предки, наверно, не случайно боялись симметрии, зеркальных отражений, и Зло рисовалось ими в строгой острой «правильности». Ни дома, ни храмы не строились симметрично. Святая София в Великом Новгороде, как и сотни храмов домонгольского периода не имели похожих стен и даже стен одинакового размера. Но сегодня тех храмов нет – несимметричных, как природа, дисгармоничных, как грешная человеческая душа. Я рассказываю Сане и Якобу о симметричных пирамидах и несимметричных русских храмах на заре православия. Кстати, на Святом Афоне симметрии не встретишь тоже. Нигде. Ни в чём. Никогда.

Саня рассказывает про здания Нью-Йорка и Детройта: «Там сплошная симметрия...Там из человека само пространство делает «кубика«...». Ладно, это всё наша лирика, наш субъективный опыт – именно с ним, с этим нашим ненормальным опытом мы и оказались здесь вместе. Ведь в конечном счёте нас всех свела именно эта способность – видеть мир в необычном ракурсе, видеть знаки, которые не хотят видеть другие.

Решили всё-таки разбудить Радостеву. Если симметрия попёрла, то, возможно, не стоит ждать условного времени намазов, а уже сейчас дежурить «на оптике» и на инфракрасных, ультрафиолетовых измерителях. Они простые у нас – от армейских приборов ночного видения до специальных линзовых «выгибателях» пространства. Жаль, профессор Коути задержался в Эйлате. Может опоздать...

* * *

Краем уха от одного из академиков Сурненко услышал версию, что подопечные «научного колумба» хотят победить математической моделью, а потом физическими опытами абсолютный ноль градусов – минус 273. Там замирает вся относительность вещей и объектов, а значит, должно замереть и Время... Интересно, а за минус 273 они

обнаружат «минус Время»? Или этот минус интересен, только если в те суперминусовые температуры уйдёт сам наблюдатель? Сам учёный со всей окружающей действительностью должен остекленеть в абсолютных нулях. И это, конечно, невозможно – бред какой-то... Математически понятно, но это как раз тот случай, когда математика точна, а к физике реальности это не имеет никакого отношения.

А где она – реальность? Вадим Владиленович Сурненко – бывший военный специалист электронной разведки, человек весьма искушённый всякими аномальными явлениями и имеющий большие или меньшие подтверждения «документальности» этих явлений, терялся в одном – и считал это главной проблемой – каковы критерии реальности и СКОЛЬКО РЕАЛЬНОСТЕЙ? Ну, вот, например, математическая реальность одна, а физически она невозможна. Уже хотя бы потому, что действие не взять в скобки, как на бумаге. Или знак «бесконечность». Математики придумали его, чтоб создать «актуальную бесконечность», а для людей актуальной бесконечностью «придуман» Бог. Или люди придуманы частью «бесконечности«? «Самое плохое – в разборке линии между жизнью и смертью почти невозможно зачастую даже приблизительное проверочное действие», – устало вздыхал от «тупиков» внутреннего труда Сурненко.

Зато профессор Шакоцкий был для Вадима Владиленовича настоящей находкой. Он с удовольствием и легко принимал любое чудо. Этот биофизик посвятил себя нескольким направлениям науки сразу. Он искал ключи генома и занимался новыми кластерами воды нано уровня. У него были седыми, как у волхва, ресницы. Он сжёг ферментацию в своих веках долгой работой с лазерными микроскопами. Голосом вещуна сквозь тьму веков, он мог, как былину, петь парадоксы на тему конфликта и гомеостаза парасимпатической и симпатической нервных систем и классификации внутреннего и внешнего сигнала конфликта... Более того – он это чудо пытался расшифровывать немыслимым смешением разных наук. Его методики казались сами по себе чудом лабораторного гения, и этот гений привлекался в комиссию по чудесам не только при Священном Синоде Московской Патриархии, но и академиками Геленжиновским и Гинзбургом. Нобелевский лауреат Виталий Лазаревич Гинзбург был, кстати, гностиком до мозга костей, но при этом яростным богоборцем-атеистом. На него в последние годы несколько «воспитательно» влияла дружба с дьяконом Кураевым, но Гинзбург был тот человек, который «вне всяких церковников» хотел разобраться с чудесами. Шакоцкий с удовольствием брал на себя часть направлений... И оба они разводили руками над частью чудес – «это вне всех известных законов!». Сила настоящего учёного в умении сказать – «тут я ничего не понял, этого я не знаю, но подтверждаю – это как-то работает». Гинзбург был честным учёным. Шакоцкий тоже.

В Клуб Колумбов Времени он попал тогда, когда создал интегральный видеоскоп, позволяющий ставить диагноз процессам в организме одновременно на нано уровне, на молекулярном, на клеточном, тканевом, органическом и полевом – уже вне тела. И видеоскоп этот занимал пространство меньше ноутбука. Это был немыслимый прорыв в диагностике. Но что увидели за всем этим академик Геленжиновский и ещё два светила академика? (В Клубе к 2004-му году уже был состав, уровень которого позволял Клуб называться научно-исследовательским институтом). Академики увидели возможность считывать резонанс времени. Дело в том, что смещение объектов в микромире, мире и макромире идёт по-разному, а Время невозможно считать иначе, как относительностью объектов друг другу. Ведь так мы считаем день-ночь по отношению к Солнцу, так мы считаем годы и мгновения... Но в микро и макромирах свои

«часы» – там своя идиотия (не от слова «идиот», а от слова «идиос» – особый, отдельный).

Короче говоря, о Шакоцком два московских института говорили примерно так: «Был Гук, был Левенгук, был Парацельс, но они только были, а сейчас есть живой Шакоцкий...»

Обратная тяга

Попробуй себя поймать... Закройте глаза. Представьте дни недели. Вы никогда не ловили себя на том, что всю жизнь дни недели представляете так, как их вам заложили в дневнике школы: сверху вниз понедельник, вторник, среда, а потом снова сверху вниз четверг, пятница, суббота... А где воскресенье? ВОСКРЕСЕНИЕ где?! Его нет. Оно топографически отсутствует в вашей внутренней визуализации Времени.

Вот вы строите планы на будущее. Например, на отпуск будущим летом. Где в вашем внутреннем пространстве будущий июль или август? И абсолютное большинство с удивлением обнаружит, что будущее где-то впереди чуть справа и немного вверх. Попробуйте закрыть глаза. Потренируйтесь, только не выдумывайте, а именно прислушайтесь – где во внутреннем времени вы видите будущее, какова «география Времени» внутри вас?

А прошлое? Оно почему-то слева и чуть, как бы сзади... Но если тренер попросит показть вас с закрытыми глазами, где вы видите 28 марта 2004 года, например, то опять же АБСОЛЮТНОЕ большинство людей покажет от себя слева... Но на самом деле (если ещё более «тонко» и точно, то слева назад).

Что находится в секторе справа и сзади? Что в секторе слева впереди?

Справа сзади – сектор Инферно. Слева впереди – почти прямо – Бог, который рядом с вашим будущим, но не на его пути. Почему рядом? Потому что «Бога человеком невозможно видети, на Него же не смеют чины Ангельские взирати...». Заглядывая в житейское будущее, человек никогда не заглядывает в нежитейское, ОНО рядом, но не на линии прогноза и планирования.

Теперь разберёмся – почему такая внутренняя топография? Человек, как и вообще живое существо, ориентируется на Солнце, на Свет – «помните – вы дети Света» – говорит Христос в евангелии. И вот человек, смотря на солнце, всегда видит его движение слева направо. Потому что нельзя смотреть на солнце, лицом к северу. Мы ж на юг смотрим... Прошлое – это то место, где свет (солнце) было некоторое время назад, т.е. слева. А почему же мы представляем прошлое не просто слева, а чуть-чуть слева назад? Потому что мы ещё и ходим, движемся лицом вперёд. Таким образом за этот же период прошлый свет как бы сдвинулся ещё и назад.

Что между слева назад и справа вперёд? Настоящее или неосмысленное (неисповеданное даже перед самим собой) близкое прошлое. Что между справа вперёд и слева назад по той части пространства, которая далее по кругу (т.е. там, где закат солнца, где тьма)? Как уже говорили – Инферно, смерть, ничто, ад.

Как странно – справа внизу – печень, место очистки, желчь, фильтр... Впереди и чуть слева (по отношению к Богу – справа) – сердце...

Храм Гроба Господня по отношению к Храму Отца (Храму царя Соломона) – слева вверху. То есть Христос справа от Отца, как и говорил – «одесную Отца сяду»...

Таким образом, внутренняя топография и система координат (та самая Альфа и Омега) совсем не соответствуют любым внешним разметкам нашей внешней реальности. Внутренняя всегда (ВСЕГДА! FOREVER! PERPETUO!) другая, устремления её другие, главное в ней – всегда РЯДОМ. Отсюда выражение древних «Истина где-то рядом».

Один наблюдательный врач-реаниматолог опубликовал в научном журнале статью, в которой рассказал о странной статистике: абсолютное большинство людей, умирающих в сознании и не стремительно (то есть – не в авариях, не в состоянии шока, а умирающих спокойно) в последние секунды перед смертью смотрят куда-то вверх и вправо, улыбаются, что-то увидев уже в переходном состоянии...

Мёртвое море – печень Земли. Иордан – последний фильтр Земли. Ниже уже некуда. Самая нижняя точка поверхности. У Земли есть тоже своя топография реальности, скрытая от публичной географии. Геологические карты имеют совсем другие рисунки, совсем другие «пейзажи». Как, впрочем, и сама Земля – из космоса она кажется синевато-голубой, из стратосферы – красно-зелёно-жёлтой, с высоты в десять тысяч метров она уже жёлто-зелёная и сине-серая, почти чёрная кажется над океаном, с самолётика АН-2 будет казаться тёмно-зелёной... Но парашютист всегда обнаруживает грязь и глину, песок и чёрные лужи, когда на реальность встаёт ногами... А что – разве там, наверху, когда летели между звёзд, мы видели с Орлом не реальность и не Землю?

Итак, эта диагональ – нижняя точка, напротив которой Высшая точка интересна тем, что здесь и человек может поймать молитвенно (и не только молитвенно) Резонанас. Согласно Закону Вселенной, который знали и волхвы, который знали и халдеи, и жрецы фараона, который не таясь распечатали в своих книжках тамплиеры и розенкрейцеры «Вибрирует всё видимое и невидимое, всё известное и неизвестное». И другой Закон гласит «Что наверху, то и внизу, что внизу, то и наверху». Тогда остаётся человеку только одна задача, и в ней смысл его жизни – найти эту точку резонанса. Внешне и Внутренне. На указанной Диагонали (Иордан-Небеса восточнее прошедшего Солнца) просто Самое Длинное Плечо, самый гулкий колодец, самая строгая вертикаль. Это, как, например, в рупором сложенной газетке только при определённом угле выхода звука изо рта будет реальное усиление, произойдёт максимальное фокусирование волны звука. Резонанс духа максимален в нижнем течении Иордана. Впрочем, от времени года точка может перемещаться на несколько десятков, а может, и на сотню километров.

Импульс сердца, осмысленный, выраженный в образе, становится тогда алгоритмом Вселенной. Каббалисты пытаются это моделировать часто... Существование Резонанса, поиск его – часто и есть духовный поиск. Переживший резонанс хоть один раз, будет искать ЕГО всю жизнь.

Но вот есть хитрый и почти никогда и нигде не рассматриваемый вопрос «соседства» с Резонансом – и пространственного и временного.

Мы сидим в долине Тимна, чтоб поймать этот феномен «точечного антиРезонанса», вихреобразной аномалии Пространства и Времени.

Когда печник кладёт печку, в трубе закладывается один выступ кирпича со слегка приподнятым краем для создания нормальной тяги и защиты от обратной тяги. Если такой кирпич не поставить, дым, столкнувшись с атмосферным давлением, поворачивает назад. Такая печка дымит. Этот кирпич, как раз служит для разворота дыма

обратно – наружу. Разворот-кольцо происходит один раз, только при затопке печи, дальше тяга уже нормальная. Но вот кольцо дыма-обрата может длиться 1 секунду, а может двадцать минут...

Долина Тимна – это кирпич кольца-обрата Резонанса в гигантской печке атмосферы и ноосферы.

Выход из мира сего по ту сторону Земли

Кто сказал, что оборотни боятся серебряных пуль? Ни фига они не боятся. Серебро они даже любят...

Здесь всё пахнет серебром. Ветер с копей Этуль Капаса и от Гвадалахары был будто пронизан запахом горячих тиглей. Мексиканская рыжая пыль безвкусна до больнично-лабораторных ассоциаций. Но она здесь у риверы, у коновязи и винного сарая халупы Паоло Акриса, смешивалась с кислятиной, исходящей от волокна и толокна агавы. Такие же фимиамы густой волной катили и от запаренной агавы. Всё вместе было чудной вонью, похожей на компост скисшей пареной репы, замешанной на табаке и порохе где-нибудь в ямщицком валенке под Вятскими Увалами. Даже удивительно, что эта чудовищная закваска превращалась через два перегона в неплохую текилу с благородным бронзово-коричневым оттенком мундира средневекового испанского адмирала.

Северный ветер пришёл в предместья Акапулько в октябре 2008 немного раньше, чем обычно. Днём северного ветра здесь считали День святого Луки – 31 октября. И эта дата для земляков Паоло была точкой отсчёта периода влажных ночей. Для Акриса она была ещё и датой, когда его почти на четыре месяца покидали духи. Они не звали и не мучали его, не звал их и не просил у них помощи и сам этот пятидесятисемилетний мексиканский крестьянин Паоло Климente Акрис. Ещё смолоду специфическая придурь в его башке заставила сторониться сверстников и людей вообще. Он уставал от слышания их мыслей летом и от видения их потрохов зимой – это утомляло. Это, правда, так сильно утомляло, что пару раз Паоло чуть не умер от депрессии. Текила и гаитянский скес-ром никогда не помогали. Молоко, впрочем, как и текила, тоже жизнь не настраивает. Но со временем Паоло научился жить с этой своей способностью слышать мысли людей и видеть их нутро. К тридцати годам у него появилась ещё одна способность – видеть ветер, который не виден в этом мире и который умеет говорить... Так он стал общаться с духами Юкатана.

Почти пятнадцать лет об этом не знал никто. Впрочем, однажды Акрис сделал попытку исповедаться пожилому пресвитеру в соседней деревне, но тот так спокойно выслушал его, и так его мучала непроходимость прямой кишки, что Паоло понял – его исповедь застряла где-то по пути между седой лохматостью над ушами священника и чёрными, как дёготь, усами самого Паоло. Он замолчал на полуфразе. Посмотрел в пространство, где висели его слова, сказал «ладно... ага... я пойду, падре» и, не поцеловав креста, Библии и руки пресвитера, ушёл из церкви, не обернувшись ни разу.

Так Паоло Акрис начал исповедоваться ветрам, которые дули с предгорных пустынь со стороны Тепика и Дуранго. Именно оттуда приходили смерчики, которые рассказывали о себе, о далёких краях, а так же забирали слова совсем не старого мек-

сиканского вакейро, потерявшего своих лошадей, молодую жену с сыном и, кажется, сам разум.

У Акриса никогда не было телевизора, холодильника, машины, даже радиоприёмник у него был только потому, что как-то пьяные командоры полиции из соседнего Акапулько забыли здесь один из своих баулов, в котором ночью вдруг заговорили голоса. Паоло сразу догадался, что это радио, потому что в придорожных кафе он слышал такие торжественно-неправильные голоса радиоведущих и спортивных обозревателей. Баул он, конечно, разобрал. Через три ночи. Голоса пугали духов и не давали спать. Самое дорогое в том мешке было лекарство от кишечных инфекций и фонарик. Всё остальное – вонючие носки, портмоне с чёрно-белой фотографией женщины, половина дорогой сигары, дурацкие ремни с карабинами-застёжками и пузырёк с какой-то жидкостью Акрис просто закопал в придорожную пыль. Закопал и погрозил пальцем полудикому рыжему псу, который, кажется, начал думать о том, что всё это можно выкопать. Пёс послушался. Акрис вечером бросил ему четверть своей кукурузной лепёшки...

Радио поболтало недолго, дня три, но из-за этих трёх дней смерчики не приходили разговаривать с Паоло целый месяц. И он понял, что духи пустыни не хотят скрипучих голосов радио. Поэтому он никогда не покупал радоприёмники, даже если имел возможность.

Когда сердце этого мексиканского гаучо перестало помнить запах волос жены и отрыжки грудного сына, когда забылся холодок носика ребёнка, пробивавшего Паоло от горячей шеи до самого сердца, тогда смерчики-духи стали не только разговаривать с Паоло, но и кое-что показывать ему. Однажды он увидел белого мужчину, привязанного к кровати. Белым было всё – и лицо человека, и постель, и верёвки, и даже помещение, в котором человек лежал. Смерчики сказали Паоло, что этот человек придёт к нему. А потом белому человеку показали самого Паоло и сказали, чтобы белый человек пришёл в хижину Акриса, когда его развяжут... Но человек в белом не приходил долго, как не приходили вести в этот мир и от других видений.

А видения были совсем фантастические – вот белая женщина держит в руках большую белую птицу и привязывает к её лапе с перепонками металлическое кольцо с гравировкой «УрО АН» и ещё что-то там... Вот эта белая птица с многими другими летит буквой «V» в зеркало, стоящее вертикально, будто река поднялась столбом и потекла в небо. А из-за реки вышел старый китаец, кланяясь и приглашая зайти за воду...

Было видение чёрного ворона, который показывал в своём глазу, как стукаются машины, и падает ваза на человека, как большой рыжий человек бегает и машет руками, а машины стукаются снова, и сыплется стекло на лицо того, за которым летит ворон. А потом на какое-то мгновение показалось, что сидящий в кресле человек с перебинтованной ногой, тот самый, на которого падала ваза и сыпались стёкла, с поцарапанным от лба до подбородка лицом, вдруг остро-остро взглянул в глаза ворона и увидел за ними его – Паоло Акриса. И человек в кресле испугался...

А ещё был старик, у которого из рук смерчики вырвали тетради и кидали их в огонь, а тетради не горели. Потом их кидали в воду, и опять тетради, рассыпанные по воде, не только не тонули, но собирались вместе. И тогда пришёл большой смерч, который был и там – в невидимом мире – и в этом мире тоже. Он унёс старика, оставив

на земле только его тело. Как костюм. И старика этого хоронили возле какой-то тюрьмы... Тетради забрал человек в серой одежде из тюрьмы. Он почему-то ходил свободным, и это он выкопал старику могилу...

Прошло, наверное, почти два года, когда однажды у хижины Акриса, которая была когда-то хозяйственной постройкой бензоколонки, остановился джип, из которого вылезли трое толстых американцев. Они были добродушными и грустными. Двое привезли третьего. И этот третий был как раз тот мужчина, которого Акрис видел в белом помещении привязанным белыми верёвками к белой кровати.

Он тоже узнал Паоло...

– You are Akris, I am Bupper...

Баппер Уильям Джозеф был седым, как и его друзья-ветераны Вьетнама. Все они были из 10-го Сайгонского пехотного полка, который натворил дел в деревушках Сонгми, Мэй Лай и Мэй Кхе в составе 11 пехотной дивизии под командованием Эрнеста Медины. Но не март 1968 года переломил их души – тогда они сожгли и убили более двухсот человек – а обнаруженное странное качество в себе – невозможность потреблять самые малые объёмы информации. Напрягало всё – телевизор, болтовня родителей и подруг, жужжащий автомобиль, оставленный соседом под окнами...

Из помпового ружья Баппер расстрелял газонокосилку вместе со своим отцом и попал в психушку. Сначала это была тюремная психушка, потом просто особоохраняемая гражданская. Там Баппер провёл тринадцать лет своей жизни. А в 1990 году его выпустили на попечение организации ветеранов «White Centurium». А центурионы уже отпустили его из трудового лагеря в Мексике, Вилли заявил им, что хочет здесь остаться.

Баппер жил в хижине на берегу моря, был гражданином двух стран целых пятнадцать лет, в 1995-м гражданства США его лишили за то, что он не отчитался по каким-то документам и согласно пункту такому-то Декларации о предоставлении гражданства США лицам, проживающим за рубежом. Это его ничуть не волновало. Он продолжал помогать мексиканским рыбакам, слушал ночное море, сдувавшего с него все наваждения Вьетнама. И всё бы ничего, если б однажды, в душной парикмахерской ему не начал клепать мозги карабинер из налогового департамента. Офицер был явно навеселе, в парикмахерской очередь была из трёх человек. Нудно гундели все вместе – телевизор, карабинер, машинка для стрижки волос и трепач-парикмахер. И тут рядом с парикмахерской зажужжала ещё и газонокосилка... Убитого карабинера и тяжелораненного парикмахера увезли с воткнутыми в них расчёсками и ножницами, а бело-жёлтая неотложка с двумя полицейскими увезла Баппера, оглушённого и с пенной рвотой на губах...

«Белого Вилли» в мексиканской психушке должны были убить. В общем-то, его и убивали. Связанному, ему отбивал почки полусумасшедший санитар, вечно потный и вонючий, потому что немеряно жрал печёную рыбу с соусом карри и кислыми сырными лепёшками. Бапперу девять дней кололи дозы... которые должны были в конечном счёте вывести из строя почки и сердце.

Не убили... Сначала увезли с белой горячкой того вонючего санитара, который стал бегать по коридорам больницы от какого-то «вакеро с жёлтым псом», потом фельдшерица обкурилась пеньоля и рассказывала про китайца с белкой на голове. В больнице отвлеклись на разборки с самим персоналом и отвязали Баппера. Но эта «третья жизнь» длиною в девять дней (Баппер «второй жизнью» называл жизнь после

Вьетнама) подарила Уильяму Джосефу Бапперу представление и контакт с бесконечным количеством жизней. У него появились знакомые из «Умма-51» и «Кольца Белых озёр». А человек с жёлтой собакой был подведён к нему духом Чёрного Ица и представлен, как на званом ужине: «Это Паоло Акрис, живущий на границе мира Жёлтого Солнца и Белого, ты его должен найти, потому что Акрис устал один охранять Ворота». Почему-то не видя «границу солнц», Баппер чётко понимал адрес, где эта граница находится. Не точно, конечно, но с погрешностью меньшей, чем погрешность карт его 10-го Сайгонского пехотного полка.

Небритый чёрный человек смотрел на привязанного Вилли, потом он вместе с собакой превратился в один большой глаз, и этот глаз был глазом ворона, улетевшего в белую стену больницы...

* * *

Кем является спящий человек? Является ли он личностью? Только не путайте ТОГО, что проснулся, с ТЕМ, что лежит... То, что лежит, не имеет ни стыда, ни нравственной шкалы, ни правил поведения – он может храпеть, пукать, рыгнуть, упасть со второй полки поезда, он не имеет даже страха... Вот склонился над спящим убийца или пожар в доме – не работает в спящем ни инстинкт самосохранения, ни нравственная шкала, иногда (чаще всего) даже рефлексы не работают – его колют, жгут, и до определённого порога боли он не приходит в себя... Что значит «приходит в себя»? Откуда приходит? Что вообще остаётся, когда человек «уходит»? И как он (что тогда «он») «уходит»? Мы обнаруживаем, что человек приходит в себя откуда-то... Вопрос номер один – «из себя в себя» или «извне в себя»? Но в любом случае остаётся открытым вопрос – по каким «навигаторам» он приходит в себя?

Во снах мы бываем в тысячах миров. Многие из них удивительно похожи на наш мир. Но как быть с гораздо большим числом посещений неизвестных пространств, неизвестного времени – где есть и драконы и античные всадники, и страны, в которых человек не бывал? Как быть с ситуациями «вещих снов», когда вышедший из себя во сне человек посещает своё и даже не своё будущее? Какая нить? Какая «лоцманская карта» позволяет возвращаться и оттуда? Причём как людям с высоким интеллектом по меркам нашего мира, так и скудоумным, мало проявившим здесь свою сообразительность и вообще адекватность.

Сколько случаев – тысячи – когда люди не выходя из себя, прозревали невидимые реальности рядом с собой. Может, и не «выходит из себя» человек во сне? Может, происходит перенастройка на другие диапазоны вокруг нас? И далёкие моря плещутся у вашего компьютера, а античный бой гладиаторов – во-он там, у торшера с шахматным столиком?

Есть сны – перезагрузки. Это когда кора головного мозга, переполненная работой, в ночном режиме начинает тормозить, рвёт ассоциативные связи, сливает в «корзину» подкорки ВСЕ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ файлы дня, а в самой оперативке мерцают только «заставки» либо самой операционной системы, либо от усталости «экран» сознания гаснет настолько, что на нём вообще светящийся ноль. Мозг зависает... И утром человек помнит только элементы уже включения (на самом деле уже совсем не сна в его истинном смысле). Такие сны посещают людей сильно устающих физически, или с недосыпу, или это сон-самооборона в результате стресса. Таких снов процентов десять...

Вторая группа снов – это «блуждающие мотивации». Сознание оставляет в оперативной части только 2-3 основные тревоги, и 2-3 основные «зоны комфорта» (может, вообще по одной). И они, как слайд-шоу, перемешиваются между собой, рождая калейдоскопы, в которые иногда вплетается «вялый креатив» выныривающей подкорочки. На знакомое блюдо образов то неожиданно падает тень, то садится муха, то луч света... Таких снов шестьдесят процентов.

Третьи сны – частичное торможение. Это когда оперативка реагирует на звуки в реале, может быть, даже на радио и телеволны (при выключенном радио и телевизоре), на вибрации, на сны человека, спящего рядом, и даже на болезнь цветка, стоящего у изголовья. Таких снов тоже немало – думаю, что каждый пятый сон такой (20 процентов).

Осталось всего десять процентов ещё двух природ сна. Но 9,99 процента оставшихся – это сны-задачи. Человек часто сознательно или бессознательно ставит для самого себя вопросы, бьётся с проблемой, загружает противоречиями и «диалектикой образов» и кору, и подкорку, и саму центральную нервную систему. И тогда Менделеев во сне видит свою Периодическую таблицу, тогда чемпион мира по шахматам Карпов во сне видит ход в партии с Корчным, тогда вся психика, всё существо человека на секунду оказавшись в фазе сброса напряжения – искусственный гомеостаз, искусственный баланс напряжений – находит «вещее» решение, или угадывает самый вероятный ход событий.

Что же тогда 0,01 процента снов?... (Это примерно, конечно...). Это когда в твой череп стучит Вертикаль, пришедшая из глубин Вселенной, из других миров, из другой Великой реальности. У каждого свой Орёл, свой Гавриил или Джабраил, свои... даже не знаю, как назвать. Весь вопрос в том, чтоб не перепутать этот единственный и великий случай с тысячами других. Ведь за жизнь мы не спим даже сорок тысяч раз. И к кому-то этот Единственный не придёт ни разу, а к кому-то, как к пророку Мохаммеду, он придёт в каждом третьем сне...

Вопрос разных источников и разной природы сна не отменяет вопроса разной глубины и разной природы яви, реальности то есть... Сколько их реальностей? И одинакова ли степень восприятия реальности? Например, ребёнок и взрослый реальность с её опасностями и удовольствиями понимают по-разному. Два взрослых могут понимать по-разному степень опасности вот этого красивого пейзажа, в котором один чувствует радиацию, а другой нет... Или работающие под металлическими шинами они оба и не подозревают, что над их головами десять тысяч ампер и, стоит коснуться шины головой, как выключится реальность вместе со снами и памятью... Лишь бы не запутаться – восприятие реальности и разница реальностей – разные вещи.

Есть глубокий-преглубокий сон, не говоря уж о таких состояниях, как летаргия или кома. Глубокий... А глубину можно измерить? Импульсы на энцефалограмме можно, а глубину реальности или сна? А вот не такой глубокий – разница в чём? Какие этажи сна достигнуты, а какие нет? Кстати, а есть ли дно у сна? А какого оно качества? А что ЗА дном?

И вот сознание выныривает в реальность. Где она – эта граница? Если, задумавшись, человек попал под машину – он был во сне или в реальности?

Состояние, когда человек, вытаращив глаза, пьёт, например, чай, а сам где-то в «тормозе» – это что? Реальность или сон? Повторимся – где граница?

Возможно, что 19 опять придёт на помощь. Если мы смотрим кино в 3Д, уже можем

смотреть и в 5Д, скоро появится 7Д... Мы-то, в отличие от ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, в каком Д? Условно – в 19-м... Условно в 19 (а не в 5 чувственном) восприятии действительности. Экстрасенсы, возможно, в других комбинациях этих 19 или шире – в 21Д, в 27Д... И где он – предел?

* * *

Но ни Бекетов, ни Сурненко, ни Шакоцкий не задавались вопросом, которым в своё время, решая педагогическую задачу передачи своих знаний бесконтактного боя бойцам спецназа, задался патологоанатом Куликов – ЧТО является границей ТУТ и уже НЕтут? Где те микроны, где та стена, которая их разделяет? Что, какая плотность «бьёт» в бесконтактном бою? Ответ, как ни странно, в работе с Кайндли нашёл Сурненко. Сначала он объединил «полочку Урбенина» – этот кладезь, эту антологию аномалий с теми подборками, которые ему передали офицеры следственной группы ФСБ, занимавшиеся Клубом Колумбов Времени в контексте дела об исчезновении людей. А потом стала понятна записка капитана из комиссии Главкосмоса – того самого, о котором упоминал и сам Урбенин (этот капитан был убит и убит за странную брошюру о свойствах воды).

А поверхность-то реала и нереала существует! Та самая, которая разделяет наш мир от всевозможных иных миров. Она представляет собой произведение масс (в элементарном случае – протона и электрона) на момент количества движения фотона. Знание об этой поверхности приводит к раскрытию связей между физическими константами, открывает возможности воссоздания идеальных продуктов (на основаниях математических соотношений всех их частей и составов в пропорциях Фибоначчи), прекращает, наконец, мучения космонавтов по проращиванию семян в условиях космического пространства, так как позволяет рассчитать и смоделировать эти процессы на Земле, и что самое замечательное – организует путешествия во времени в том же пространстве! То есть, в момент приближающейся катастрофы можно было бы, включив соответственную машину, отправить Вселенную лет так на 30 назад, чтобы развитие пошло по другой ветви и в возможном «будущем» человечество избежало катастрофы...

Итак. Обозначим нашу поверхность прописной латинской буквой P. В самом общем понимании она представляет собой произведение массы протона (Mp) на массу электрона (Me) и на момент количества движения безмассовой частицы (kf), которая их объединяет. Этой безмассовой частицей является фотон.

P = M(p).M(e).kf»

Подписано было скромно – «Лариса Студенкина, аспирант РАЕН». Теперь эта Лариса была уже не больше, не меньше – член-корреспондент той самой Российской Академии Естественных Наук.

...Но это был не единственный ответ. Кстати, ответ ли это? Или только предположение?

Математики актуализировали бесконечность знаком бесконечности – ∞. Богословы и философы актуализировали Великую Бесконечность Разума с Волей образом Бога. При этом канонически Бога-Отца изображать запрещено Вселенскими Соборами. Почему? Да потому именно, что изобразим Его в примитиве 3Д, 5Д... как можно изобразить, если это ∞Д?!! Пришедший с нами разговаривать Бог пришёл, предпо-

ложим, в 33Д (со скрытыми качествами Бесконечности Д) в виде Человека-Христа. Но есть главный вопрос – не изображения, а КАЧЕСТВА, сути то есть... И тут начинается совсем другой ход рассуждений (не отметающий, впрочем, рассуждения до сих пор существующие). Так, например, по Парацельсу «Не существует никакого запретного для человека знания, он способен и, (...) даже обязан исследовать все сущности, имеющиеся не только в природе, но и за её пределами». И это говорил вполне себе верующий человек, который жизнь посвятил тому, чтобы доказать величайший замысел Бога о человеке с точки зрения химии и микрокосмоса. Парацельс говорил, что человек (который также является пятой, истинной сущностью мира) производится Богом из «вытяжки» целого мира и несёт в себе образ Творца. Далее – вопрос только меры веществ, минералов, элементов конструкции и их баланса, т.е. соответствия составу Вселенной с точки зрения пропорций выживания в данной системе волн. Впрочем, про систему волн и систему резонансов – это уже домысливали Колумбы Времени – Геленжиновский, Самойлов, Сурненко и другие. Но гораздо позже... Шакоцкому их предположения нравились. Настолько нравились, что он «разорился» однажды на ресторанный вечер в одном из заведений на Старой площади, не желая расставаться с группой сумасшедших собеседников.

Полжизни назад

...Старший брат Сергея Куликова служил срочную службу на флоте. Встречали его по возвращении со службы большой толпой, почти полдеревни собралось. Он почему-то припозднился на дембель и возвращался уже в середине июня. Серёжке было тогда ещё двенадцать лет, и он ждал брата, как главный ожидальщик. Потому что кому, как не им – двум старшим братьям было о чём поговорить после трёх лет разлуки. Сергей ревностно смотрел на собравшихся встречать машину двух дружков брата в немыслимых клёшах, мода такая тогда была, тётку, прибежавшую из школы прямо с кухни в белом поварском халате, пропахшем специями и маргарином, смотрел на трёх девиц... Ну, эти так, две соседки да Валька-заплетайка, заика с почты. Они просто из любопытства. Сидели на лавках у поворота к майдану несколько стариков, задержалась вышедшая из магазина с авоськой учительница начальных классов, торчали на крыльце магазина поодаль несколько тётушек и мужиков. Сейчас-сейчас, вот подойдёт машина, посмотрим встречу... порадуемся чувствам встречи после трёх лет. Да и флотский человек – то ж диковинка в их степных ставропольских краях. Валька-заплетайка раз пять повторяла: «Ой-на крас..схивый же, наверно... кр..расивый Петьк-то...» Телеграмму принесла, кстати, именно она. А по телеграмме было понятно, что к четырём вечера Пётр будет на железнодорожной станции, а потом на машине за минут сорок доберётся до родной станицы. Если, конечно, с шофёром не будут шлындать по магазинам, выбирая подарки и чего-нибудь к праздничному столу.

Прошли ожидаемые минут сорок, потом ещё полчаса. Что-то машина задерживалась. Приехать она должна была из-за дальнего взгорка, а там дальше, уже вдоль лесополосы, её было бы видно, как бегущую мишень в тире. Потом она повернёт у старого склада и уже прямиком подкатит сюда. Но степь дрожала от горячего воздуха вместе с лесополосой. Народ, кажется, даже стал расходиться. А Серёжка всё

чаще вытягивал голову, будто мог заглянуть за тот дальний взгорок, за этот дрожащий воздух.

И вот в этих своих непроизвольных движениях вытягивания головы сначала ощутил, а потом тревожно «навёл резкость» где-то в голове, не в глазах, а где-то в голове... Странно. И сердце биться начинало редко, оно будто останавливалось. Серёжка ещё не понял, но уже ощутил, что он заглядывает куда-то не в пространство, а, будто за время и за пространство одновременно. Причём и пространство то, и время то были чем-то одним... Он увидел машину, тот грузовичок, на котором должен был приехать брат, видел, как пылит позади лязгающего борта, как потряхивает машину на ухабах просёлка за лесополосой, как почему-то перед крутым поворотом склада грузовик не сбрасывает скорость... А потом Сергей одновременно видел, как машина опрокидывается на повороте, делает два кувырка и врезается в угол склада... При этом вот по дороге уже совсем близко к нему идёт Петька, но Петька старый-престарый. Такими бывают дядьки лет в шестьдесят. У него скособочено плечо, лицо всё в морщинах, и он не во флотской одежде, а в каком-то довольно дорогом костюме тёмно-синего цвета...

– Ты на обратном пути к Павлу-то заедешь? Если заедешь, то прихвати для меня черешни, если не трудно. Она как раз подойдёт... Не утомишься до Москвы-то? – говорит странные слова этот старый Петька.

А Серёжка со страшным восторгом на долю секунды вдруг понимает, что Павел, о котором говорит постаревший его брат-матрос Петя – это... его сын. Что всё это будет когда-то потом, через много лет, что он, Серёжка, на окраине пыльной ставропольской станицы 1964-го года довытягивался своей головой и любовью к брату, и смог заглянуть куда-то туда, за время...

Из-за взгорка появилась машина. Это был как повтор фильма. Но только в голове одного мальчика. Машина тряслась на ухабах и пылила. Потом почему-то не сбросила скорость. Дважды опрокинулась и врезалась в угол старого склада. И шофёр и Петька были живы, но Пётр сломал ключицу и порвал сухожилия на плече, а шофёра и вовсе увезли на «Скорой» в больницу. Вроде бы, у него и сотрясение мозга случилось, и ногу сломал в двух местах.

Сергей Николаевич Куликов никогда не рассказывал про эту единственную в его жизни странность. Во-первых, потому что таких чудес с видениями будущего у него больше не было (до определённого случая на службе в джунглях Анголы), во-вторых, он искренне пытался все эти годы забыть то состояние ума и сердца, которое позволило, вытягивая голову, заглядывая вроде бы в реальном пространстве и в реальном времени... Короче, Сергей помнил, как сдвигается «занавесочка». Идеально помнил – и нервами, и мышцами, и умом. И знал, что может в любой момент за неё заглянуть. Но никогда... Если не считать боя. Реального. Рукопашного. Куликов никогда не заглядывал вперёд за «странную занавесочку», нащупанную в детстве, но допускал это спонтанно только в бою – на несколько мгновений вперёд, и в будущем сшибал противника с ног. А падал противник, когда будущее становилось настоящим. Например, через 2 секунды. Это был феномен теперь широко известного бесконтактного боя, разрекламированного Кадочниковым и Лавровым в сети интернет, вызывающим споры... Куликов свою способность не рекламировал. Настолько не рекламировал, что о ней не знал даже прапорщик Пигаш до того страшного боя в Анголе, когда выжили они втроём и с ними находящийся без сознания кубинс-

кий боец, освобождённый в лагере бандитов объединения УНИТа.

Из крон, из шатрового купола джунглей, из звёздного неба, из тьмы небес в тьму земли падала Тьма!.. Огонь был синим и тихим. Крикнуть успел, кажется, только Капитан. Из тех, кто был в центре, огонь открыл только Рой и, вроде бы, успел подняться в атаку Гагава... Его руку нашли с зажатым кинжалом. Сергей Куликов помнил писк в ушах. Он не был даже уверен в том, что писк появился в момент разгрома группы – он, кажется, появился до удара Тьмы. Исходил писк ото всюду, а в синелунном сиянии было просто дыхание. Старшина Пигаш сдирал его с головы, с груди и, кровавя, ковырял пальцами уши. Потом, подчинённый внутренней программе сопротивления, он заставил себя и двух выживших бойцов делать хоть что-нибудь. Опасность была отсюда – с этих крон, из этого сектора неба. И Пигаш обрушил огонь сюда. Бил «зетом» в четыре этажа. Потом ему почудился взгляд и дыхание справа вверху. Он выпустил туда короткую очередь. Автомат заклинило. Левой рукой старшина вырвал кинжал, правой достал пистолет и ещё – стрелял, стрелял, стрелял и замер...

Куликов присел от «падающей Тьмы», в смятении от того, что не видит объекта сопротивления. Как в детстве вытянул голову, и страх позволил заглянуть туда, за ту самую «занавесочку«... Там он увидел врача. Во всяком случае, этот человек был похож на врача, который распыляет аэрозоли. Капельки жидкостей летят, как зонтики одуванчиков, на их группу. Человеку в белом важно, чтоб пыльца с «зонтиков» проникла в людей этой группы, шарахающейся на другом конце мира со странными задачами почти животных – убить других животных. Так распыляют аэрозоли, когда стоит задача дезодорации во время карантина. От опасных бактерий, например. Их группу уничтожали, как опасное звено в человеческой эволюции. А потом Куликов увидел себя и много, очень много мёртвых людей вокруг себя. Точнее – они были не вокруг Сергея Владимировича Куликова, они были, как на конвеере в ряду поставленных столов, на которых лежали открытые, закрытые, вскрытые, распиленные, сшитые... И неведомым чутьём Сергей теперь знал – это он. Он теперь будет всю жизнь искать в людях пыльцу этих «одуванчиков». Но почему в мёртвых? И кто ему это даст сделать? Он зарычал от досады – пыльцу можно было остановить не выстрелами, не боем, не криком, не встречной волной воздуха. Её, может быть (только может быть), можно было остановить встречной аэрозолью, но какой? Или фильтром какого-нибудь полотна. Какого? Полотно человеческого иммунитета тут не работало.

...А через минуту в эпицентре схватки живых было двое – Иван Рой и кубинец, находившийся всё так же в бессознанке. Живым был Куликов – он шёл первым и по инструкции так же, как Пигаш, сделал несколько шагов, но только не вправо, а влево. Четверо... Живых было четверо, если считать кубинца, который не вспомнит вообще ничего, ни «до», ни «после». Рой не приходил в себя. Он окоченело смотрел вперёд себя широко открытыми глазами, зрачки реагировали на свет фонарика, но мышцы не расслаблялись, и он был похож на эпилептика, застрявшего в фазе острой судороги. Куликов дрожал, как осиновый лист, и плакал. Не навзрыд, он плакал не так, как обычно представляется плач – он скорее судорожно рычал. И рык его был от досады. От странной безумной досады – дело в том, что Сергей видел, что выхлопы двух его выстрелов, сам выход пороховых газов из ствола, сработал против «одуванчиков», дал останавливающий эффект. «Эх, не «Калашников» бы сейчас, а раздолбанную ка-

кую-нибудь охотничью берданку!» Потому что она дала бы «встречный аэрозоль» сгоревшего пороха лучше и больше, чем их автоматы и пистолеты. Куликов рычал-плакал и его колотило, колотило...

– Я ж попал. Два раза попал! Видел!

Писк не ушёл, но он, словно сполз, как сползает грязь или паутина под густым душем.

Старшину Пигаша в первые минуты не интересовало ничего, кроме Роя и кубинца. Пигаш действовал, как ему казалось в тот момент, правильно – вколол парамедол и сунул под нос Ивану нашатырь. Но через неделю, уже находясь в Советском Союзе, на погружениях в гипноз, на вопросах в отделе экспертизы особого отдела, он и Рой однозначно признали, что именно эти действия не дали Ивану Рою и Сергею Куликову детально вспомнить всё, что он видел в бою, и то, что увидел, уйдя в неизвестный коридор погони. Коридор тогда называли «коридором», понятие было общим, ещё даже приблизительно не дифференцировали типы и направления Цитала. Парамедол спутал видение и ту реальность, галлюцинации и тонкое видение мира. Но всё это станет ясно потом.

Руку Гагавы принёс Куликов. Вместе с рукой принёс окаменевшие соляные ветки папоротника и каких-то цветов. Что удивительно – ножки у корня были живыми, а верх был соляным и хрупким, как корочка бизе-пирожного. Сверху на них посыпалась белая пыль, и они поняли, что это тоже соль. Солью было всё – платаны, лианы, гигантские секвойи и деревья с цветами, похожими на нашу милую русскую сирень. От лёгкого ветерка над джунглями они давали белую пургу, и место с единственным кровавым пятном у тела разорванного солдата (больше крови нигде не было) зеленело от набрякающей сыплющейся соли и удивляло дикой цветовой гаммой. Кстати, на вопросах той комиссии и в отделе экспертизы Куликов несколько раз настоятельно рекомендовал считать оружием именно эту корочку-«бизе», эту соль, эту пыль. Её попадание в кровь несло пыль в эпифиз мозга, превращая небольшой участок этой железы (тогда изученной вообще крайне мало) в одних случаях в песок, в других – заражая какими-то микрогельментами, в третьих просто опустошая эту пазуху мозга. Ничегошеньки Куликов больше не знал, но ПРО ЭТО откуда-то знал. Наверное, от того себя – из будущего. От себя, стоящего на конвеере столов с трупами... Доля секунды, давшая ему в бою заглянуть за «занавесочку», знакомую с детства, снова странным образом дала и знание, и уверенность.

Куликова будто не слушали. Но, оказывается, записывали. Все записывали. Ещё как записывали. Его забрали ночью, заставив написать дурацкую записку: «Разбудить через 48 часов!». Куликов, действительно, перед этим два вечера подряд до усрачки надирался коньяком с парнями из выздоравливающего отделения ожогового центра. Оба раза ответственный по режиму военврач пытался пугать Куликова нахлобучками самого высокого уровня. Поэтому, когда на третий вечер пришли ребята с потрясающе ледяными глазами людоедов, подхватили Куликова под мышки, усадили за стол и сунули в руку бумажку со словами: «А теперь поедем действительно спать и лечиться», он не задумываясь написал про 48 часов... На самом деле – Сергей Владимирович Куликов навсегда уезжал в новую профессию. Сначала в Склиф на неделю, потом в институт Мозга, потом на спецкурсы, потом во второй московский мед... В общем, Куликов исчез со своей кровати, точнее, вместе с кроватью. Пигаш зашёл к нему в бокс, а там подметено, вымыто и даже от оконных рам пахнет свежей краской... Ни слуху, ни духу.

Внутренний перископ Куликова

Это война. Это война не за территорию или даже душу отдельного человека...впрочем, наверное, иногда и за душу отдельного человека тоже. Это война за что-то другое... Как бы вам сказать: она идёт за ход истории, но не в смысле победы государства или системы, или измов каких-нибудь... Там что-то совсем-совсем другое лежит в самой стратегеме...

«Это война... Это война...– безнадёжно кивал связанный, запеленованный смирительной рубашкой Сергей Куликов – спецназовец, вернувшийся из африканских джунглей, показавший себя вполне нормально в стадии постравматической реабилитации и вдруг начавший жечь бумагу перед зеркалами в общежитии. Обошлось бы обычной «Скорой» и успокоительными уколами, если бы зеркала эти не были в общежитии комсостава высших курсов связи при Академии Генштаба. Там вахтёры и «курсанты» в званиях полковников среагировали мгновенно – они стали греть ладошки над горящей бумагой и вкрадчиво спрашивать Сергея: «Стратегема номер 22 или тридцать шестая подходят лучше?»... Им надо было выиграть время, пока сюда бежит фельдшер из медчасти. Но Куликов, конечно же, с печалью понимал, что над ним издеваются, что его принимают за больного... Он никого не бил, не сопротивлялся. Когда, приехавшие из Кащенко, его пеленали, он попросил пять-шесть таблеток активированного угля.

– Зачем? – удивился и интонационно примирительно спросил медбратец, похожий и на бугая из мультика, эдакого розовощёкого дебила с шеей-трапецией. Запах от медбратца был недобрый – запах жжёного эбонита и заплесневевших медицинских трубочек... Ну, резиновые такие, кирпичного цвета... они, когда долго лежат в ящиках столов, пахнут дохлыми птицами.

– Чтоб изжога не мучила и не тошнило, – ответил Сергей «резиновой мёртвой птице», – Вы ж меня сейчас лицом вверх зафиксируете. А меня всегда изжога мучает, если долго на спине...

...В Кащенко было уже проще. На первые уколы Куликов не среагировал вообще. Надо было перебороть сон и тупняк, который окутал его сознание прям-таки сизым эффектом дымовой завесы рок-концерта. Но Сергей поместил сознание в условную «оркестровую яму», подождал, пока поверху прокатит «звук» и придёт зам. главного врача. Трезво глядя ему в глаза сказал: «Вызовите Кузнецова Геннадия Степановича. Я из группы «Альтернатива 4»... Если можно – не откладывая. Пока я не потерял состояние... Не сознание! – чуть повысив голос, уточнил Кузнецов. – Со-сто-яние!»... До замадминистратора смысл сказанного дошёл не сразу. Когда дошёл, тот почти завизжал... «Нейтрализаторы! Срочно. Четыре куба. Два артериально, два через капельницу с Перветином!...».

Когда они знакомились с Шакоцким, этот человек казался шулером. Большим, опытным и готовым ко всему. Он попросил профессора Шакоцкого заказать на книге нужную профессору страницу. «И чем эта страница должна отличаться от всех других?» – спрашивал «шулер». «Пусть на этой странице все заглавные буквы будут буквами «С», – включался в игру Александр Васильевич. «Хорошо, – сказал Шулер, – Попробуем. У нас получится, если таковая есть в этой книге вообще...». Взгляд его был тёплым и хищным, как у пообедавшей кошки. Он разломил книгу где-то ближе к ог-

лавлению. Все заглавные буквы были «С». Кроме одной – в начале самого последнего абзаца. Видимо, страниц с более густым наполнением заглавных «С» в этой книге просто не существовало. Конечно, это было чудо. Не первое уже в опыте Шакоцкого. Без какой-либо подделки – ведь книгу снял Шулер с полки первую попавшуюся, а букву «С» сам Шакоцкий выбрал в самый последний момент...

Шулер был, конечно, не шулер. Полковник... Опять полковник. И опять отставной полковник. Слишком много этих старших офицеров собралось вокруг проблем феноменологии. Любопытная возрастная группа. Сурненко, Рубинов, теперь это – как его фамилия? – Куликов. Он, правда, и сам медик – вроде по диплому военврач, а на самом деле... На самом деле он какой-то тоже биофизик, со специализацией на цитологии. А до этого знакомство с группой седовласых отставных парней из Клуба Колумбов Времени в Екатеринбурге... Абсолютное большинство их родилось между 1957 и 1967 годом. Значит, выросло, образовывалось и получало установки во взглядах на мир в так называемый «застой» – когда не случалось чудес, когда колесо истории крутилось «от съезда к съезду», когда поп на улице был диковинкой больше, чем негр в Нарьян-Маре. Но когорта кадровых военных именно из этого поколения почему-то рванула в поиск запредельного, невидимого, того, что «только в сказках». Психоаналитики, наверно, легко объяснили бы это голодом психики человека, доведённого «диетой на чудо» до крутейшего истощения. Чудо в СССР было запрещено, в армии оно было запрещено очень особо. И армия первая взбунтовалась недрами своих интеллектуалов. Благо и возможностей у людей в погонах было больше, особенно в синих погонах спецслужб.

Куликов Сергей Владимирович – боец-бесконтактник. Чудо, которое никто не понимал, но которое работало в семидесяти-восьмидесяти процентах случаев. Удар на расстоянии. Чудо когда-то ещё в детстве, после аварии грузовика со старшим братом Сергея, заметил их отец. Больше, пожалуй, никто и не замечал. (Правда, старая учительница в школе пару раз задавала странные вопросы про предчувствия, попросив Сергея остаться после уроков). Ни медики, ни церковники, ни ребята, обладающие другими способностями, так и не смогли понять – как Сергей наносит удар на расстоянии или предугадывает удар? Впрочем, всё это будет гораздо позже. Гораздо. Уже после Анголы и даже после института Склифосовского, где он уронил «людоедов», встретив их в коридоре у физкультурного центра института. «Людоедам» это очень понравилось, они и попросили ронять их снова и снова. Тогда Куликовым занимались четыре ведомства одновременно.

. Несколько человек приблизились к похожим действиям, но повторить с эффективностью даже на треть от куликовской не смог никто, кроме знаменитых Кадочникова и Лаврова. Но они и сами были на учёте и под постоянными проверками и исследованиями. Без толку. Не двигались исследования.

Куликов был интересен Шакоцкому не только своими чудесами. Этот человек сказал, что к нему обратилась жена его старого сослуживца, которая периодически уходит в неизвестный мир, где есть многое нашего мира, есть даже целые города нашего мира, но при этом – там что-то другое. Всё это вряд ли бы заинтересовало Шакоцкого (аномальщиков с субъективными мирами, как и сумасшедших на белом свете, много), если бы не налаженный контакт той женщины не просто с тем неизвестным миром, но и с нашим миром оттуда... Дело в том, что отставной полковник-патологоанатом, он же биофизик-цитолог Куликов сам был не чужд экспериментов и исследований.

Его знакомство с людьми из следственной группы ФСБ по делу Клуба Колумбов Времени и есть результат того, что собралась у него своя коллекция «особых людей» и особых случаев. Расследование по поиску загадочно (именно «загадочно») пропавших людей продолжалось, конечно же. Потому что исчезновение тех, кто погиб под чипами и ножами экспериментаторов-бандитов, всех «нано»-жуликов и тех, кто пытался с помощью препаратов играть со Временем, ответов не дали. И исчезновения только этими причинами не объяснялись. Участвуя в захвате группы в Егорьевске и в реанимации некоего Бекетова, с вживлёнными в него наностимуляторами, Куликов встретился не только с незнакомой, пиратской частью деятельности таких «научных» изыскателей, но и встретил своего старшину Пигаша. Это было неожиданно. Это было какой-то подсказкой судьбы – что вот, странным образом начинают собираться для подведения итогов все персонажи со странными историями. Но это было предчувствие, это был совсем не взгляд за занавесочку. Тем более Куликов после знакомства с женой своего друга, уходящей за занавесочку надолго, иногда на часы, уже совсем иначе и навсегда по-другому относился к своему феномену и к его якобы неповторимости. Кстати, друг его... Им стал один из тех самых «людоедов», которые, конечно, оказались совсем другими, «специальными» ребятами с вечной печалью в сердце, с печалью, спрятанной за остекленевшим взглядом на мир. «Друга оставим в покое. Тем более он никакого отношения к нашей сумасшедшей игре не имеет... А вот жена его – это да-а!».

Сейчас их встреча состоялась совсем не ради того, чтоб демонстрировать известные «фокусы», а потому, что у Куликова был человек, который мог повернуть ход исследования в новом, в принципиально новом ключе.

Из досье человека, которого рекомендовал Куликов: «Кайндли Вероника Томасовна – русская (фамилия придумана её бабушкой-сиротой от литовского «кайна» – «цена», ещё в архангельском доме-интернате в 1932 году. Реальная фамилия неизвестна, бабушка была найдена совсем ребёнком на станции Жгутово под Смоленском во время аварии двух поездов. Отец Вероники – русский, назван в честь английского моряка, умершего от ожогов в госпитале Архангельска в 1943-м. Бабушка по отцовской линии школьницей работала в том госпитале и рассказывала о моряке, как о мужественном человеке, восхищавшем её всю жизнь. Наверное, четырнадцатилетней девчонкой, работающей санитаркой в госпиталях Архангельска, она была просто влюблена в того матроса, а уже позже, когда сложилась её семейная жизнь, именем того матроса с согласия мужа назвали сына... Томас Егорович проработал всю жизнь в Архангельском порту газоэлектросварщиком.

Вероника – школу закончила в Москве, но до 9-го класса училась в Архангельске. Закончила факультет иностранных языков Педагогического института в 1990-м году. Работала в школе. Замужем была 4 раза. Сын от первого брака. Трое мужей, кроме первого, выехали за границу. Вероника оставалась. Первый муж – см. отдельное приложение (но приложения не было, видимо, товарищ был на действующей оперативной работе). Характеризуется, как хороший профессионал, очень импульсивна, очень субъективна – были проблемы с предвзятостью к ученикам, что разбиралось на внешкольной педагогической комиссии управления образования Северного округа Москвы. Уважаема и любима детьми, но конфликтна с родителями. Известно, что без видимых причин к ней персонально однажды приезжала Жанна Агузарова (известная певица эстрады 80-90-х годов), а так же, что периодически она очень точно по фа-

милии-имени-отчеству интересуется людьми с психическими заболеваниями, лежащими в больницах закрытого типа. Знать о них она не может, а о местонахождении – тем более, но всегда точно называет человека и его адрес в психушке. Это один из её феноменов. Дважды она предоставляла предметы из ТОГО мира. Суть предметов и природа их не известна. В первом случае плоский, похожий на блюдце экран, на котором в определённые периоды появлялись знаки и глаз какого-то существа, во втором случае – бутон растения, которого в нашем мире нет. Белковая структура бутона максимально близка к лилии (как известно – белок болотной лилии ближе к структуре белка человека, чем белок любой человекообразной обезьяны).

Восточно-балтийский антропологический тип, рост 166 см. Объём мозга 1344 мл, 1 группа крови, резус отрицательный, по словам её матери в детстве пережила дважды температуры тела в 42 градуса. Аутизмом не страдает, но в детстве входила в трансовые состояния. Имела первые разряды по спортивной гимнастике, лыжам, стрельбе из малокалиберной винтовки. Любит иногда спать сидя.

В поле зрения спецслужб Вероника попала, когда стала в среде учителей распространять слухи о скором появлении на Южном Урале нового государства. Утверждала, что сначала это будет новое общество, и ни одно общество мира не сможет ему противостоять. Потом оказалось, что эта информация, распространяемая ею, возможно, результат путаницы – говорилось об Урале в параллельном мире, или, возможно, информацию ей вбросили «оттуда». (Тогда неактуализированные комбинации атомов, и уж тем более миры, не воспринимались слишком всерьёз – относили всё это к экзистенциональным отражениям, которые, возможно, интересны в этой реальности).

Вероника находится в постоянном наблюдении. Ежемесячно ею формируется записка с предупреждениями о возможных событиях и информацией с предположениями о местонахождении пропавших людей. Процент истинности не самый высокий – от 62 до 68 процентов, но важно другое – ряд её «угадываний» носил настолько необычный и настолько глобальный характер, что явно – это не результат её личного опыта или считки информационного поля.

Например, события, связанные с наводнениями в Венгрии в 2010 году: Кайндли предупредила за 36 дней (!!!) о потерях в библиотеках Сегеда и вымывке алюминиевых шламов в Тиссу и Дунай, тогда же она говорила об алюминиевой спирали в руке раба из Южного Царства. В 2011 году во время свержения режима Мубарака в Египте был разгромлен Национальный музей, пропала часть экспонатов. Специалисты обратили внимание на многое, египтологи Королевского Национального музея Великобритании отправляли спецкомиссию, работавшую с перечнем потерь. Любопытна деталь – отколота и исчезла кисть руки внешне малозначимой статуэтки раба из Южного Царства. По описаниям – в руке был цилиндр (сохранённые видеодокументы подтверждают – внешне это был цилиндр из камня в диаметре 2,7 см, в длину – около 11). За два года до событий Кайндли говорила о спирали в руке раба... Так вот, в библиотеке Сегеда, подвальные архивы которой удалось спасти от наводнения в 2010 году, в материалах о Египте обнаружена папка с фотокопиями и вырезками довольно известных статей об артефактах Египта. Но есть несколько статей, неизвестных доселе исследователям. Одна из них – предположительно, это материал какого-то доклада, зачитанного научному или политическому сообществу между 1680 и 1730 годами. В докладе говорится о Фейхаге – летающем между мирами фантоме,

научающем людей расширять мир, о визуальном и слуховом коридоре тамплиеров в мир Новых Земель Индии, о горящих огнями городах по всей планете, о плавающих городах, и о... Кайндли Веронике Томасовне, посланце from the World promised (Мира обетованного).

Мистификацией, какой-либо подделкой объяснить это трудно, учитывая, что именно этот доклад не копия, а писан чернилами, выцветшими за триста лет, а поверх уголка первого листа, поверх тех же чернил, ещё и надпись по-французски «Greal Masonic Lodge, une etude de Fontainebleau» (Великая масонская Ложа, кабинет Фонтенбло).

Так вот – в том документе говорилось и о серебряной спирали в руке раба из Южного Царства, залитой «в белый металл, которого «у нас нет». Границей белого спектра Ориона и сектора ISCer названо положение раба, а значит, цилиндр в его руках был что-то типа навигатора в системе координат не нашего мира. Произошло смещение цилиндра – куда унесли его воры после разгрома Каирского Национального музея? Если до этого раба переместили всего лишь за триста-четыреста километров от места, где он простоял тысячелетия, пока не стал экспонатом музея, то теперь он может быть где угодно. Сколько таких сигнальных огней стоит по миру и как они влияют на «аэродромы» и силовые линии перемещений между мирами? Это всё равно, что спелеологам за их спиной запутать нить Ариадны или намотать вместо одной нити десяток других и по другим пещерам-выходам в мир. Или без выхода... Получишь Санктум (Sanktume).

Сейчас Шакоцкий должен был на своём спектральном многоуровневом видеоскопе заснять состояние физиосигнала в корневых пучках позвоночника Куликова. Предполагалось, что здесь могли быть подсказки о гомеостазных конфликтах симпатической и парасимпатической нервных потоков этого необычного человека. Куликов всё это с удовольствием слушал, кивал головой, но всегда и всем говорил, что по ощущениям своим более близкого ответа, чем ответ о Меркаба – воротах в сердце – он пока нигде и никогда не встречал.

События после встречи Сурненко, команды Клуба Колумбов Времени и Вероники Кайндли полетели совсем на других скоростях. Организована встреча была спецами из следственного комитета ФСБ, но как-то изначально Вадим Виленович понял, что «люди в штатском» не инициаторы этой встречи, а исполнители. Встречу заказали какие-то совсем-совсем «погружённые» люди наверху, и сам контакт аномальщиков между собой нужен лишь, как промежуточный механизм – он должен дать результат. Какой?

Для чего собирают всех гениев в Сколково? Для чего Валаамский монастырь собирает всех «особо продвинутых», так же, как собирает и Святой Афон? Для чего в армии собирают спортроты, а медицинские центры особо талантливых врачей? Правильно – только для одного. Количество превратить в новое качество. Создать Центр Силы, создать систему прорыва на новые уровни понимания процессов.

Любое сообщество людей выбрасывает сначала Икара – того, кто показывает, что можно лететь к Солнцу. Потом это сообщество создаёт кладбище икаров. Потом целую культуру поминания и ориентирования на икаров, и потихоньку вырастает, чтоб понять сначала самого Икара, а потом... как бы улететь ЗА СОЛНЦЕ. Иногда расстояние между обожжёнными перьями и Солнцем целые тысячелетия, иногда – два поколения.

...И вот тридцать лет спустя уже врач-патологоанатом Куликов, прошедший конвееры с тысячами трупов, уже вытаскивавший из гайморовых пазух слюдяные резонаторы, а из мозга некоторых «клиентов» целые сетки чипов величиною с голубиное яйцо, сделанных из таких материалов, которые назвать, наверное, можно, но способы их появления или вживления в живой человеческий мозг мог бы объяснить только фантаст, теперь сам оказался всё-таки под ударом. Он лежал в Кащенко, его жизнедеятельность пытались поддержать всеми известными на текущий момент стимуляторами, среди которых ноотропы были просто мелочью – что-то типа второй виолончели в громадной «оркестровой яме», где спряталось от атаки сознание Сергея Владимировича. Пока сквозь тьму небытия, словно отодвинув известную её занавесочку, не пришла женщина со странным букетиком и с каким-то великаном. У великана была немного вытянутая голова. Обычно такие люди считаются больными, но этого трудно было назвать больным – он слишком безупречно был одет, слишком безупречно и спортивно двигался и слишком не выявляем был его возраст. Куликов знал таких мужичков из Службы охраны Президента. С глазами холодными, как поршень автоматного затвора, с удивительно ухоженной чистой кожей лица и обязательно контрастными скулами и височной костью наступательного охотничьего типа... Мужчина сказал: «Этого вытаскивай. Нейтральной полосы слишком много, корпускулы сжиматься будут ещё четырнадцать лет. Кого расставишь на границах?»

Через какое-то время, время, которое невозможно было определить ни экзистенционально, ни внешне, занавесочка отодвинулась совсем. И Сергей Куликов обнаружил себя лежащим на берегу холодного ручья или речушки. Ему с трудом удалось сесть, ходить он, кажется, разучился. Впрочем, нет – вестибулярный аппарат стремительно набирал силу от невидимой простой энергии земли и воды. Маленькие-маленькие листы крапивы будто предлагали «съешь нас». Куликов их съел...

Где-то наверху, над оврагом, внизу которого и текла эта неизвестная ему речушка-ручеёк, ему послышались приглушённые голоса мужчин. Язык разобрать было невозможно, но Сергей надеялся, что это русские люди. По склону он выбирался минут десять. Силы в ногах и руках восстанавливались, но восстанавливались медленно, поэтому его движения были скорее движениями ползущего человека, чем двигающегося на карачках. Но пока он полз до кромки оврага, уже включался какой-то анализ и самоанализ в мозгу. «Это что же? Ранняя весна? Маленькая крапива... А вернулись мы в октябре... А что это за ледоход, – он увидел: со склона между деревьями текла какая-то довольно широкая река, – половодье? Или она такая всегда? Ока что ли? Откуда столько ёлок, и вот – сухой Иван-чай... Ока?».

Это была не Ока, но мужчины, переговаривающиеся наверху оврага, были русскими. Куликов выглянул осторожно, даже в беспомощном состоянии совсем не желая доверяться незнакомым людям.

Оказалось, что наверху кладбище, где-то шагах в сорока от склона оврага у могил стояли три мужика. Правильнее сказать – два мужика и парень лет семнадцати-восемнадцати. Они, видимо, просто навещали какую-то могилу, а сейчас отвлеклись на что-то, что сильно их удивило. Возбуждённо показывая руками в сторону густого леса и на поле в противоположном направлении от пахнущего сырой травой и гниющими листьями оврага, они говорили явно не спокойными, а удивлённо-восторженными голосами. Речь целиком разобрать было невозможно, но возгласы: «Да их тут штук

восемьдесят... И слышишь – собаки не лают», «Ты в небе гусей видел?! Мы ж тут стоим и в разные стороны смотрим... И двадцать секунд назад здесь не было! Они откуда?! «...» Да, б...дь, откуда я знаю!!!»

Куликов встал и увидел чёрное поле, на котором сидело много-много гусей. Но, кажется, именно он – человек, вылезший из оврага (а так же: а) из бездны небытия своей «оркестровой ямы»; б) из джунглей Анголы; в) из детских заскоков с дежа вю и умения заглядывать «за занавесочку») смог увидеть то, что не видели эти три мужчины, стоящие между крестов какого-то сельского кладбища... В тёмной бездне стены леса где-то там, за дорогой и перелеском, который, похоже, шёл по кромке того самого оврага, имеющего истоки в чащобе, в той тёмной бездне бездна была не сплошной. Она была как бы частью здесь, а частью она же, но сдвинутая в плоскости времени и пространства... То самое состояние, когда, вытянув голову, как в детстве, можно было заглянуть в будущее. И это будущее видели и не видели мужики – они-то считали, что видят настоящее! А там... А там, между прочим, где-то лет эдак через шесть, сидит вон один из них... Только через шесть лет (а, может, это десять лет, но почему-то в сознании фиксируется этот период – шесть лет) он будет гораздо седее...

– Георгий Иванович, мы к машине пошли, – говорят этому мужику двое других. И уходят. А Георгий Иванович смотрит и смотрит в небо, и на теперь уже взлетающих гусей, испуганных выскочившими из деревни лающими собаками...

...Там, «за занавесочкой разлома» на кромке оврага у зарослей ивняка садится он же – Георгий Иванович, который не видит себя отсюда. Этот слишком всматривается в чудо появления гусей «ниоткуда». И к нему – тому, дальнему от дороги, движутся двое лысых дядечек. Занавесочка закрывается. И только рывок ветра гонит сухую траву и листья по земле, по кладбищу между крестов... Заурчала машина. Кажется, это «Рено». Мужики уехали. Куликов медленно, но всё увереннее и увереннее пошагал к избам деревни. Там всё же его появление воспримут естественнее, размышлял он, чем, словно вылезшего из могилы.

2010 год. Радостева

Орнитолог Наталия Радостева сидела на порожке избы в селе Турья. Зудели редкие для жаркого лета 2010 года комары и мошки, а кошка, от неизвестного в этих местах пекла скрылась под порожком избы Ольги Степановны – хозяйки дома. По сравнению с Москвой, утонувшей в смоге горящих торфяников, Наталье картина казалась прекрасной. Столица России уже вторую неделю бредила Апокалипсисом. Бюро ритуальных услуг не успевало справляться с похоронами в традиционные три дня. Хоронили людей на четвёртый, пятый день. А слухи ходили, что умирать стали даже фельдшера «Скорой помощи». Машины этой службы метались по городу, собирая по семьсот трупов в день, погибших только от смога, пекла и всем тем, что с этим связано.

Здесь же, в верховьях Выми, в ста километрах от Тиманского водораздела, воздух был свеж и почти прозрачен. Говорят, что где-то западнее горели леса, но гари не чувствовалось – над рекой висела дымка-испарина, а на высоком берегу воздух был вообще густой и чистый, как стекло. Здесь «ниоткуда» появлялись гуси, и не только они... Во всяком случае, так считала Радостева, к подобному мнению пришли и неко-

торые её соратники. Наталья смотрела на жёлтый от засухи косогор у излучины, ждала, когда проснётся местная «сказочница» Ольга Степановна и с любопытством для себя отмечала, что чем дальше, тем больше её исследования отходят от птиц и докторской диссертации, и всё ближе приходят к общим загадкам Земли...

Полтора года назад, когда аресты членов Клуба Колумбов Времени – организации, созданной её бывшим (и тоже арестованным) мужем Сергеем Михайловичем Самойловым – заставили отвечать на неудобные вопросы следственной группы и волей-неволей подводить внятный итог исследованиям аномалий, тогда Наталья Семёновна Радостева в самих вопросах следователей обнаружила их согласие с «их» аномалиями. И это для неё было очень важно. Когда звучат вопросы «Проявлял ли интерес к коридорам кто-либо в практическом смысле? При выходе птиц, было ли зафиксировано движение более крупных объектов? Почему вы считаете открывание-закрывание «коридоров-цитала» совпадающими с временем намаза у мусульман в получетверти ниспадающей Луны единственным временем Цитала?», тогда волей-неволей начинаешь предполагать, что работам Клуба есть альтернативы и есть критерии контроля. Во всяком случае, следователи не путались и не изучали «понятийный ряд», они его знали, и знали, как минимум, не хуже, чем многие «колумбы».

Самойлов искал наночип, чтобы «сшить» сознание своего брата Евгения, столкнувшегося в бытность свою студентом театрального училища с человеком из будущего Иртеньевым. Но сознание брата не выдержало гораздо раньше – он тихо умирал в психиатрической больнице. Люди, которые стояли за поиском и созданием чипа-наноактиватора, искали «антенну в будущее». Им нужен был прибор в виде самого человека, который позволял бы заглядывать в будущее – для других, ведомо, политических и финансовых целей.

Прожив с Самойловым 16 лет условной семейной жизни, Наташа развелась ещё задолго до ареста – в 2006-м. Причём даже развелись они, как и жили, заочно. Самойлов после рождения сына Ромы так закрутился в разъездах, связях, контактах с «большими людьми», что система ценностей в его душе менялась стремительно, ломая, конечно, и саму карту личности. И уже не сын, а абстрактное «будущее сына» было у него в речах, не мир и счастье в семье, а деньги «для мира, счастья и других неограниченных возможностей». Он умел ставить цели. Но он защищать себя от них не умел...

Под экспериментами погибли люди. Наташа до сих пор не знала наверняка, какова степень участия Сергея в этих экспериментах, но было известно точно, что, как минимум, к похищению технологий и укрывательству преступлений он отношение имел.

У следствия много было вопросов. И не только потому, что тема была специфическая и преступление тоже. Появлялись у следствия и всех участников такие проблемы, по которым было понятно – есть неуловимые, есть невидимые фигуры. Нет, совсем не в смысле «люди в Кремле» или сильные мира сего. Следствие само столкнулось с аномалиями. Известная максима Фридриха Ницше про то, что любители заглядывать в бездну должны помнить, что и бездна может заглянуть в любителей, стала повторяться всё чаще. Появилось условное лицо, некий фигурант в деле – Бездна.

Наталья всё это знала лишь в общих чертах, со слов отставного полковника Сурненко, с которым познакомились они ещё тогда, когда искала традиционные методы помощи Евгению – брату мужа. И познакомились-то они как раз там – в психиатрической больнице Егорьевска, тихого городка в Подмосковье. Сурненко тогда открыл

настолько неожиданные вещи. Чего стоит само подтверждение, что дневник встречи Евгения со стариком Иртеньевым, человеком из 2223 года. Наталья как-то сразу по-другому увидела прикладные задачи и своей дипломной работы, и диссертации о птицах, появляющихся «ниоткуда». Теперь появилась версия – птицы, как, наверное, и многое живое на Земле появляется не только в плоскости нами познанного мира. А откуда-то ещё и «сбоку». Уже защитив кандидатскую (без ссылок на «сбоку»), она не переставала собирать материал о всё новых и новых очевидных абсурдностях «плоской науки». Вот немецкие институты заявили, что обнаружены 2 вида новых землероек в Германии, вот Королевский институт естествознания Великобритании объявил о появлении крыс-тенса в канализационных системах Лондона – дескать, это привезли из Латинской Америки в корабельных трюмах... А потом тихие опровержения в узкоспециализированных изданиях – крысы эти вообще неизвестны науке. А вот египетский доктор биологии Рашван эс-Хатари даёт описание «водяного кота Нила», отсылая его к группе камышовых, которых... никогда тут не было. И это только о млекопитающих и только в самых-самых исследованных регионах мира – Англия, Германия, Египет! Вытоптанные до асфальта в три метра глубиной центры цивилизации. Каждый вид комара изучен, а тут, откуда ни возьмись, новые млекопитающие. Мутация? Чушь... Нет в этой плоскости ответа. Радостева убеждена давно – Земля (или кто-то там ещё) вбрасывают в жизнь новые виды... Как в аквариум. Творчество Бога продолжается. Продолжается ли это творчество с людьми?

Против полковника Сурненко тогда, два года назад, тоже было возбуждено какое-то внутреннее дело, и расследование шло очень долго. Неизвестно, кстати, закончилось ли... Он ходил мрачный. Сам ничего не объяснял, но поговаривали, что в период разработки этого уголовного дела с кражей нанотехнологий и биотехнологических экспериментов погибли люди, а полковник Сурненко что-то там недоглядел. К счастью, его не уволили из НИИ, кабинет сохранился за ним. Удавалось периодически встречаться. Совсем не потому, что они скучали друг без друга, а скорее потому, что периодически «аномальки» напоминали о себе. При встрече сам Вадим Владиленович рассказал Наташе о потере памяти их общего знакомого Георгия Бекетова – о том, как Бекетов был частью экспериментов её бывшего мужа, о том, как недоглядели глубину эксперимента и потеряли человека. Сначала буквально, а потом... Бекетов выжил, но «это человек, который совершенно не помнит нас и многого из нашей темы, истории».

– Слава Богу, что в остальном во всём, вроде бы, у него всё в порядке...– рассказывал тогда Сурненко. А Радостева не могла и предположить, что окажется здесь, в Турье – в восьми километрах от той самой деревни, про которую рассказывал Бекетов, как о своей родине. Всего в шестнадцати километрах был адрес другой «аномалии» – деревня Кони, где пропал в 1944 Семён Кустысев, второй больной, который присутствовал на их тренингах в Егорьевске вместе с Евгением Самойловым, Бекетовым, Полозовым, Сурненко и ею, Наталией Радостевой, беременной тогда Ромкой и ощущениями разверзнушейся, расширившейся до неизвестных масштабов Земли, как и мира в целом.

Здесь, в Коми, ей уже рассказали современные истории, которые похожи на историю исчезновения детей в 1944-м году. Оказывается, в июне прошлого, 2009 года, на Мезени, в соседнем Удорском районе, пропали два восьмилетних мальчика. Пропали так, как пропасть невозможно. Вот они есть и... вот их нету. И не работают никакие

версии провалов в плывуны, в болота, что можно заблудиться, что растерзал зверь. Искали мальчиков около тысячи профессиональных спасателей. Обращались к экстрасенсам. Без толку. Радостева почти уверена, что там тоже был тот коридор в неизвестную реальность, куда и «провалились» дети. Этих адресов провалов в Коми она насчитала уже около восьми – и это только то, что замечено людьми, что имеет десятки и, может, сотни свидетельств, что выражено в артефактах(?) ухода и особо важно – прихода «оттуда».

Сказочницу Ольгу Степановну учёная ждала совсем не для того, чтоб услышать очередные байки – она ж не фольклорист. Ольга Степановна обещала поделиться календарём появления коридоров. Она даже не называла его «календарём», а по-учительски «расписанием» – тридцать восемь лет в школе. Простенько так: понедельник – «на Пожеге если низом ветер вдоль реки пошёл, то, значит, на кромке террасы берега будут звуки не этого мира»; вторник – «в мае и сентябре в солнечные дни много птиц у Шошки. Вдруг. И не летят, вроде бы ниоткуда, а вдруг везде появляются. На малую Луну при мороси у Катыдпома птицы наоборот – на одном месте могут висеть. Будто ждут чего-то. На расстоянии трёх-четырёх человеческих ростов от земли. А потом как-то быстро исчезают, будто в мороси растворяются. В Лялях люди думали, что зыбучий песок людей забирает, а там и другое видели – свет от деревьев – пшик, и ушёл человек в свет. Или собака тоже...».

– Наш бывший главный механик леспромхоза два чуда своими глазами видел. А он не пьющий, – непьющий мужик для коми женщин, ярким образцом коих была и сама Ольга Степановна,– это уже эталон честности и надёжности источника. – Вот у него как раз две собаки в свет от деревьев убежали. Просто растворились в свете. А Пожег – там чудеса звуков почти все турьинцы знают. О да! Вспомнила – тут в деревне Козловка тоже был период, когда и НЛО летало, и люди из прошлого пришли... Да-да, именно так. И видели их и слышали. Этим делом там сильно наш журналист занимался... Бекетов Гоша...

Что касалось Бекетова – это было отдельной частью программы Радостевой. Как, впрочем, отдельно, по той же просьбе Сурненко, она хотела поискать и дополнительные сведения об Иртеньеве. Понимала, что это скорее из серии «а вдруг», но в увязке с Бекетовым, может быть, что-нибудь и получится.

Вечер ушёл на «фольклор». Ольгу Степановну, одержимую самобытностью народного творчества коми и вымских коми особенно, понесло... Выделить что-то из хаоса сказок, из субъективного и фантасмагоричного по прикладным (связанным с документированием в уголовных делах, в газетах, в личных свидетельствах) было почти невозможно. В прокуратуру и в редакцию местной газеты можно зайти, но, пожалуй, только за копиями 3-4 документов, представляющих дополнительный интерес скорее к деталям. А личные свидетельства... Люди или умерли, или уехали далеко. В Коми крае и немцев, и поляков, и литовцев со времён ГУЛАГа было много – ищи их теперь в «европах».

Ехать до Княжпогоста и не остановиться в загадочных Козловке и Катыдпоме? Глупо. Это же точки, где, возможно, существуют «контакты со стенкой аквариума» в другой мир... или «крышкой аквариума»... Надо заехать. Радостева утром следующего дня вышла из автобуса в Онежье. Дальше по хорошему асфальту пешком. Всего-то два километра. «Господи! Какой воздух!... Но ни птиц, ни комара, ни мошки... Все говорят о странностях этого лета. И что загар почти не липнет». Наташе не нужна была встре-

ча ни с мамой Бекетова, с которой до этого перезванивалась Ольга Степановна, ни с самим Бекетовым. Зачем? Если, как говорит полковник Сурненко, Георгий всё равно забыл часть своей жизни. Или захотел забыть. Что ж она будет навязываться? Зато Наташу будто толкал кто-то – надо пройти своими ногами, увидеть своими глазами само пространство, сам воздух, обстановку, что-то ещё. И ноги несли её... Она прошла поворот на Козловку и только через сотню метров догадалась, что вот – избы слева, наверно, и есть Козловка, а впереди Катыдпом. Справа разбросанные по полю валки сена, свёрнутые в аккуратные барабаны-копны, и между ними мелькнула собака. Нет, это, кажется, была лиса. Причём – хромая лиса.

«Умерла ты, моя сторона. Умер век.

Где колодцы с живою водой?

Ходит ночью хромая лисица за мной,

Не встречается Человек...» – вспомнила стихи какого-то поэта Наталья Семёновна. Картинка была бы зловещей, если б не сказочное свежее и солнечное утро. Лисица не убежала, а выглядывая из-за копны, полулаяла-полурычала. Негромко. Будто разговаривала. «Так, глядишь, и кикимора какая-нибудь из ручья поднимется... Да ешё и на опохмелку займёт!» – хмыкнула Наталья Семёновна и почти, не оглядываясь, пошла по асфальтовой дорожке дальше. Она со времён своей дальневосточной молодости не бывала так подолгу «в поле», и нынешнее её путешествие в край неизвестный напомнило десятки тех задорных, одиноких и первобытных состояний, какие бывают у человека, оказавшегося один на один с дикой природой, и оказавшейся надолго. Вот она уже шесть дней была в Конях, четыре на Пожеге, два в Турье, четыре раза ночевала у открытого огня под открытым небом.

Когда-то двадцать лет назад, ещё 23-летней аспиранткой, в Амурской области она точно так же солнечным днём пересчитывала голоса птиц. Войдя в почти в медитационное состояние, которые знают орнитологи, удерживающие в сознании полифонию звуков при необходимости вести при этом записи координат птиц, она увидела то, чего быть не должно – она увидела скопу, специфического птицу-хищника, единственного из семейства скопиных. Птица, которая на девяносто девять процентов питается рыбой, вдруг оказалась в сопках. Более того, в сопках, далеко от воды была и вторая скопа, и гнездовье. До ближайшей старицы было с полкилометра, а скопа обычно гнездится прямо у воды. Перепутать Наталья не могла – слишком специфична окраска птицы, слишком специфичен размер. Тогда это было так же неожиданно, как если бы сегодня она встретила не хромую лису, а, например, хромого енота в этих широтах. Необычность, неестественность места появления говорило только об одном – либо что-то произошло с землёй, либо с Радостевой.

Радостева и сейчас шла к открытию, как Иванушка-дурачок. Вот шагает себе немолодая женщина, кандидат наук, без пяти минут доктор, завкафедрой Уральского университета – шагает по асфальту к неизвестной деревне и знает точно – это не полевая экспедиция «в чистом виде», какой она должна быть. Деревня сама по себе – не адрес её исследований. И даже к поиску по линии Клуба Колумбов Времени и по просьбам Сурненко ей бы в Козловку важнее, чем в Катыдпом, но ноги несут... И в душе что-то сомкнулось. Скопа, догадки о птицах, прилетающих «ниоткуда», состояние находки-открытия, ускользающего из рук и головы, когда ударили артиллерийские залпы райчихинских дивизионов... И здесь, казалось бы, куда спешить? А ноги «говорят»: быстрее, быстрее, вот сейчас увидишь... Наитие. Инсайт. Дар Божий. Сердце её замерло от

невероятного – с небес на поле садились куропатки и тетерева, вылетела из сини и прозрачности воздуха сойка, какие-то ещё мелкие пичуги, которых Наташа не успела опознать... И садились они на поле, на ветки двух берёз на опушке, падали доверчиво к копнам... и уже срывались оттуда, напуганные лисой. С небес. Из «ниоткуда». Не из дали, или из-за берега, не из-за перелеска или из облака (облаков нет вообще), а из воздуха, из пустоты... Вот оно – qvo erod demonstrandum... Орнитолог стояла окаменевшая. Такой счастливой она не была никогда в жизни...

* * *

– Да ну вас, Наташа! Вы хотите, чтоб Академия Наук была вынуждена снова и с утроенной силой вспоминать в положительном смысле Чарльза Дарвина? Или чтоб Церковь начала защищаться от нового «светопреДставления«? – академик Геленжиновский брякал чайной ложечкой в стакане с чаем громко и, будто нарочито небрежно. Впрочем, он всегда так размешивал сахар, расплёскивая чай на стол, на блюдце, когда подавали в чашечках. Строго говоря, он будто и не размешивал его, а нашупывал где-то там, на дне, и пытался загрести «на вынос». Эта манера его была и в самом деле нарочитой – он для себя всегда подчёркивал этим действием «домашность чаепития» – вот этого квадратного метра, на котором в тот момент находился. И ещё... отвлекал. Это тоже работало. Глаза собеседника всегда излишне часто фиксировались на неуклюжести движений, на звяках ложечки, а Геленжиновскому это позволяло в духе приподниматься над собеседником и его слегка рассеянным сознанием. Наталья Семёновна Радостева за всем этим видела уход Геленжиновского. Уход и от разговора, и из темы Клуба Колумбов, и (мелькнула и такая мысль) уход Геленжиновского вообще. Появилось в нём что-то такое, что говорило: Олег Артурович сам уже где-то наполовину по ту сторону этой реальности. Но Радостевой требовалось «благословление» академика, ей требовался сам факт этой беседы, чтобы она могла на него ссылаться при переходе, если такое случится, в работу практическую.

Практическая – это создание новых карт «зон немотивированно низкого перелёта гусей-гуменников», сейчас уже не только гусей – сейчас вопрос о новой картографии. Кто мог подумать, что «колумбам» придётся так быстро составлять карты. Теперь не Колумб требовался, а Америго в лице нового картографа, чтоб доказать «Америку» – все эти «ширмы мира» и ложность понимания «Индии на Западе», доказать шахты внепространственные и вневременные. Геофизики тоже подходят к этому. Если на Землю падает 20 тысяч тонн космической пыли в год, а масса Земли почему-то увеличивается на 100 тысяч, то вопросы не могут не появиться...

* * *

Отставной полковник-патологоанатом и биофизик сидели друг напротив друга и ещё не знали, что сейчас они столкнутся с чудом самым обыкновенным, чудом знакомства двух команд, которые занимались проблемой каждая самостоятельно, занимались давно и могли не встретиться никогда. И не встретились бы – мир пошёл бы в одну сторону развития, а вот сейчас встретятся, и мир уже никогда больше не будет тем – старым. Всё произошло после фразы, которую Сергей Куликов мог и не бросить – не входила информация в перечень той, ради которой они встретились. Впрочем, это отдельный разговор, а сейчас прозвучала ничего не значащая фраза:

– Если хотите, я эту женщину, Веронику Кайндли, прямо сейчас приглашу. Она сейчас должна уже освободиться. Мы хотели к врачу-пациенту съездить... Есть такой Полозов. Сам был врачом, а теперь в больнице после эксперимента оказался.

– Полозов? Какой Полозов? Его Кайндли тоже оттуда нашла?... – напрягся вниманием Шакоцкий, он ещё не знал, что Куликов знаком с Сурненко. И Шакоцкий, сдерживаясь изо всех сил, буднично (как ему казалось) спросил: – Вы с отставным полковником Сурненко не знакомы? Вы и по возрасту где-то рядом...

Вероника Кайндли в последний свой выход нашла доктора Полозова в параллельном мире – в «мире Альтернатив» (как условно назвали неизвестную реальность полковники из медицинской экспериментальной лаборатории управления факторного анализа Главкосмоса (МЭЛУФА)) – в обстоятельствах, о которых можно было догадываться по его состоянию в психиатрической больнице здесь. Отправка Кайндли была спонтанной, как всегда. Вероника могла лишь приблизительно сказать, когда с ней может случиться «выход»... Когда случился, она оказалась встреченной в Альтернативе... Вадимом Сурненко, а чуть позже Георгием Бекетовым. Оба они были несколько иными там, т. к. реальность текущая при вербальном выходе энергии через Слово имела способность стираться в памяти. Вадим Виленович был просто прохожим, который любезно согласился проводить Веронику до автовокзального кафетерия, куда «Полозов прийдёт через десять-пятнадцать минут», – так сказал человек в строгом дорогом костюме с лицом Вадима Сурненко, и, кажется, слабый запах туалетной воды был похож на запах Сурненко. Навигатор поиска таким образом был подтверждён: человек, уходя в другой реал, имеет здесь, в нашем мире, несколько опорных образов, которые в «мире Альтернатив» обязательно проявятся в знаках плюс или минус. Как во снах.

Потому что «навигаторы» – есть эмоциональная – продолжающая формироваться цепочка противоречий. Если коротко – чем непонятнее для «уходящего» что-то или кто-то в мире этом, тем гарантированнее он встретится с этим объектов мире ином – «магнитное поле» обработки сигнала задаёт вектор по ту сторону реальности, а там реализует поиск в виде проявления «необработанного» объекта.

Алло! Небеса слушают вас...

...Когда в 1990-м профессор Шакоцкий по гранту Лоиса-Дербенёва «расшифровывал» геном СПИДа, и ещё до его расшифровки выдал открытие – несоответствие шага спирали ДНК AIDS шагу спирали обычной. (Что и было основной причиной смерти от этой болезни). Открытие другого шага «резьбы» само по себе родило два новых направления, которые позже в расшифровке генома сыграют не последнюю роль. Но не только это... Среди шести миллиардов генов к 2004 были обнаружены 19, которые были во всех других алгоритмах построений. А среди этих 19 ещё и геном Q2, единственный, имеющий пустоту внутри себя. Этакий БУБЛИК. Вот эта дырочка величиной в 2-8 нанометра и показывала себя всё чаще, как Ворота Бога. От неё зависела Жизнь генов и, самое главное, триллионы расстановок. Как от семи нот ничего не зависит без музыкального ключа и определённой гармонии пауз, высот и длиннот звука, так и от генов ничего не зависит без вибрации этого отверстия в Q2.

...Девятнадцать. Священное число в исламе. 365 дней в году делим на 19, получим

19. Точнее – если 19 умножить на 19 будет 364.999999... до бесконечности. Небольшой зазор во времени – это небольшой зазор и в пространстве. Время намаза – время стояния НЕ НА ЗЕМЛЕ. Возможно, это и есть тот самый «бублик» Q2. Феноменом Корана является особое указание на число 19, сокрытое в зашифрованном виде целом ряде определённых аятов. Особое упоминание числа 19 аяте: «Над ним есть девятнадцать» (Сура «Плащом укрытый», 74:30), однако это же число в скрытой форме содержится во многих аятах и структуре текста Корана. Коран состоит из 114 Сур, а этот составляет 19 х 6. Первая ниспосланная Сура (96-я Сура) – это 19-я Сура, если считать от последней Суры Корана. Первые ниспосланные аяты Корана – начальные 5 аятов 96-ой Суры и суммарное количество этих слов аята – 19. И таких «фишечек» с числом 19 в Коране много...

...532 года. В православной Пасхалии, в Александрийской пасхалии, как части византийского календаря, круг – в 532 года. Этот круг называют Великим индиктионом, в отличие от малого индиктиона длиною в 15 лет. Каждые 532 года в византийском календаре повторяются все возможные сочетания фаз луны, порядковых номеров дней в году и наименований дней седмицы. Благодаря этому свойству календаря богослужебный типикон Православной церкви завершён. Круг (Кон – ЗаКон) в 532 года показывает, что авторы Пасхалии простирали её много далее одного цикла, то есть на несколько тысяч лет. Отсюда можно заключить, что движение пасхальных границ по сезонам солнечного года – 1 день за 128 лет – было заложено в Пасхалию уже при её создании. Тот же принцип мы видим и в отношении к календарю. Создатели пасхалии прекрасно знали, что через 6 тысяч лет фаза сместится на три месяца – к февралю. Но для них это не было ошибкой. Ошибкой было здесь, на Земле, ориентироваться на сезоны потеплений и похолоданий. Кстати, 532 делим на 19 получаем ровно 28... Без дробей. Впрочем, причём здесь дроби?!! Профессор Шакоцкий считал другое и предлагал взглянуть на другое – на Резонансные фазы. Получалось, что если в 1989 году была резонансная активность парасимпатической нервной деятельности части людей на Земле, то следующая – в 2008-м, следующая в 2027-м... В вирусологии давно знают про 11-летний цикл активности (точнее – 11 лет 8 месяцев, и вирусы размножаются на утроенных-усемерённых скоростях, не интересуясь при этом сезоном внешних сред).

Предположим, что ключевым, резонансным годом, является другая дата. Это не мешает применять тот же принцип расчётов – 19, 128, 532. Резонанс всё равно неизбежен. Один из таких Резонансов даст Гиперрезонанс. Что это – Смерть Земли или выход её в другое измерение? А, может, ИЛИ – слово тут лишнее? Смерть и есть Жизнь. Как смерть куколки является началом жизни бабочки.

А что такое 28 циклов? От 2012 года отнимаем 532, получим 1480 год. Стояние на реке Угре. Завершение владычества Орды над Русью... Через десять лет тогда началось большое движение на Север, Русь расширяется... Ну, на Север, нынче мы, похоже, даже раньше двинули. Куда, в какие миры рванём теперь? Кстати, если от 1480-го отнять те же 532 года, получим 988 год, Крещение Руси. Не менее, а более КЛЮЧЕВОЙ ГОД! Расширение во вневременном формате и внепространственном тоже готовится. Осталось десять лет? Цикл во многом и многое повторяет.

* * *

Худшее, что можно было себе представить – это бряканье медной посуды, привязанной к сёдлам бедуинов, шарканье копыт и ног, шелест галабеев и туник. Это на-

зывается – Господь послал свою армию воинов, чтобы шелестом и бряканьем, позвякиванием посуды и кимвал на рогах двух-трёх пегих и наглых бычков погасить всю тонкость, всю тишину и чистоту эксперимента в ожидании Резонанса. Бедуины появились в долине Тимна откуда ни возьмись в самый острый момент. Мы уже перешли в режим абсолютной тишины, до первого контрольного намаза оставалось меньше трёх часов, а тут – на тебе! Я бегу к Якобу и объясняю ему (с обидой на самом деле), что вообще-то их израильские военные обещали нам тишину и помощь в обеспечении этой тишины. Но Якоб, уже понявший из разговоров у костров вечерами наши искания и не хуже нашего понимающий, что шумы сломают весь наш эксперимент, хватается за рацию, включает её. Она подозрительно долго самонастраивается. Яков шипит и дует в неё, поддавшись своему южному темпераменту. И нетерпение, и досада прямо гуляют у него сгустками мышц по загорелой спине, желваками на челюстях. Потом он оцепеневает, глаза его округляются, он смотрит на меня растерянно и что-то бормочет на иврите... потом за мою спину почти в голос зовёт: «Наташья, Наташья...». Радостева рядом, она останавливает сонастройку приборов и в несколько шагов быстро подходит к нам. Якоб ей говорит (англ.): «Центр наблюдения, электронного и космического мониторинга в сию секунду смотрит на нас... Но никого, кроме нас, вокруг нас нет...». «А это что?!..» – делает попытку выразить досаду и ругнуться Наталья, показывая на бредущих бедуинов и их стада, но тут и её, как и меня за секунду до этого, осенило, и Якоба – перед нами шло не фиксируемое в нашем электромагнитном поле, а зафиксируется как раз через 2-3 часа, когда наступит Резонанс. Перед нами шло стадо верблюдов, коров и племя бедуинов с собаками и овцами (похожими, кстати, на собак).

– Сообщи Центру, что мы видим и выключайся, – говорю я Якобу. Наталья дублирует меня по-английски и добавляет: – Пусть пишут наблюдение во всех диапазонах электромагнитного спектра... Радиус – вся долина. Ну, пожа-а-а-луйста... (Мы ж не можем командовать, но можем очень попросить).

Но Якоб сказал всё – и просьбы наши, и то, что сам видит. С израильской разведкой шутки плохи – вернее, там вообще нет шуток. Якоб с невозмутимой физиономией повернулся к нам:

– (англ) Йехида Мерказит Меухэдет или кто-нибудь из ЦАХАЛ сейчас будет здесь...

Слово «сейчас» имеет два корня в русском языке – «сей», то есть «этот» и «час», как единица времени. «Лотар», подразделение 7707, остановил верблюдов с трёх сторон через восемнадцать минут...

* * *

Акрис проснулся от гула. Так иногда гудят смерчи. Но гул их можно услышать только в десяти-двадцати милях от них, и это был бы совсем другой гул. Иногда так гудят живые смерчики, с которыми немолодой вакейро иногда встречался и беседовал. Он знал этот звук, как и знал, что очень похоже звучат двигающиеся стада коров, растянутые вдоль хребтов по нижней части больсонов Западной Сьера-Мадре. Но кто же гонит стада здесь? В полудикой пустыне южнее последней колдовской деревни на трассе от Акапулько в магию Красной пустыни. Красная она потому, что здесь единственное место, где кроме серебра, есть ещё и медь. Она, на самом деле, при добыче не красная, а почти чёрная, но пустыню зовут «красной». Кто знает – может, из-за того, что здесь расстреляли 90 лет назад тысячу шестьсот повстанцев, а может, просто по-

тому, что цыплята, которые по всей Мексике жёлтые от того, что их прикармливают календулой, здесь от той же календулы становятся красными...

Паоло Клименте Акрис слишком сложно жил, слишком много хоронил людей вокруг себя, чтобы спокойно реагировать на неизвестные ему звуки. Поэтому он потянул из сумки кривой, как крючок, нож, нащупал за пологом из капроновой мешковины свой карабин и, не клацая затвором, чтобы не тревожить вечно печального американца Баппера, выполз из хижины под немилосердное Солнце мексиканской осени. Первое что увидел – Баппер уже стоял у столба, который когда-то у прежних хозяев этой хижины был столбом калитки. Его фигура была жертвенно-белой от выцветшей льняной фактуры старой рубашки и обесцвеченных джинсов, ставших великоватыми на три размера из-за сильно сбросившего вес хозяина. Баппер выражал сейчас простую готовность ко всему-всему. Так Баппер стоял, наверное, когда-то, когда горели вьетнамские деревни на склоне Кхена-Кхена в той самой спецоперации под Мэй Лай и Мэй Кхе.

Из дымки и гула пустыни, прижимая хвост к животу, вынырнул жёлтый пёс. Он тоже чего-то испугался. Баппер обернулся, подошёл к Акрису, заглянул ему в глаза, как не делал этого никогда, и, смахнув слезу, надутую ветром, в стариковских вечно усталых глазах, сказал, будто объявлял о чём-то главном в своей жизни:

– Паоло, сейчас они придут, – он постучал сухим пальцем себе по виску, – они придут оттуда, но уже нам... мне – точно, нельзя смотреть на это, будто я не имею отношения... Я сегодня умру, но я пойду умирать с ними...

– Пойдём вместе, – ответил Акрис. Поправил чехол с ножом на поясе, сам пояс, но карабин за плечо не закинул. За их спинами в хижине навсегда оставались потрёпанное пончо на стене, 20 патронов под тахтой Акриса и тесак под войлочным матрасом Баппера, два горшка с фасолью и сухое мясо дикой курицы, прикрытое медным мятым тазом.

...Они шли... Звучали бубенцы и гортанные крики мальчишек, загоняющих быков по им понятным тропам в русло потока. Женщины в длинных накидках, мужчины в белых балахонах, которые на секунду заставили Баппера усомниться, что он на семьсот миль южнее Техаса, где лет сорок назад он видел похожую процессию Ку-Клус-Клана. Шемаги на головах бредущего племени тоже потеряли цвет и в свете слепящего Солнца казались частью пустыни, некоторые люди виделись совсем безголовыми – и стадо, и люди, и эти чудовища – верблюды, которых Акрис знал только по картинке сигарет «Camel». Откуда они здесь?

Прямо на Баппера выскочила маленькая белая козочка, от испуга взбрыкнула и упала прямо на его пыльные сапоги, засучила ножками, пытаясь встать, но старик-великан сам подхватил её на руки. Кажется, ей здесь, на груди старого сумасшедшего ветерана 10-го парашютного полка, понравилось больше, чем под ногами коров и верблюдов. Всадник выскочил на Баппера и, казалось, что он угрожающе машет руками, в правой была сложенная чёрная плеть... Акрис вскинул карабин.

– Ноу, ноу!!! – замахал в разные стороны всадник – Ноу...

И дальше совсем неожиданно зазвучал сначала какой-то неизвестный язык, а потом плохой английский: «Не стреляй! Мы заблудились...». Паоло опустил карабин, а дальше началось совсем светопреставление.

...«Лохама бе Террор» понесло лишь одну потерю – Акрис успел вывернуться из-под опрокинувшего его вверх тормашками парня и в этом летящем состоянии вы-

хватить свой нож-крюк. Его он и впорол по самую рукоятку между пластинами бронежилета, думая, что рвёт плоть неизвестного врага. Нож, действительно, как рычаг, вспорол и скрепляющие пластины ткани, и достиг лезвием до груди парня, восхищённо воскликнувшего: «Ишь червяк!» Заломанный и втоптанный в пыль Паоло Акрис лежал, как барашек на закланье. Парень из команды 7707 уже растелешился от доспехов и втыкал пальцем в кровоточащую рану бинт полным рулончиком. А я со вскинутым карабином (его заставил поднять над собой обернувшийся ко мне Якоб) готов был поклясться, что среди рослых парней, согнавших бедуинов в круг, заставивших их спешиться, а некоторых и лечь рядом с уже лежащими и закованными жгутами неизвестными людьми, увидел Александра Григорьевича Фейхова. Он мелькнул среди израильских солдат, на секунду мы встретились взглядами, а потом он побежал к джипу, и я видел только его спину. Ну, никак мне не хватало секунды, полсекунды, чтобы ещё раз взглянуть в его лицо...

Баппер выскочил, будто из-под земли. Он схватил в свои клещерукие объятия Якоба, и они рухнули, покатившись по каменистой земле, рыча от уколов камешков, прокалывающих кожу насквозь и у того, кто обнял, и у того, кого обняли. Спецназовец остановил их вращение коротким ударом автомата между лопаток выгнувшегося Уильяма Джозефа Баппера... Спецназовец не понял в клубах стелющейся пыли в мерцающей клочковатой подсветке фар и шлемовых фонариков солдат, что перед ним борются старики. Впрочем, это вряд ли бы смягчило его поставленный удар. И второй тоже – уже в голову. Якоб из-под Баппера прохрипел что-то на иврите. Третий удар не потребовался...

Конечно, мы не знали ни Баппера, ни Акриса, ни шесть десятков бедуинов, тащившихся через Тимна в самый неподходящий для наших экспериментов момент. Мы не знали. Знали их другие... Была в Тимне ночь. За час до рассвета.

Наталья чуть не плакала. Она считала, что эксперимент сорвался по хитроумной задумке израильских спецслужб, которые провели русских, как лохов, дав на всё разрешение, выудив идеи контакта пространственных и резонансных плоскостей, а в самом конце устроили этот бедлам с бедуинами, разрушив возможность обладания хоть какими-то артефактами выхода из других миров живых существ. Но, конечно, всё было не так. Совсем не так.

Даже рядовые бойцы подразделения 7707, ещё на стадии «упаковки» задержанных по группам и по автобусам (если быть точнее – даже на стадии выхода Баппера из нокаута), обратили внимание, что перед ними не бедуин. И Паоло Акрис со своими кожаными штанами ковбоя тоже на бедуина не был похож, как и его карабин Mannlicher Classic не был похож на бедуинские Лизл Коммандо и АК-47. Уже и нас и Якоба спрашивали – это не ваши люди? Уже, похоже, спросили и горластых вождей бедуинов – это не ваши люди? «Нет, нет...» – только и могли мы разобрать среди общего гвалта, где «нет, то есть NO! No. No...» звучало, как заклинание, десятки, а может, и сотни раз. Но это мы вспомним потом, а сейчас у меня отбирают карабин, слава Богу, не мешают подойти к Якобу, которому я объясняю, передёргивая воображаемый затвор, что у меня отняли оружие...

Следующие двое суток наше стояние было бессмысленным. Мы сворачивали пожитки, где-то на Синае и на Голанских высотах сворачивали пожитки и другие наши группы. Сурненко звонил уже по обычному сотовому телефону по пять раз на день, но это были уже технические, организационные переговоры о выезде. Мы ещё не знали о сенсации, хотя лично у меня в душе шевелилось какое-то внятное чувство уз-

наваемого состояния прорыва в делах. Оно, как наваждение, стучало эхом где-то в душе, но природу его я не понял, как не поняли мы вместе с Натальей Радостевой ещё одного момента... Сидели у костра в последний вечер (почему-то не пришёл автобус из Эйлата, задержался аж до 23 часов вечера), смотрели на пламя, на огоньки костра, на чисто убранную площадку. Молча грустили даже по звукам этого шелестящего от лёгкого ветерка песка, стеблей травы, превратившихся в мёртвые белые ленточки, что катились вместе с песком по вытоптанным площадкам у копей, и тоненькие рулончики сухих листьев, сорванные ветром и долетевшие сюда... Откуда? И тут мы с Радостевой переглянулись. Мы поймали несколько этих листочков... Это были листья ивы. Простой ивы. В пустыне Негев на плато Тимна? Бред какой-то... Но мы их складывали сейчас в баночку так бережно и так отчаянно боясь, что они покрошатся от ветра в неузнаваемую смесь... Это были не листики – это было письмо Бога, которое мы успели только увидеть в надорванном сгорающем конверте пустыни. Но прочитать его нам будет суждено не скоро...

2013 год. Изоляция

Виктора Рубинова, генерала в отставке, того самого «бывшего полковника», который когда-то в начале 90-х приглашал Георгия Бекетова на треннинг Программы Прогнозирования – кавалера четырёх орденов повалили на асфальт, как сявку, как дешёвого наркодилера, как шпану люберецкую, причём не самого высокого пошиба. С психу у Виктора Викторовича даже прыгнуло давление, и полопались сосуды в левом глазу. Извозженный в грязи, с галстуком под мышкой, но чётко понимая, что забирают его свои – из конторы, которой он сам служил, и в которой могут быть свои «тысяча и ещё одна причина» устраивать эту комедию с арестом на улице, в таком варианте – когда наблюдают «нужные конторе» люди. Всё это он понимал.

Из «скорой помощи» выскочили трое в чёрных жилетах с надписями на спинах «ФСБ», один из них излишне громко рявкнул: «Вы арестованы. Это ФСБ...». Шарахнули мордой об асфальт и напомнили, что шеи сворачиваются даже у специалистов СВР.

В Лефортово Рубинов шёл по известным ему коридорам. Приходилось здесь бывать по долгу службы после сумгаитских событий и после взятия Сухума; разговаривать здесь с «представителем» Мхедриони полуполитика – вора в законе Иоселиани. Теперь вот вели его самого.

Белая-белая комната с окошечком «для кошечки», за которым можно было увидеть только серую стену и верхние 2 этажа многоэтажки в 700 метрах от здания тюрьмы. Белая-белая... Рубинов понял, что сейчас принесут чай или кофе. Это было бы знаком, что его забирали ТАК, потому что «так надо»...

Принесли кофе.

Только сделал глоток. Лязгнула дверь (здесь двойные – внешняя лязгнула, там звуки ещё слышны, но за внутренней тишина была гробовая), отворилась внутренняя. Ввели Сурненко. Без фингалов, без ссадин, но тоже помятого, в наручниках. Сурненко, кажется, был встревожен гораздо больше.

– Кофе будешь? – дурашливо спросил Виктор Викторович. – Впрочем, подождёшь... Счас и тебе принесут.

...Сосуды полопались ещё больше. Гипертонический криз наступил сразу. Рубинову ставили капельницу, а Сурненко ворчал: «Не уверен, что это шоу, но если шоу, тогда всё ещё глупее... Вы вообще, без шоу можете?» Рубинов сверкал залитым кровью глазом. Он уже двумя фразами дал понять Вадиму, что арест, судя по всему, это что-то внешнее, для кого-то... Реально это другое.

Через полтора часа пришли два человека в штатском, которые явно вели третьего. На лицах всех троих было написано: «Харе Рама Кришна. Аум. Ничего не знаю». С такой блокировкой мозгов ходят только на расстрел. Третий был тоже в не совсем свежем пиджаке. Падал что ли? Или падать надо было...

– Знакомьтесь. Вы друг друга искали, – сказал человек в штатском. – Вызов вот здесь, если что... А мы через минут сорок подойдём, – он показал белую кнопочку у косяка двери.

«Штатские» ушли.

Куликов попросил решения присесть на топчан в ногах у Рубинова. Молчаливый доктор (это была женщина, заходящая в камеру в сопровождении голубоглазого рослого прапорщика) тихо отошла в сторонку, смотрела на капельницу. Её с собой штатские не забрали. Что само по себе уже было доверием к мужчинам, оставшимся под замком в белой камере с доктором-женщиной.

– Я так понимаю, что спешка какая-то происходит. Или что-то из ряда вон, – заполнял тишину своими размышлениями Куликов. Но ни Сурненко, ни Рубинов не знали сами, но пауза дана была, словно для того, чтобы Сурненко с Куликовым поздоровались и «догадались», что, видимо, по их общей теме, той теме, где они пересекались в Егорьевске, захватывая группу «нано-экспериментаторов». Сурненко же и Рубинов были знакомы по делу о Клубе Колумбов Времени. Пазлы складывались, как «сложили» здесь в камере их – полковников и генералов, «не по профилю». Рубинову в своё время потрепали нервы выяснениями даже не истории знакомства с Бекетовым. Когда к нему домой пришли два человека, представившиеся офицерами Федеральной Службы Безопасности (как оказалось – они таковыми и были). Но не просто «служба в службе», то есть те, кто занимался внутренней безопасностью ФСБ, заинтересовались инициативной линией – кто вообще занимался подбором кадров и для тренингов, и для «заглядывания в будущее», и в поисках Небесной «крыши»? Служба видела в этих поисках раскол власти как таковой и угрозу безопасности страны. А как относится к тому, что кто-то кроме ВЛияния ВЛасти государства подразумевает ВЛияние и ВЛасть извне? Два полковника и генерал, собранные в белой комнате не без основания полагали, что «сложили» их тут, потому что опять куда-то в запретную территорию залезли их поиски.

Офицеры, конечно, понимали, что тема их ждёт только одна. Но вот выходов после «темы» здесь может быть несколько. Или не быть совсем. Потому разговаривали друг с другом хоть и дружелюбно, но по совсем поверхностным вопросам. Типа – «когда в следующий раз принесут кофе, попросим круассаны...».

Принесли не просто кофе... Принесли стол, кресла, видеоплеер, чемоданчики, какие бывают у лаборантов или у специалистов, работающих с урановыми компонентами (в нём, впрочем, оказались диски и кассеты), на занюханном подносе, резко контрастирующем и с белой комнатой и со всем остальным – блестящим, технологичным и строгим – на этом «сельповском» подносе принесли и вправду кофе, чайнички с индивидуальным набором чая и печенье с сахаром. Да – стояли ещё две бутылочки нар-

зана в стеклянной таре. Стеклянную тару про себя со вздохом облегчения отметили, конечно, все трое. Это было доверие. Было понятно, что никуда их не поведут и не поведут по одному, а разговор будет здесь и в обстановке, когда стекло в руках рукопашников не страшно. Видимо, в Белой комнате был ещё какой-то секрет, который делал её особым местом для полудопроса-полубеседы.

Стульев и кресел принесли... девять! «Что это за Орден Девяти Мечей?» – хмыкнул про себя Сурненко. Рубинов предположил даже, что «плюс» для протокола пару человек – секретари какие-нибудь: «Да тут дышать будет нечем через полчаса...».

Пришли пятеро: два седовласых человека в серьёзном возрасте – что-то типа, «за восемьдесят», Вероника Томасовна Кайндли и, как представился сам генерал – Константин Владимирович. Фамилия его не звучала, но и Рубинов, и Сурненко его вспомнили – это был генерал-лейтенат МВД Красноверов, попавший без малого двадцать лет назад в неприятную ситуацию, когда обнародовал в телепередаче «Третий глаз» информацию об исчезновении людей прямо с Невского проспекта в Ленинграде и в г. Сокол Вологодской области. Тогда, поговаривали, Красноверов быстро оказался на пенсии. Похоже, что пенсия тоже была «искусственной». Пятый... Пятый вошедший был совершенно неизвестный человек. Было сразу понятно, что человек этот военный или с богатым служебным опытом, впечатление он производил этакого «гуру даже для гуру». Была в его словах и жестах глубокая и тонкая интонация, обозначающая «больше, чем знаю, вы вряд ли скажете». Речь высокого уровня конкретики и бесстрастности выдавала МОЗГ, который называют «Национальное Достояние».

– Здравствуйте, товарищи, – сказал он уж как-то совсем по-наркомовски. – Встречаемся мы с вами здесь, – он обвёл глазами комнату, – потому что тут есть кое-что способное максимально нас скрыть... Я думаю, что вы догадались, учитывая тему и темы, которыми вам приходилось заниматься.

Слово «проходиЛОСЬ» было именно с этим ударением на последнем слоге, причём с ударением таким, как будто само слово объявляло: в этой теме вам больше делать нечего, сейчас будет пояснение.

– Меня зовут Арно Михайлович Эрке. Если вы сильно обижены на форму приглашения, то прямо сейчас имеете право вызвать адвоката, – и он улыбнулся, приглашая офицеров с пониманием отнестись к тому, что формальности должны быть соблюдены.

Дальше Арно Михайлович попросил выслушать напоминание, без которого не было бы смысла «вас тут так собирать». Напоминание выглядело почти как обзорная лекция.

– Конфликт реальностей. В знании себя и мира мы есть плотность логических, чувственных, ассоциативных и прочих связей. Биологических почти не считается, потому что это НОЛЬ без осмысления. Значит, мы информационно-энергетическую часть считаем основной и почти единственной в осмыслении реальности как в себе, так и во вне. Почему? Потому что реальность – категория ума, более того – категория восприятия «прибором ума и чувств», а всё, что вне восприятия – это даже с приборами, сделанными человеком (например, ультраволновые или инфракрасные приёмники) – это уже НЕ НАША реальность. Что же говорить о составляющих, которые вне наших возможностей создать сверхприёмники? Ведь там нам не хватит цивилизационного времени развития, чтоб сформировать сеть логических взаимосвязей понимания...

Между точками осмысления – линии. Совокупность этих линий в области личного или коллективного знания и есть плотность, создающая картинку. Теперь представим себе, что линии логических связей другие. Это легко. Это и называется «другой реальностью» или «иллюзией». *«Другая реальность» или «иллюзия» отличаются от «основной реальности» только одним и главным – меньшей жизнеспособностью. Но совсем не значит, что их нет.*

В большинстве случаев основные реальности пересекаются с другими реальностями (сна, идеализации, депрессивных состояний или идеологических установок и прочая, прочая), при этом основные реальности не страдают, пока критическая масса другой реальности не набирает такой объём, который ведёт к конфликту реальностей. В политике это войны (конфликт представлений государств и народов о справедливости и правильности состояний мира), в быту – это скандалы и драки (конфликт разницы представлений о развитии бытовой ситуации), в гиперреальности – в понимании себя в мироздании – это война ИДЕОСФЕР, представлений о мире невидимом, но таком, который имеет непосредственное отношение к жизни миллионов индивидумов, к их ежедневному осмыслению реальности себя и причинно-следственных цепей удач-неудач, здоровья-нездоровья, успеха-неуспеха и т.п.

Вторжение факторов мира невидимого в условиях развития информационного общества, когда сложились не только новые уровни информобмена (читай – линий в осмыслении реальности и себя в новых реальностях, в т.ч. и интернета), но и динамика энергосближений и конфликта реальностей вышла на новый количественный уровень, факторы невидимые стали фактором в т.ч. и гиперконфликта реальностей.

Расширение представлений, в том числе духовного, астрономического, синтезированного в массах людей и обрабатываемого на совершенно иных скоростях – всё это рождает новый вызов нашей «старой реальности» к реальности более глобальной. И не совсем ещё внятны границы сред – реальности старых масштабов и реальности гипер.

Пограничные фигуры. Что происходит и происходило, когда народы расселялись и сталкивались с другими народами? Появлялись и вопросы – а эта территория чья? Ведь громадная часть пространств лишь изредка посещалась отдельным представителем одного племени и таким же редким представителем другого племени? Они, порою, только по следам догадывались, что здесь был кто-то ещё разумный...

Но вот увеличивается плотность населения (увеличивается объём носителей информации), увеличивается мобильность и расселение – наступает момент, когда уже не одиночки, а группы, потом толпы ходят по нейтральной, ещё недавно таинственной и опасной для большинства территории.

...Тут Арно Эрке задумался, а потом перешёл на другую тему. Сделал, так сказать, вставочку: «Помните, как заселялась Сибирь? Или Америка? Территории метились на животном уровне. Не было ни карт, ни меток, ни договоров, ни даже понимания – это материк или остров... Колумб пристал к острову, думая, что это Индия. А это был и не материк, и не Индия... И ещё сто с лишним лет тысячи людей пытались разобраться с контуром только береговой линии. А русские казаки на Саянах и в Приамурье...Тут киргизы? Нет киргизов. А что за племя? А оно само не знает ЧТО... Ойроты, тафалары... Нет. И на землю не претендуют. Тут Дух. Тут Алатырь хозяин. Тут вообще серый медведь и белая крыса... И не ступи там, где плачут олени... Поэзия, а не система координат! Что за воздух и вода. Почему до Байкала белку есть нельзя, а за Байкалом её

едят? Почему папоротник слаще мёда бывает и уж полезнее огурца? А внешне, а по форме – всё вроде бы то же – земное! С разрывом реальности, товарищи, происходит примерно то же самое... Церковь и Государство собрали много информации, которая своим удельным весом уже просто давит – есть она Индия, за океаном реальности, на пути в прямопротивоположную сторону от знакомых путей науки и бытового сознания. Выросли и колумбы... С пиратскими замашками, но, видимо, это объективные издержки неизведанных путей. О пиратах мы чуть позже поговорим. Но сейчас я хотел бы представить вам... э-эээ... Дерсу Узала этого неизведанного пространства. Знакомьтесь – Вероника Кайндли...».

Вероника еле заметно кивнула, взглянув исподлобья на собравшихся. Потянулась за круассанами, попросила плеснуть ей кофе ещё... Кофе из чайника подлил ей Красноверов, смешно морща свой нос, пористый и асимметричный из-за подкожных шишечек.

– Мы тут с некоторыми знакомы... Вадим Виленович, слава Богу, даже встречал меня один раз. Провожал несколько... – Кайндли была кокетлива и неисправима в своём кокетстве. Это не мешало ей понимать серьёзность разговора, она не перебарщивала с «лучами из глаз».

– Два слова ещё... – Арно Михайлович встрепенулся. Он забыл обозначить смысл и причину, отчего собирали уважаемых людей ТАК. – Простите, забыл сказать, есть фигуры в наших пенатах, есть фигуры в ненаших пенатах, которые достигли мастерства не просто ходить туда и обратно, а прикладывать уши и глаза прямо к границе реальности. Вам Вероника Томасовна объяснит, что это такое... Нам стало известно, что ИМ СТАЛО ИЗВЕСТНО о технологическом подходе к этим границам реальности вас и ваших групп. Мы решили сыграть в плохую, консервативную контору, службу-держиморду, которая вот так ликвидирует и справляется с теми, кто работает на перепостроение власти под другие Надмирные Силы.

Эта комната имеет экраны, которые стены между мирами делает, как в термосе – многослойными... Не видят и не слышат не только вас здесь, но и нас с кофе, креслами и подносами они увидели в лучшем случае в виде расплывчатых теней. В лучшем случае... Но скорее всего – просто как пятна. Однако уже в 80 метрах по коридору на выход вы пересекаете невидимую защиту.

Сурненко понимал, о чём говорит этот «пластмассовый человек» (так Вадим охарактеризовал флегматику Арно Эрке, когда тот только зашёл) – это было похоже на находку Кустысева в психушке Егорьевска. Когда резонанс фаз стиральных машин с накладкой на сырые потоки воздуха давал наоборот – утончение границы между мирами. «Здесь, видимо, было как раз устройство смешанных резонансов и антифаз. Как? Да по большому счёту простенько – разнофазные минивентиляторы в параллельных цепях и то могут создать утолщение экрана реальности. Это так грубо, но всё-таки...». Но всё-таки «нюхать локтями» Вадим в разведке учился как раз в этой сфере – электроники, электромагнитных полей и резонансных эффектов. Это позволяло угадывать какие-то технические решения...

Кайндли свой рассказ повела почти не ссылаясь на документы, но по реакции Арно и по простоте рассказа было понятно – всё это проверено, указываемые ею явления – это «общее место», их уже никому даже доказывать не надо.

– Прошу прощения, я постараюсь не отвлекаться в своём рассказе на свои физические ощущения, их все изучали, изучают... Помочь вот только никто мне не может,

чтоб избавиться от этих моих параллельных жизней и жить, как обычный человек. Я уходить начала в подростковом возрасте, а видеть и слышать миры совсем ещё маленькой. В подростковом возрасте я не понимала, впрочем и сейчас мало понимаю механизм переключки, единственное, чему я научилась – «ездить прямо». Поясню. Почти двадцать лет этой... кхе жизни я, улетая, никогда не знала, где и в каком времени я окажусь. Я только с накоплением своих «улётов-поездок» стала разделять их на: 1) выход в параллель; 2) улёт в прошлое-будущее; 3) улёт в параллельные прошлое-будущее. Есть четвёртый тип – очень дальнего заезда. Это было всего два раза, и оба раза я тогда исчезала телом здесь. В других случаях тело остаётся, но его физические качества, как оказалось, – она взглянула на Арно, – сильно... Нет – чрезвычайно меняются. Впрочем, это не наша тема, и я обещала о физиологии не говорить, чтоб не смешивать разные проблемы.

Когда «я еду прямо» – буду это повторять – то есть просто вываливаюсь в параллельный мир, я почти всегда оказываюсь на улочке одноэтажных домов, где невысокие заборчики, – она показала по плечо, – где растёт большая белая акация у моего дома, но до своего дома я каждый раз должна пройти расстояние метров в двести. Там есть соседи, особено я дружу с двумя старичками-пенсионерами. Их дом рядом с моим. Зелёная калитка, крашеная давно уже, потому что отшелушивается от дождей краска. Сетка рабица в 2 пролётах от калитки, а дальше заборчик тоже. Но на нём краска ещё старше, чем на калитке. Домик у старичков беленький, с белыми-белыми выкрахмаленными занавесками... Это Уаррега Фуэл и Наус Варт Ирг – так уж, простите, зовут старичков – любители культуры энтов – они так называют нацию, дальними потомками которых является Уаррега. Я им рассказывала про австрийцев в нашем мире, про болгар, немцев... говорила, что у них похоже, что такой быть, занавесочки и прочее... так заведено было во времена пасторального мира между войнами. А уж гортензии и герань на окнах этих старичков были совсем наши. Но были и другие цветы – не дома, на клумбах в палисаднике.

...К слову, вот пыльца с этих неизвестных растений в своё время и были самым первым моим доказательством, что я ТАМ бывала...

Вероника опять взглянула на Арно.

– Ладно. Я бы так и ездила «на дачу» в параллельные миры, считала бы себя чокнутой – хотя, как вы понимаете – меня уже проверили. Я и без проверок находилась по психологам, психиатрам и знахарям. Все разводили руками – это что-то не из нашей сферы. Пока не произошло следующее – в том мире я столкнулась с силой ещё какого-то мира – надмирной силой... Конструкция вселенной и нашего сознания гораздо больше, чем «мы – не мы»... Мир корпускулярен мирами. Но есть мир границ между корпускулами, есть надкорпускульное пространство или сила, легко гуляющая между ними...

Выглядело это так. Я разбирала свои вещи в одной из комнат своего домика. Там – заметим – были и мои детские вещи, которые я там помнила, как вещи детства, но когда возвращалась оттуда, всегда помнила только факт другого мира, с частью фрагментов. Так, как мы помним сны. А само детство, детали – стирались напрочь. Находясь же там, я всегда делала усилие и говорила себе: «Это надо запомнить. Об этих связях деталей надо будет размышлять, когда вернусь...» Но что-то происходит во время перехода – блокируется 99% информации. Но и одного процента нам оказалось достаточно, чтоб потихоньку строить мост между мирами... ОДИН ПРОЦЕНТ – это КЛАД, это

чрезвычайно много. Миллионы людей помнят 0,000002– 0,000004 процента. Миллиарды не помнят ничего... Так вот, разбирала я вещи в маленьком домике, который был рядом с нашим домом – нашим, это дом, в котором я живу с собакой, похожей на лабрадора, зовут его Лемарий. А домик – это не летняя кухня в нашем понимании, а что-то типа второй отдельной комнаты. Не зимней это точно, зимой я там ни разу не была, но ранней ранней весной бывала, когда снега ещё полно. Позвольте уж – уточню детали. Я насчитала 6 живностей, которых помню из того мира 26 человек нашего посёлочка... Географически, как мне почему-то всегда кажется, он находится где-то между городом Касимовым и Муромом. Я даже помню отколотую платформу на станции, куда приходит поезд... Я каждый раз приезжаю на поезде и каждый раз Лемарий уже со мной. Только однажды я оказалась сразу на улице посёлка рядом с домом моих соседей-старичков... Итак, ещё раз – разбираю я, значит, вещи, полочку со склянками духов и приправ, а тут голос сзади – я оглянулась и обрадовалась серому человеку, будто всегда его знала. Он был сильно выше нас с вами. Ну на полторы головы, наверно. Он сказал, что мне надо срочно возвращаться в Москву, что мой муж срочно вызывается в командировку... Тогда был какой-то конфликт в моём сознании. «Какой муж?» – подумала я, и в тот же миг вспомнила мужа, находясь ещё там... Моего мужа... Извините, это был третий мой супруг, – она опять кокетливо улыбнулась, стрельнув лучиками из глаз на мужчин. Но во взгляде её было что-то ещё, она знала, что сейчас кое-кого удивит. – Моего мужа звали Александр Григорьевич... Фейхов Александр Григорьевич...

Рубинов еле заметно подался вперёд. Глаза его и без того выразительные из-за полопавшихся сосудов, теперь просто страдальчески вспыхнули... И он взмок. С ног до головы, как при тяжелейшей простуде.

Письмо иеромонаха Иоанна, Рудольфа Кика в миру
(Рим, Римини)

«Здравствуй, возлюбленный брат Георгий!

Молитвами Заступницы нашей Матери Божией здравствую и я. Ты спрашивал меня про церковные циклы. Рассуждения твои в целом верные, но дело ведь не в том, что происходит среди звёзд, а в том, как звёзды отражаются в нашем сердце. И отражаются ли? Твой любимый святой Григорий Палама говорил так: «Врачи не могут воскрешать мёртвых, а Бог может. Внешнее знание совершенно отлично от истинного и духовного знания, невозможно от [внешнего знания] научиться чему-либо верному о Боге. При этом между внешним и духовным знанием существует не только отличие, но и противоречие: «оно настроено враждебно по отношению к истинному и духовному знанию». Когда мудрость мира служит Божественной мудрости, они составляют единое древо, первая мудрость приносит листья, вторая плоды. Мудрость Божия начинается с блага за счёт чистоты жизни, а также с истинного ведения сущих, которое происходит не от научения, а от чистоты. «Если ты без чистоты, хоть бы и изучил от Адама до кончины мира всю природную философию, ты будешь глупцом, а то и хуже, а не мудрецом». Пятьсот тридцать два года назад, то есть один Великий Индиктион назад, тогда, когда этот же глас, эту же стихиру, этот же порядок службы во всём точно так же читали в церквях, с каким состоянием сердец был МИР наш? Разве та же была чистота сердец? Или мы с тобой знаем, сколько ис-

тинных было «во Имя Мое»? Не знаем. Поэтому буквальных вещей быть не может. Ты написал слово «тренд». Его не знаю, но, кажется, догадался о его значении – это та же «тенденция», как я понял из контекста. Но, во-первых, это явно термин линейный – что-то из экономики небось, или из физики. А линейный – значит, заужающий объёмное видение. Оно тебе надо? Тренд, таким образом, один – всё дальше от чистоты и точности. Но не хочу я, Георгий, быть занудой, повторяющим общеизвестные мысли о том, что мир катится в тар-тарары. Возможно, и не катится. Правильнее сказать, что большинство людей укатываются... а что такое мир? Малое стадо – есть соль. Оно и есть мир. Бывали времена, когда малого стада было ещё меньше. Малое, оно везде: и среди мусульман их, на самом деле, горстка, и среди иудеев, а среди нас, христиан, так и вовсе – щепотка... Перец ярче соли, и запаха в нём больше, и острее он чувствуется и дороже продаётся. Но соль спасает мир, а не перец. В русской традиции гостей встречали хлебом-солью. Хлеб – это Земля, соль – это СОЛнце, венчающее Землю. А Христос добавил вина-крови причастия, как преобразующего, бродящего в этом мире, не оставляющего его статичным... Ты соль или перец? Не запутайся вконец. На границе миров стоять нельзя. Либо горнее, либо дольнее, либо горячий, либо холодный... Евангелие об этом прямо говорит. Опытные старцы-экзорцисты и то «заболевают» болезнями своих духовных чад. Психиатры, сам знаешь, становятся похожими на своих больных. Работает закон подобия, как и закон отражения, закон усиления, совокупный эффект в физике называется синергетикой – это формирование центра силы, то самое «где двое, трое во имя Мое, там и я среди них»... А если в не Его имя? Тогда кому служишь? Православная синергетика – это с Богом».

После резонанса в Тимна

Доклад Ситуационного центра Министерства обороны Российской Федерации по мнению Арно, наверное, должен был удивить Бекетова, но Бекетов ещё не знал доклада. Они сидели в уютном зале караоке на Варшавском шоссе в малоприметном ресторанчике «Довбуш», интерьер которого был в зелёных тонах спокойного уголка деревенских Карпат. Здесь пахло сырниками, сочным борщом и хрустящей выпечкой с какими-то терпкими несладкими добавками.

– Хрусталик в глазу – самая мёртвая часть. Ситуационный центр – это, как хрусталик. Как я понимаю – хрусталик, фиксирующий всеми возможными средствами реалии этого мира. А не этого? – философствовал Бекетов. – Я понимаю, что от него зависит точность... От чистоты и от правильной оценки себя и Света. Вещество хрусталика в глазу, образованное белком кристаллином, совершенно прозрачно и так же, как другие компоненты светопреломляющего аппарата, лишено сосудов и нервов – во всяком случае, так о нём говорит Большая Советская энциклопедия... – пытался донести свои тревоги Бекетов. Смысл его тирады был в том, что максимально объективен к восприятию реальности хрусталик глаза, но он лишён чувств и лишён памяти, а значит, при самой великой точности – он самый большой врун, – Ваш Центр – это хрусталик. А нервы и сосуды начинаются там, где есть шкала нервов и сосудов, если уж совсем точно – там где есть конфликт нервов и сосудов в одном человеке... А эмпатические механизмы? А факторы космогонического характера? Принимающий решение,

как их будет классифицировать за несколько секунд или минут? А решения, как я понимаю, смертельны... Может быть, для половины цивилизации... И вот тут начнётся... простите... может начаться вся мировая трагедия. С Богом или без Бога принимаются ваши решения? Принимайте это в идеографическом, в актуализированном как понятие смысле или в буквальном – личностном. И то и другое – правда. В долине Тимна в одной реальности мы столкнулись с памятью мира, фоном шло посещение наших временных плоскостей людей из других плоскостей. И при этом существовал конфликт – как между нами, так и между Силами и нами.

Этот «птичий язык» ввёл в ступор молодого гардеробщика «Довбуша» с висячими казацкими усами. Он, кажется, где-то про себя, заступорившись на знакомых подслушанных словах, нашёл ответ «Сербы? Чи шо? Да лях их знаэ...»...

В «Довбуше» встреча отнюдь не простая – там уже сидели и ждали Арно и Бекетова несколько заинтересованных лиц – профессор Шакоцкий, отставной полковник Сурненко, Вероника Кайндли и два специалиста израильских спецслужб. Вполне возможно, что к спецслужбам они имели отношение лишь опосредованное, но без спецслужб они здесь появиться просто не могли. Кстати, им тоже, как и Бекетову, показали «святая святых» – Ситуационный центр Министерства обороны России. И Арно отметил про себя, что удивление спецов было вежливым и немного сыгранным. Не было, на хрен, никакого удивления. Всё они себе прекрасно представляли и до экскурсии, и, похоже, знали даже немного больше. Встреча в «Довбуше» и была об этом – о том самом «Немного Больше»...

Арно, как специалист в каббалистике, понимал, что категория «Силы», о которой говорил Бекетов – это категория вполне одушевлённая и имеющая образ сегодняшних ангелов или демонов в трактовке традиционной иконографии. Ангелы, но не они. Демоны, но как бы и это не подходит. В исламе назвали бы, возможно, джинами. Так дом на Фрунзенской набережной можно теоретически назвать «теремом», но для точности он был не терем... Терем – это сочетание построек-достроек (иногда от трёх-четырёх поколений его жителей), слепленных с разных сторон, как конструктор лего. Здание же Министерства обороны было стройной конструкцией. Так же и образ Силы совсем не означал нечто внятное, как терем или постмодерновая многоэтажка, но означал Личностную Конструкцию с безотносительной к человеку нравственной шкалой. То самое, о чём когда-то Иосиф Виссарионович Сталин сказал маршалу Рыбалко во время его доклада о замеченных НЛО над Курской битвой: «Они и добрыми не бывают...» (на утверждение, что «враждебных действий со стороны НЛО нет»). И этот конфликт – нравственной шкалы внутри человека и безличностной и Нешкалы вне человека – он никуда не делся. И он, как вечная битва Добра и Зла.

Израильские спецы приехали, конечно, в Министерство обороны, но всё ж с новостями, имеющими к обороне весьма отдалённое отношение. Они привезли новость расследования – кто же был задержан в долине Тимна тогда – в ночь, когда племя бедуинов сорвало эксперимент по наблюдению за эффектами резонанса в атмосферных и магнитных плоскостях земли. Почему их доклад решили заслушать здесь – в обычном ресторане на обычной улице, а не в магнитозвукоизоляционных «шкафах» оборонного ведомства – это было понятно только Арно, который после представления Бекетова израильтянам, и израильтян – Бекетову сказал довольно своеобразный тост, подняв бокал с тыквенным соком:

– Дорогие коллеги! Очень дорогие... – он усмехнулся. – Вы уж простите великодушно – возможно, мы совсем не коллеги, но я не знаю как обратиться... И миссия, и дела наши как будто настолько вне обычных критериев «свой-чужой», «оборона– скрытия-открытие»... Бог знает. Я вот подумал – нас невозможно арестовать, нам невозможно предъявить какие-либо обвинения по разглашению государственной тайны или порче государственного имущества... Мы не создаём угрозу жизни людей – более того, мы спасаем (скажем скромнее – уже можем спасти) тысячи и тысячи. Хотя никто из нас, как и из вас, не знает продолжения цепочки причинно-следственных событий, в конце которых, возможно, есть и смерть людей... – Арно Михайлович Эрке совсем уж, как заурядный менеджер на корпоративе, расслабил галстук. – Мы говорим здесь свободно уже хотя бы потому, что обсуждать будем нескрываемое из области метафизики и мегафизики... Я лучше сразу раздам Доклад, читайте его в свободное время, а сейчас попрошу наших израильских коллег рассказать о странных задержанных в том нашем эксперименте...

...Картина открывалась фантастическая, но не новая. Это уже в мире случалось, но зафиксировали столь внятно впервые... Но всё-таки по порядку.

Израильтяне рассказали о том, что среди задержанных бедуинов оказались двое странных людей, один из которых, к сожалению, очень быстро после задержания умер. «Мы не можем даже винить солдата, ударившего его два раза, – сокрушённо говорил израильский специалист. – У человека был преклонный возраст и, как мы выяснили потом, изрядно потрёпанное здоровье. Итак – два человека из задержанных оказались людьми – он многозначительно выдержал паузу, – с другого континента... Да, кхе-кхе... С другого континента. Одномоментно проявившиеся на территории парка Тимна... Да, мы знаем, мы благодарны коллегам из вашего Клуба Колумбов и специалистам Исландского института парапсихологии, которые поделились информацией поимённо о тех рыбаках, которые пропали на Лиссабонской банке и проявились у западного побережья Австралии через несколько секунд или минут. Хронологию точнее, чем с погрешностью в 10-12 минут, уточнить не удалось. Оставим в стороне все домыслы об одномоментности...».

...Их было двое – американец Уильям Баппер, умерший от разрыва сосудов в мозгу после удара израильского спецназовца и мексиканский крестьянин, можно сказать – бродяжка, живущий, правда, скорее по-крестьянски, у дороги, довольно аскетично и не за счёт попрошайничества – Паоло Акрис. Разобраться с ними удалось довольно быстро. Быстро выяснили, на каком языке говорит Акрис, у него уже в ту же ночь быстро выяснили – кто убитый белолицый человек, а дальше было дело техники... Без проблем специалисты в тот же день вылетели в Мексику... (В это время мы с Натальей, профессором Коунти, Мишелем и Сашкой-анархистами ещё только собирали вещи в Тимна...) Запрос в ветеранские организации США был, конечно, не по почте – буквально – сорок минут ребята из Института Мозга сидели на телефонах, как говорится – «звякали своим». Электронная база данных выбросила почти всё о Баппере уже через 3 минуты. Всё, кроме эпизода в психушке в самой Мексике, но это было уже не принципиально. «White Centurium» выделил двух своих ветеранов для вывоза Баппера в США, но тут получилась заминка – на Баппере теперь изучали всё – от пыльцы на сапогах и нескольких шерстинок белого козлёнка до содержимого желудка с грязью под ногтями. В креационной камере заморозки ему было всё равно, а специалистам нескольких государств приходилось подписывать

по несколько бумаг о неразглашении и менять электронные пропуска на новые – с дополнительным кодом доступа к некоторым компьютерам. С Паоло Акрисом творили то же самое, но с живым, а потому – плюс анализы. Но с ним было проще. Это был клад... Это была фигура сенсации, которую мир, возможно, не знал со времён Колумба... Короче, два дедушки из «White Centurium» были отправлены на неделю в Хилтон-отель в Эйлат, поскольку никто выдавать Баппера правительству Мексики не собирался, а правительство США само лишило своего солдата Вилли его «великого» гражданства...

– Открытием номер Два, а, возможно, и номер Один является «угадывание алгоритма времени и пространства аномалий». Его добились (или близко подошли) именно вы – Российский Клуб Колумбов и группа людей, работающая по его принципу. Если этот алгоритм знали древние – например, халдеи Междуречья – тогда сказки Востока совсем не сказки. И перемещение людей на коврах-самолётах, исчезновение и появление джинов, не говоря уж о фантомных полупроявлениях (не путать с миражами, хотя часть миражей, пожалуй, тоже из этой классификации) – всё это неизвестные свойства пространства и времени, резонирующих с пространством и временем субъективным, т.е. отражённым в человеке и имеющим в нём своё пространство и время. Общая теория Корпускулярности Вселенной имела мини-модель на Земле. И её начали практически подтверждать. Корпускулярностью, как моделью квантового копирования, делали попытку объяснить появление самостоятельных копий предметов и людей (и уже моделировать).

...Таким образом, нам становилось понятно, что опыт и сам факт появления в подмосковном Егорьевске Бекетова-Два при мёртвой копии Бекетова-Один тоже был в этой копилке. Это был далеко не один и далеко не самый уникальный случай. Самостоятельно и умно действующие фантомы личностей при фиксируемых спящих «оригиналах» – этого в наблюдениях тоже было уже достаточно. Чего стоят многотысячные случаи явления святых как фантомов при не теряющихся свойствах их же мощей, лежащих в разных географических точках планеты. К сожалению, Минздрав не вёл регистрацию и классификацию феноменов, происходящих в психиатрических больницах, и уж тем более не спешил делиться со всякого рода «колумбами» и «частными лицами из спецслужб»... А их – этих феноменов – там, в клиниках, разбросанных от Москвы до Камчатки, был просто кладезь... Про зарубежные деликатно и вовсе промолчим. По нашим сведениям, известный психиатр Станислав Гроф в экспедициях в Африку совсем расстался с традиционным пониманием псих и реала. Он замолчал и не проявляется в последнее время в науке совсем не случайно.

Гораздо сложнее было квалифицировать те явления, которые показывали Кайндли и Фейхов – люди, способные перемещаться в миры, т.е. не клонироваться сами, а находить клонированный мир с самостоятельными законами бытия. Впрочем, люди ли это были (в привычном понимании слова)? Этот вопрос как-то подозрительно оставался за кадром и не расшифровывался в уже втором публичном монологе в присутствии самой Кайндли. Мелькнувшего в долине Тимна Фейхова, похоже, засёк не только Бекетов, но и служба анализа регистрационных фиксаций. А было всё просто – пошагово, с расстановкой фигур, реконструировали появление бедуинов и группы 7707 и выяснилось несовпадение численности ровно на фигуру в джипе. Ту самую, которую видел Бекетов. Регистраторы показывали в джипе одного человека, а «реставраторы» – двух. И «реставраторы» были совсем не «дети», если сумели восстановить в

3Д графике даже просветы и отблески костра на лицах. Бекетов видел лицо в свете и ровно в том ракурсе, в котором Фейхов на ту секунду мог появиться. Водитель джипа рядом с собой не видел никого, но четыре спецназовца, два бедуина и Якоб, с разных позиций видевшие джип, подтвердили слова Бекетова. В лицо же этого человека знал только Бекетов... Кайндли и Фейхов 7 лет и 7 месяцев были мужем и женой. Просто так? Совпало? Да ну... Но это уже интересовало теперь только действительно «особых ребят» с логикой «неэвклидовой». И, наверное, теперь уже и не с «логикой Лобачевского»...

...Нашлось в докладе Арно и шесть строчек о сухих листьях ивы, «совпадающих по молекулярным и клеточным свойствам с листьями ивы в районе села Шошка на Выми (Северодвинский водный бассейн), но в силу малого объёма артефакта и допуска, что сухие листья могли выпасть из вещей членов экспедиции Радостевой или Бекетова – делают механическую версию появления их в Тимна базовой. Однако предлагается включить территорию Выми и особенно участка Газъ-ю – Катыдпом в территорию возможных обратных резонансов (эхо глобального резонанса)». Как пояснял потом Арно – дескать, конечно, по совокупности находок и свидетельств Радостевой с её «выходами птиц», Сергея Куликова с его странным выходом куда-то, то ли в клонированный мир, то ли в недалёкое будущее, но тоже ведь там – в районе Газъ-ю, они посчитали необходимым зафиксировать местечко, как территорию повышенного внимания.

Письмо отцу Иоанну (Сыктывкар)

Здравствуй, отче, дорогой мой и почему-то в этом мире сиротски воспринимаемый... Я о тебе. Хотя ты, наверное, плачешь обо мне – ибо мы здесь сироты, на земле. Ищущие Отца, находящие и постоянно теряющие. Простой сирота теряет родителей один раз. Мы умудряемся терять Отца постоянно. Ты о чистоте пишешь, чтоб спастись, чтоб Отца не терять, но парадокс заключается в том, что чистота ума даёт знания и волю их применения. И тут умножается вопрос – применения в чём? Чтобы быть Сотворцом – мне так чуется. Или ты считаешь, что знания и воля даются для новой чистоты? А как же притча о талантах? Господь скажет: «Я в твою бестолковую башку стучался тысячами предложений, тысячами подсказок, а ты всё складывал в какую-то «аптечку на потом», которая скисла или сгнила, как те зарытые таланты в саду...». «Или дольнее, или горнее, на границах миров стоять долго нельзя, заболеваешь...» Это пишешь ты. Но разве можешь ты меня упрекнуть в теплохладности? Разве я искал и нашёл комфортную зону ума и чувств и живу в ней? Уж, по-моему, как-то не ко мне это... То рылом в пыли, то не жрамши – к звёздам. Всю жизнь. А что касается стояния между мирами... Тут как взглянуть, отче. Моисей сорок лет между мирами водил народ, чтобы он свой мир обрёл, себя обрёл. Сорок лет – это много или мало? Со времён наших экспериментов всего-то тридцать пять прошло. Мы, может, сами-то уже заканчиваемся как эксперимент... Нами ли он, кстати, придуман? Или нам это только кажется?

Кто научил Моисея считать и читать? На самом деле не известно. Что он был близок к жрецам и сам был жрецом Египта, ещё ни о чём не говорит. Как ни странно – это ни о чём не говорит. Ибо ты знаешь, что жрец имел не то образование, которое мы

привыкли считать за образование сегодня – с тем же умением считать и читать. Зато известно, что тесть его – моавитянин, отец Сепфоры откуда-то имел знания расчётов и управления... Откуда? А где ходят моавитяне? Где набрались гармонии расчётов набатийцы – племена, оставившие нам гармонию Петры, знание циклов и ритмов, как 12-ти, так и десятеричные системы расчётов – астрономических, геометрических и, как сказали бы сегодня, социальных... На шумеров не сошлёшься. Они уже исчезли к тому времени. А вот Южно-вавилонское царство, земля халдеев – так презрительно и высокомерно отбрасываемых за магию, колдовство, а заодно и за астрономию, астрологию, математику, металлургию и знание сплавов, знание циклов болезней скота (прям заподозришь в знании вирусологии) и движения рыб... Движение рыб – а знание движения и расступившегося Красного моря перед евреями, уходящими из Египта – это не из тех ли же самых знаний? Короче – вместе с их шарлатанством, которое расцвело на почве «тайных знаний», выплеснули в современной науке всё знание халдеев-жрецов. Или почти всё... В том числе и знание «коридоров через моря», знание резонансов (каким-то образом переданное потом пророку Мохаммеду), и прилепили некое презрительное «халдеи» целому явлению. Это «презренное явление» смогло породить системы банков и хедж-фондов, управляя миром без формальной власти, сделав эту зримую власть всего лишь диспетчерами.

Между прочим, волхвы, пришедшие поклониться младенцу-Христу, не из халдеев ли были? Или, во всяком случае, не из тех ли, кто подхватил всю эту «колумбистику времени«?

Отче, много работ церковных святителей тоже отвергнуто и спрятано. По разным причинам. Я понимаю. Но и ты ведь понимаешь – **сначала люди тысячу лет находят причины, а потом причины тысячу лет находят людей. И, наконец, тысячи людей причиняют находки... Итог – цивилизация опрокидывается.**

Причина (Бог) тысячу лет находил людей, потом люди тысячу лет искали Бога. И вот причиняется Находка, которая опрокидывает цивилизацию – Христос. Сейчас обратный процесс: тысячи и миллионы людей теряют Находку, чтобы объявить Причину, которая тысячу лет будет перемалывать людей и цивилизацию...

Впрочем, мы играем в старую студенческую софистическую (или схоластическую игру), в которой ответ по эту сторону бытия всё равно не известен. А там – ТАМ – награды царям и спрос с царей не такой, как с воинов, с лекарей не такой, как с землепашцев, и с поваров спрос будет не за поварское, возможно, вовсе... Ты прав. А прав ли я? В одном я прав точно, и это совсем не противоречит нашему христианству: МИР ОЧЕНЬ ВО МНОГОМ НЕ ТАКОЙ, КАКИМ ЕГО ПЫТАЮТСЯ ПРЕДСТАВЛЯТЬ ЛЮДИ и уж особенно – люди власти и люди науки, ищущие от него понятности и законченности. В мире полно непонятных «ничейных земель» и пограничных территорий. Так же, как и в природе самого Человека. И совсем не всё измеряется «светом-тьмой», «верхомнизом», «правильным-неправильным». Во всяком случае – совсем не всё, а очень немногое дано нам в право выносить вердикты.

Наши с тобой забавы молодости вынесли меня куда-то на пограничье. Я часто стою босиком на сердце и на неведомых территориях между «не может быть» и «не может быть, но ведь есть». Монахи разве не так же? Конечно, я пытаюсь всё с Богом... К сожалению, не всё Бог пытается со мной...»...

День пограничника

Май 2016 года. День пограничника. Сыктывкарский городской парк полон людей в зелёных фуражках. Дело идёт к вечеру, который в период «белых ночей» и на вечер-то не похож, но который всё более понятен по числу слегка трезвых... Где-то в Израиле, в двухстах километрах от долины Тимна, в цветущей Негрев, идут перестрелки между боевиками-палестинцами и израильскими солдатами. Наверно, Якоб также внимательно слушает песок и разговоры туристов, жарит свою любимую курицу и шепчет молитвы в ствол своего карабина...

...Полковник Сурненко, наверно, на даче. Купил он-таки себе дом в Тверской области, жена его сильно увлеклась оранжерейной флористикой, а он... купил телескоп и поставил на чердак. В небо смотрел несколько вечеров, а потом заскучал. Потому что небо стало смотреть в него с большим упрёком. Тогда Вадим пошёл по внутренним галактикам своей памяти. Сел за мемуары, но плюнул. Это у него получалось ещё хуже, чем смотреть на звёзды. Говорят, что немного больше, чем надо, он стал попивать коньяк. Пьяным его никто не видел, но бутылочка «Арарата» или «Ноя» у него стоит в буфете рядом с заварочным чайником...

...Наталья Радостева женила наконец своего сына, а из своей трёхкомнатной квартиры создала клуб-библиотеку, где постоянно тусились аспиранты, фантазёры из «Космопоиска» и заезжие командировочные. Сама Радостева едва ли и четыре месяца в году бывала на квартире. А в прошлом, 2015 году, после сильных пожаров в Амурской области, она собрала среди знакомых бизнесменов солидную сумму для помощи коллегам-орнитологам. Но японский журавль и чёрная цапля весной этого года так и не прилетели... Деньги тут не помогут.

...Самойлов на свадьбу сына не приехал. Он отсидел три из четырёх лет срока, на которые его приговорил федеральный суд, уехал куда-то на Кавказ, где, по его словам, ему предложили место в одном из бизнес-проектов федерального уровня. Во время единственной встречи с женой после освобождения в глаза смотрел просто и честно. «Я не виновен. Всё сложнее, Наташа... Думаю, что ты догадываешься...». Она посмотрела в его всё так же отвлечённо-фанатичные глаза и искренне кивнула – «догадываюсь». На том и расстались. Наверно, теперь уже навсегда.

...Вероника Кайндли работает в Москве, преподаёт английский в одном из техникумов. Говорят, что она через директора техникума, армянки по национальности, как-то очень сильно сдружилась с армянской диаспорой и зачастила на Севан, где уже третий год проводит часть своего отпуска. Где Севан, там и Эчмиадзин. Хоть и не рядом...

...Мы сидим с Виктором Викторовичем Рубиновым в сыктывкарском городском парке. Я, к сожалению, с палочкой. Боли в ногах не дают двигаться свободно. Застудил ещё в марте в командировке очередной, а потом сорвал в тренажёрном зале. Как написал мне отец Иоанн: «Знак тебе Божий – двигаешься не туда, куда надо. Вот Господь тебя и ограничил в движении. Тебе ж волю дай, так ты планету реальную и нереальную уже исколесил бы вдоль и поперёк. А счастье – оно не в пространстве. И даже не во времени... Будь счастлив, Георгий. Как – ты сам знаешь».

Солнце яркое-преяркое. Но с юга, со стороны города, на парк идут тучи. Они часто идут, но излучина и встречные потоки низового ветра их разгоняют тоже часто. Водораздел. Граница давлений.

Мы с Рубиновым гуляем по городу уже пятый час. Напились кофе до дури. Он пару стопочек и покрепче принял. В Сыктывкаре Виктор Викторович не был двадцать

шесть лет. «Как один день. Изменился город... А вся жизнь, Георгий, как один день. Голова не понимает – как это так можно ощущать – один день...». Напротив нас на скамеечку заваливается целая толпа парней лет двадцати пяти-тридцати. Некоторые в зелёных фуражках пограничников. Слышны обрывки фраз: «...на Октябрьском отряде тренировки были...», «...а мы в 201 бригаде на границу с Пакистаном запчасти к танкам возили...», «...да, брось ты, до прямых рукопашных никогда не доходило. Но тренировали...». Потом они рассказывают и показывают друг другу, как их тренировали. Пьют пиво. И уже, кажется, водку. Один здоровяк решил, видимо, что произвёл на «дедов» (то есть, на нас) впечатление. Смотрит с насмешкой в упор. Будто старается взглядом давить – «пересмотреть» это называется. Мы с Виктором Викторовичем улыбаемся. Он принимает это за усмешку.

– Что улыбаетесь, отцы? Это правда... Счас такие техники удара есть, что сразу насмерть! – он говорит с ярко выраженным коми акцентом.

– Да ну! – удивляется Рубинов. – А зачем? Здесь же врагов нету...

– Зато беспредельщиков полно. Так что приходится помнить... – он напряжённо и скованно, по-медвежьи, ворочает группой мышц, распахивает рубашку.

– Так ты и на пограничника и на судью одновременно учился что ли? – спрашиваю я.

О! Это было зря. «Завелись» уже три-четыре героя в зелёных фуражках. Они начинают рассказывать нам, что в пограничных войсках одним взглядом учат различать «своего-чужого», подозрительного и необычного. «Да ну!» – с еле уловимой иронией переспрашивает несколько раз отставной генерал разведки Рубинов. И распрашивает ведь: «А как?», «А почему вам, пограничникам, в толпе надо было различать?» Парни, как это и бывает по пьянке, пыжатся, переключаются вниманием на нас и что-то рассказывают, рассказывают. Но я замечаю, что двое почувствовали что-то.

...– А вы, по ходу, тоже пограничники что ли? – догадливые парни протягивают нам руки для рукопожатия. Ехидно улыбаются.

– Мы пограничники, Георгий? – ёрничает Виктор Викторович.

– Я в автомобильных войсках служил. Но на границе, в перемешку с погранцами...

– Нет. Мы ведь с тобой пограничники, – подмигивает Рубинов и приглаживает волосы. Его подмигивание замечают половина «зеленофуражечников». Но старый разведчик, видимо, так и задумывал. – Есть такие приёмы – сразу наповал... Если ты ко мне, например, наклонишься, – Рубинов хищно улыбается, глядя в глаза конопатому дылде. Но тот слишком туп, чтоб понять опасность. Он и в самом деле собирается наклониться к седому старику в светло-кофейном вельветовом костюме. Его пытаются задержать друзья. Они ещё по-прежнему слегка агрессивны, но всё-таки им неловко и за товарища, который выкаблучивается тут перед немолодыми дядьками, и потому, что конфликт проявляется на ровном месте, и потому что... всё-таки в Рубинове хищник мелькнул на мгновение, и этого мгновения для некоторых парней достаточно. Те, что потрезвее, о чём-то вполголоса перебрасываются между собой.

– У нас другая граница, ребята, – догадываюсь я, о каких «пограничниках» говорит Рубинов.

– Таможня, небось?..

– Ну, можно так сказать... – соглашаемся мы с Виктором Викторовичем.

...На могиле Пигаша один раз в год появляется громадная красная роза и гильза от

автомата «Калашникова». Могила всегда нечищенная. Железный памятник проржавел уже. Но розу кто-то кладёт, и гильза сверкает. Один раз в год...

...Доктор Полозов умер. Он совсем недолго прожил, вернувшись в реал. Врачи рассказывали, что дважды он приходил на работу в свою третью психиатрическую больницу. Заходил в прачечную и просил включить ряды стиральных машин. Для него их включали-выключали порою по несколько раз. И с заправленными в нагрузку машинами и пустые. Полозов ходил между ними, входил и выходил. Несколько раз чему-то тихо улыбался...

...Кустысев приезжал в деревню Кони. Его никто не узнал. И он никого не узнал. Ещё два года назад Сурненко говорил, что Кустысев работает вахтёром-пропускником в каком-то строительном НИИ на юго-западе Москвы...

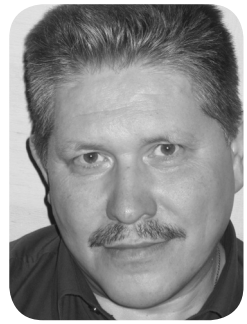
...Четырнадцать страниц из дневников Иртеньева и коллекция автографов знаменитых людей нашего и будущего времени сдана в Институт Мозга...

...Отца Иоанна, незабвенного Рудольфа Кика, которого четыре года назад отправили со Святого Афона с миссией в Рим, теперь перевели снова куда-то в Подмосковье. Жду от него вестей. Не в свою ли церквушечку недалеко от Сергиева Посада он вернулся? Но сомневаюсь – так не бывает. Видел во сне его – стоял он на берегу большой реки и разговаривал с кем-то на другом берегу. Разговаривал шёпотом сквозь грозные тучи, но собеседник его слышал. А я и не видел даже того человека на другом берегу – так далеко тот был...

Парень-пограничник протягивает нам руку знакомиться. Явно примирительно:

– Меня Саша зовут... Александр Фейхов... А вас?

На нейтральной пограничной полосе встречные потоки низового ветра разгоняют тучи. Водораздел. Граница давлений. Но есть приёмы – сразу наповал. Но мы это уже знаем. И это спасает. Некоторых. Иногда.



Евгений Карпов

Карпов Евгений Евгеньевич *родился в 1958 году в с. Яренск Архангельской области. С 1974 года жил в Сыктывкаре. Окончил среднюю школу №22 в Эжве. С 1976 по 1978 год служил в армии. Учился в Сыктывкарском государственном университете на историческом факультете. В 1986 году уехал жить в Ухту. Работал воспитателем в автошколе ДОСААФ, затем учителем истории в СШ №9 посёлка Седью. В настоящее время – корреспондент ухтинского еженедельника «НЭП». Печатался в газетах «Красное знамя», «Молодёжь Севера», литературных альманахах.*

Реченька-речушка

На берегу реки Вычегды

(Малой родине п. Яреньга и моим друзьям детства посвящается)

Сейчас бы на лодке уплыть в тишину,
Где ветер лишь только тревожит волну.
Где тени деревьев ласкает вода.
Где всё так привычно, где всё как тогда,
Когда живы мама, отец, старший брат.
Но реку уже не воротишь назад.
На кромке песчаной у тёмной воды
Размыты счастливого детства следы.
И всё же покажет зеркальная гладь,
О ком помолиться, кого вспоминать.
И сердце прошепчет: «Спасибо, река!»
И воду погладит устало рука.

Что же, жизнь, я тебя насилую?

Что же, жизнь, я тебя насилую?!
Поскорей пистолет к виску.
Разгоню-ка со страшной силою
Вековую дурь и тоску.

Ни любовь, ни Святая Троица
Не опустится до мелюзги.
Пусть уж лучше мой череп вскроется,
В стенку выплеснутся мозги.

Набираю решимость нужную,
Жму, зажмурившись, на курок.
Разорвал тишину натужную
Пистолета сухой щелчок.

И себе-то такой не нужен я –
Докатился до шантажа.
Эх, пластмассовое оружие,
Дрянь соломенная душа.

Ладонь

Человек закрыл лицо ладонью, –
Человеку больно, очень больно.
Но и сквозь неё сочится горе,
Каплями солёными, как море.

Он ладонь поднёс к глазам усталым,
И ему как будто легче стало.
И глаза теперь не режет солнце,
И не видно, кто над ним смеётся.

Кто страдает так же, как и он.
Человек устал, жизнь – тяжкий сон.
Поскорее в смерти бы очнуться! –
Мысль черна от жизни отвернуться.

Смерть, постой, не тронь его, не тронь!
Защити пропащего, ладонь!
У тебя же силы в пальцах есть
Совершить животворящий крест.

Нет ни капельки спиртного

Нет ни капельки спиртного,
Ни надежды на него.
Вот и встретились мы снова,
Как тобой заведено.

Я сижу, провинциально
Чай с вареньем пью и пью,
И совсем не специально
О погоде говорю.

Не пьянит вино и водка,
Поостыл любовный пыл.
Как во льду осеннем лодка
Я в сомнениях застыл.

Чайник стынет понемногу,
Часть стола разгорячив,
Собираюсь в путь-дорогу
Трезв и противоречив.

Провожаешь грустным взглядом,
Обречённым взмахом рук.
Целовать тебя не надо?
Ну как хочешь, милый друг...

Удивлюсь звучанью слова,
Мелодраме, как в кино.
Вот и расстаёмся снова –
Ничего не решено!

Ветреное

Тебя любит ветер.
Как лучший мужчина на свете,
Он волосы гладит, он платье цветастое треплет,
И всё норовит разглядеть твои стройные ноги...
Ты дверь приоткроешь и, вот, он уже на пороге,
И чтобы остаться, пытается в шторах окна затеряться.

Ты с ним прогуляться пойдёшь по проспекту прямому,
И он о тебе всем расскажет друзьям и знакомым.
Щенком шаловливым лизнёт тебя преданно в щёку.
Он знает, как трудно бывает, когда одиноко,
Когда истекают дождями последние сроки,
И капли все пишут на листьях прощальные строки.

– Как ветрено что-то, наверное, к смене погоды?
Что ж, лето уходит, согласно законам природы…
Уже опустели поля, небеса, огороды.
Душа сиротеет, и сердце в груди колобродит.
Не слышит, не слушает данного свыше совета:
«Опомнись, опомнись, ведь это всего только ветер!»

Осенняя ночь

Осенняя ночь... Её волчьи глаза
Внимательно, строго глядят за планетой.
И больше не будет дороги назад,
В такое уютное, доброе лето.

И что-то уже изменяется в нас,
И разум затмился, и нервы играют.
С природой почувствовав кровную связь,
Охотники пули в стволы загоняют.

А после, вернувшись из леса домой,
Они, сидя в центре семейного круга,
Расскажут, как ночью дохнуло зимой
И ночь напролёт выла зимняя вьюга.

Реченька-речушка

Мы для речки Ачим ничего не значим –
У её истоков не стояли мы,
Рядышком не жили, из неё не пили,
Мы, вообще, проездом здесь посреди зимы.

Здравствуй, речка Ачим! Может, порыбачим?
Мы к тебе с ночёвкой, принимай гостей.
Выставь угощенье всем на изумленье,
В хмурой, древней парме с нами веселей.

Но автобус мчится прямиком в столицу,
Там нас ждёт работа, важные дела.
И тоскует сердце по забавам детства.
Реченька-речушка, что ж ты утекла?...

Олег Уляшев

Уляшев Олег Иванович – *коми писатель, учёный-фольклорист, этнограф. Родился 21 июня 1964 г. в с. Вольдино Усть-Куломского района. В 1988 году закончил филологический факультет Сыктывкарского госуниверситета. Работает в Институте языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН. Публикуется в журналах «Арт», «Войвыв кодзув». Издал три поэтических сборника. На сцене фольклорного театра в 1990–1998 гг. ставились его пьесы. Написал 270 научных работ.*

ПИТОН и питон/мцы

Дни мелькают, сливаясь в недели и месяцы, месяцы собираются в года, года летят, плавно сворачиваясь в пятилетки и десятилетия, поэтому скажу главное, не ссылаясь на дни и даты. Воспоминания не делятся на эпизоды, как вода в реке не делится на капли. Они текут и текут сами по себе, увлекая за собой житейский мусор, осыпающийся с крутых берегов, песок с речных излучин, дохлых рыбёшек, жучков, не долетевших с берега на берег...

Несёт их потоком жизни, и в памяти моей моменты, связанные с этим сором, оживают, когда на что-то из этого падает мой близорукий взгляд. Моя память – это моя память, она хранит всё, что захватило бессознательным потоком, она несёт всё, что было когда-то ценным для меня, что когда-то доставляло мне радость или досаждало, что когда-то было моим живым сегодняшним днём. Это хорошо, что у меня нечёткое зрение. Оно не даёт мне видеть изъяны в мелочах прошлого. Для меня дохлая рыбёшка – это золотая рыбка моих мечтаний, пожухший ивовый листок – прощальная весточка от любви, оставшейся на берегу прошлого, песок, крутящийся в завихрениях придонного водоворотца, – оставленные мои надежды и невыполненные обязательства, дохлый жучок – труп забытой вражды.

Всё это моё. Всё это несёт потоком моей жизни. А за спиной остаются зарастать травой кострища, возле которых я ночевал, рушатся шалашики-времянки, в которых укрывался от непогоды, сереют лица людей, оставленных на берегу. Это моё. Моё прошлое. Мои кострища. Где-то вокруг одного из оставленных кострищ свернулся и ПИТОН, от которого я забрал в лодку пылающее смольё. На носу моей лодки «коза», в которой пылают смолистые чурбачки. Чурбачки в «козу» подкидываю всё новые и новые, но жар сохраняется от ПИТОНа, и в языках жёлтого огня, и в клубах чёрного дыма есть частицы от язычка питоновского пламени.

Не все питомцы ПИТОНа стали литераторами, не все сохранили страсть к писательству, но ни для кого не прошло это благословенное время бесследно. Время споров до хрипоты, время поддёвок и подколов, время серьёзнейших критических разборов каждой написанной строки. Оттуда моя критичность к тексту, оттуда моё самоедство к собственным трудам, оттуда понимание того, что такое творческий процесс.

Был я, пожалуй, среди питоновцев самым юным. Отнёс, как мне тогда казалось, свои литературные шедевры. Я их сохранил. Хотя множество более поздних и более качественных вещей потом порвал и сжёг. Первые опусы, разобранные на ПИТОНе по косточкам, разжёванные и выплюнутые ПИТОНом, дают мне представление о начале. О начале меня, как литературного критика, как писателя, как творца. Чтобы не забывал «из какого мусора рождаются эти стихи». Чтобы писать по-иному. Чтобы знать, что по поводу очередной моей пьесы, стиха или рассказа саркастически сказал бы Ваня Медведев, иронично – Гриша Спичак, менторски – Андрей Канев, рассудительно – Женя Карпов, запальчиво Паша Лимеров, задумчиво Женя Козлов, ехидно Юра Бордюг из того времени... Ибо ПИТОН – не был литобъединением. ПИТОН – был мерилом и эталоном.

Я и теперь меряю себя в ПИТОНах.

Объединение было свободным. У нас не было литературного гуру. Не было официоза. Были только мы и Её Величество Литература. Конечно, существовал и определённый порядок. Начиналось каждое собрание буднично. Пропуск был один, состоявший из двух обязательных условий: 1. Обязательно принести с собой: а) новую художественную вещь, неважно, какого размера (роман, пьесу, рассказ, стихотворение, повесть); б) бутылку чего-нибудь, неважно чего (по финансовым возможностям). Затем начиналась разминка. Чаще всего в форме буриме и затем написания литературного произведения любого жанра на заданную тему или заданный образ.

Затем переходили к читке и обсуждению принесённых с собой произведений. Доставалось всем. Дискуссии были серьёзными. Со ссылками на классику, с фехтованием терминами, жонглированием фамилиями и цитатами. Питоновцы, в основном, были теоретически подкованными и начитанными. Пришлось и мне подтягиваться. Изучать теорию литературы дополнительно к вузовскому курсу, читать то, что другие успели начитать за дополнительных своих пять-шесть лет, а именно настолько некоторые были старше меня. Кое-кто уже тогда печатался в республиканских журналах и газетах. Женя Козлов, Женя Карпов среди нас считались практически готовыми поэтами. Где-то в околопоэтических кругах вращался Андрей Канев, которого за это и за рост в шутку называли «двойным метром». В районках что-то начинал публиковать и Гриша Спичак.

Я мерял себя по ним. Мерял себя в одном ПИТОНе.

Впрочем, наслаждался славным обществом питонцев я недолго, не более года, поскольку пришёл позже всех. Через пару лет своего существования ПИТОН закономерно: был задушен бюрократическим удавом. О нём узнали в деканате филфака. Удивились: это что ещё за такой «Притон»? Что за сборище известных не столько литературными талантами, сколько разгульным образом жизни, студентов? Непорядок! От деканата назначили куратором ПИТОНа преподавателя Г-ву. Наверно, хорошего литературоведа, наверно, душевную женщину, но не может человек творить «под чутким руководством». Насколько мне помнится, собраний с её участием было не более двух. Серьёзных, деловитых, зажатых, ненастоящих.

ПИТОН потерял вместе со старой шкурой и старый костяк. А жаль.

Хотя, чего жалеть? До сих пор меряю себя в ПИТОНах.

Немецкий фонарь

рассказы

Небьющийся стакан

В магазин сельпо привезли небьющиеся стаканы.

Грузчик лихо шваркнул один об пол:

– О! Еберазять!!! Не то, что ваши драгоценные хрусталя! Да бывает, что и малеванные кружки трескаются. А этот – на века, как советская власть!

Сельповские продавщицы очень осторожно, с махонькой высоты (товар, всё-таки) уронили стакан на пол по разу. Стукается как дерево, не бьётся. Вот, чудо-чудное, диво-дивное!

Сарафанное радио весть о небьющихся стаканах разнесло за час. Бабы брали стаканы не штуками, а десятками. Ладно, для себя родимой трёх-четырёх достаточно. А внучатам-внучаткам? Да у них, может, по сколько детишек народится? В хозяйстве пригодится! Весь свой век будут поминать потомки прадедов-прабабушек добрым словом, приглашая к утреннему поминальному чаю.

Морозы в тот год частенько за пятьдесят переваливали. Шуликуны[1] трещали по стенам и изгородям сухими и короткими автоматными очередями. Мы выскакивали из дому только для того, чтобы скатиться разок на лыжах и быстренько забежать обратно со сведёнными в квадрат ртами и скрюченными в грабельки пальцами, которые стыли даже в двойных шерстяных варежках. Мать ворчала, но добродушно. Её голосу недоставало отцовской строгости.

А отец валил строевой лес в совхозной бригаде. Мужики неделями жили в дальнем бараке возле речки Визъёль. Возвращаясь оттуда, с дальних визъёльских лугов, попутно возили сено на лошадях. Приезжали на день-другой попариться, отдохнуть. А как из бани да без «послебанного»? Распаренный, раскрасневшийся отец уважал после бани «шпунт», купецкий чай с водкой. На такой случай матушка покупала бутылочку загодя. Отец в белой рубахе садился за стол, торжественно ставил перед собой гранёный стакан и открывал бутылочку.

– Суворов ещё солдатушкам своим говаривал: водку, дескать, на службе не пейте, а после бани, хоть штаны продай, да выпей. А Александру Васильевичу прекословить не годится.

Наливал отец водки до ободка стакана, сверху чуть подкрашивал заваркой.

– Это уж водка с чаем у тебя получается, а не чай с водкой... – ворчала мать, но как-то нерешительно у неё получалось. Добрые-то зырянские бабы мужей только в моменты их тяжкого похмелья от души ругают-стругают. Трезвого ругать не за что, а пьяного – бессмысленно. Да особо и не посмеешь на хозяина голос повысить...

– От перемены мест слагаемых сумма не меняется, – выдыхал отец, ставя на стол пустой стакан, и как только дыхание выравнивалось, пересаживался к устью печки, закуривал «Север» и рассказывал какую-нибудь весёлую историю. А случаев житей-

[1]Шуликун (севернорусское) – трескучий мороз.

ских и анекдотов местных он знал много. Изредка вставлял что-то и из свежепрочитанного, комментируя на ходу.

Уезжая на Визъёль, мужики брали с собой огромные мешки с роман-газетами и списанными библиотечными книгами. Коротая вечера, видно, читали все, даже те, кто к чтению был вовсе не приучен. Отец частенько нам говаривал:

– Не зачитывайтесь, а то попами станете. Я вон, когда в школе учился, единственный раз брал из библиотеки книгу, «Индийские сказки», и то умудрился потерять...

Но Визъёльская «изба-читальня» мимо отца явно не прошла. Роман-газеты прочёл все, Бондарева и Кожевникова, Белова и Айтматова, Семёнова и Рытхеу...

По возвращении из леса собирались всей бригадой у кого-нибудь на посиделки. Сиживали и у нас вечерами да долгими ночами. Футболом-хоккеем сельские мужики не болели. Хвастовство добрыми жёнами оставляли самым уж никчёмным. А вот про работу и про политику частенько спорили. Революции, коллективизация, войны, история, вожди да полководцы... Чуть до драк не доходило. Зимой главным предметом спора становились романы. Пусть выражались сумбурно. Пусть говорили немного путанно, подыскивая точные слова, но таких толковых суждений о литературе я позже не слышал даже от специалистов. Хоть терминами и не бросались деревенские мужики. Хоть и представления не имели о завязках, развязках да кульминациях. Хоть и не ссылались на Белинских-Писаревых, да и Лотманов-Кожиновых не поминали, и уж тем более не знали нынешних окололитературных болтунов... Слушать было весело и интересно, когда эти «бригадные симпозиумы» перерастали в «литературные вечера».

– Погоди! Погоди! Вот смотри! А зачем автору нужно было Вапыската туда отправлять?! Я бы его линию так не обрывал, по-другому бы написал...

– Так, садись и пиши, кто тебе мешает? Только ведь таланта у тебя нет...

– У меня нет?!! Иди ты!.. – взвивается товарищ, но как-то быстро успокаивается. – Ну да, писать не умею. Но я бы всё равно вот так вот эту историю повернул... Чтобы интереснее...

– Так в жизни не бывает. Если Вапыскат – настоящий чукча, он природу должен знать досконально. Так? Так. Ты, допустим, когда в лес входишь, ты ж не принюхиваешься к муравейникам, не смотришь, с какой стороны на дереве мох с лишайником растут? Ты же не выясняешь, с какой стороны север, с какой юг? Зачем тебе это? Идёшь и идёшь сам по себе, куда тебе нужно...

– Ты мути не говори?! Это ж РОМАН! Это тебе не в кирзачах на босу ногу по деревенской грязи шлёпать. Это тебе не пьяным рубаху на груди рвать. Здесь надо, чтобы герой умирал красиво... (он же герой!), а не где-нибудь подыхал под забором. Вот напиши про нашу с тобой жизнь, кому она нужна? Кто читать будет, кроме нас с тобой?

– Э-э-э! Не скажи! Как раз про нашу с тобой жизнь и надо писать! Чем моя жизнь – не роман? Да я, если начну рассказывать про всё: про армию, про жизнь прежнюю, про девок... Только записывать вот некому....

– Сам напиши.

– Сам не сумею. У меня грамоты мало: пять классов и коридор. И потом, когда начнёшь что-то писать, письмо, например, или заявление, теряешься. И это, вроде, нужно написать, и про это напомнить, и третье в башку лезет, а потом и вовсе уходишь в сторону. Пропади оно...

От слова этого «пропади!» взвивается закунявший уж было товарищ:

– А шатун когда человека грызёт, он не пропадает?! Если ты, допустим, всю жизнь

промышляешь, не то, что медведя-людоеда, а как белка шелуху от шишки роняет, и то услышишь. Как это он? С карабином! И труханул аж до паралича? Карабин – это ж не пистонка... Наши вон ходили как-то...

– Да, городской, видать, писатель-то. Ни шиша сам не знает. Он и думает, и пишет как городской...

– А этот шаман и вовсе, как уродец, получился. Как-то же он дорос до шамана? Простого человека же не выберут на такую должность? Кто-то ведь его и поддержал? Почему это при коммунистах он таким никудышным вдруг стал? Политика это, а никакой не роман, и никакая не жизнь!

– Ну-у! В книге и в кино всегда двое главных. Один – ужас какой замечательный, а другой и вовсе ни в дугу. Если все одинаковые, уснёшь с тоски...

– Ну да. Как-то одна баба выходит из клуба, у неё спрашивают: «Про что, мол, кино?» «А сначала, мол, про колхоз, а потом убивают...»

– Ну, почему же? Не везде так. У нас ведь это про белых с красными да про председателей с кулаками, а где-то и про другое пишут: про любовь там, и прочее...

Спорили мужики иной раз неистово, хлопая ладонью по столу, смахивая посуду со стола, с матерком и подколками, но и к согласию приходили. И сейчас для меня удивительно, как это до драки у мужиков не доходило. Все с ножами на поясах, орут дурным голосом друг на друга, кулаком бьют по столу так, что чугунные сковородки подскакивают, вскакивают из-за стола, скрипя кулаками и зубами. Но был у них какой-то внутренний тормоз. Было у них уважение друг к другу, и даже почтение. Пламя споров гасили шуткой, обращением по отчеству и добрыми словами:

– Ну-ка, Никитич...

– Погоди, Николаич...

– Егорушка, давай-ка, парень, голос убавь слегка...

– Алексеюшка, ты уж потише немного, а то детей напугаешь...

Споры заканчивались мирно. Тягались на согнутых средних пальцах, мерялись на руках, рубились ножами. До рубки ножей доходили, когда кто-то хвастался новым ножом или какого-нибудь кузнеца нахваливал. Спорили азартно, потом клали один нож обушком на стол, а другой бил лезвием об лезвие. Однажды отцовский нож сильно зазубрил пять ножей, а шестой и вовсе перерубил до обушка. Тогда я понял, почему отец настрого запрещал домашним трогать его ножи. Тогда я понял, что развешанные на стене отцовские ножи не просто «охотничьи», «забойные», «ремесленные», «столярные», но и «личные ножи», «отцовские ножи», «именные ножи».

Где-то в такое время и привезли в сельповский магазин те небьющиеся стаканы.

Не бьются, дескать, хоть об стенку бей... Мужики сарафанному радио не доверяют:

– Старые люди-то говаривали: бабу, мол, послушай, да сделай наоборот, чтобы путём всё вышло.

На каждой посиделке, на каждой гульбе стали бить об пол, об стены, об матицу, об угол печки небьющиеся стаканы.

– Как так, стекло да не разобьётся?!

– Вот ведь, сатана!

– Дай, я попробую!

– Бабу свою пробуй, дай я ещё разок шваркну!..

Долгими зимними вечерами, далеко за полночь «стаканились» разгорячённые мужики, будто тяжкую работу работали. Кое-кто, может, и на работе-то так не потел...

Через неделю-другую всё же отошёл основной народ от этой пустой затеи, но оказались среди них и люди с характером, чужому мнению неподдающиеся, можно сказать, даже упёртые. Коми мужика с кондачка не возьмёшь. Кому-то и удалось разбить небьющийся стакан. Рассыпался, развеялся первый стакан в мелкую крошку, в стеклянную пыль.

– Во! Не дураки были старые-то люди! Опять по-нашему вышло, а не по-бабьему!

Тогда и с новой силой уже принялись мужики стаканы бить. Чтобы не только бабам, но и друзьям-неверам доказать, что, ежли с душой подойти к делу, то разбить можно любую вещь. За пару месяцев нашли в стаканах слабинки. Брошенный умелой рукой стал биться каждый второй стакан. Бабы не успевали на газетки белую пыль от них сметать. Эх, сколько «добрых слов» услышали от них «эти сивые-бородатые придурки».

Через год на селе такие стаканы сохранились только у одиноких строгих женщин, которые пьяниц к себе не приваживали.

А мужикам не сиделось спокойно. Мужику ведь до сути нужно дойти, начало всему найти, ежли по-Аристотелю – Первопричину. Кто-то где-то то ли вычитал, то ли так узнал, что небьющийся стакан приказал сделать сам Иосиф Сталин, чтобы можно было постоянно носить в кармане галифе и в любой момент быть готовым к приёму фронтовых ста грамм. Стекло, мол, так и называется – «сталинит». Только вот создателей чудо-стакана всё же, мол, расстреляли. Тоже по приказу Сталина. В кармане галифе однажды у него стакан разбился. Конечно, от такого рассвирепеешь: карман штанов – это тебе не карман пиджака, ещё порежется не то, не дай, Господь...

В справочники полезли мужики. Оттуда уже узнали, что небьющееся стекло в основном выдерживает много падений, бросков, ударов. Но! Единственное слабое место, оказалось, есть в небьющемся стекле. То ли точка напряжённости, то ли точка натяжения... Вот эта, мол, точка и держит, стягивает края стаканов и бронированных стёкол. Оказывается, о бронированных стёклах собственной машины заботился Сталин, по барабану ему и стаканы, и фронтовые сто грамм. А точка натяжения, которая даёт силу и прочность, и есть самое слабое место в стекле. Её саму, оказывается, нужно беречь и прикрывать пуще всего. Если туда слегка ударишь, сработает, как сторожок слопца, и перемелет всё стекло в муку.

Быстро поразбивались небьющиеся стаканы.

После этого лет через двадцать только в руки мне попалось забытое уже чудо.

По отцу исполнилось сорок дней. Душу проводили. Посуду, конечно, собирали по соседям и родственникам. Уже глубокой ночью, сидя на кухне в одиночестве, открыл бутылку водки. Взял с подноса под образами один из перевёрнутых стаканов. Поставил перед собой. Потянулся за вторым, чтобы и отцу налить. Подолом расстёгнутой рубахи задел свой. Упал стакан на пол. Рассыпался в белую пыль по всей кухне. На точку стяжения упал.

При отце семья крепкая была у нас. Отец – сам и гнёт, и опора. Как столешница из лиственницы. Жена с дочкой – переведины. Четырёх сыновей поставил вместо устойчивых ножек стола. Четырьмя невестками-перекладинами снизу укрепил. Вроде и крепко на ноги стали. На века. На жизнь. Только опору, оказывается, надо было беречь больше. Не думали, что у семьи нашей крепкой точка стяжения в сердце отцовском скрывалась. Только откуда нам было знать, где слабое место, пока стакан на него не упал.

Немецкий фонарь

Ах, мать твою! Без керосину фонарь горит. Дак ведь, ярче пятилинейки! Жаль, редко затепляют. Отец строго-настрого наказал: «комолятор», дескать, какой-то сесть может, это вам не игрушки. По возвращении он лишь изредка и ненадолго зажигал по великим дням, перед домашними да гостями хвастаясь.

А гостей привалило в день отцовского возвращения! Кто в горнице не поместился, на печку да на полати втиснулся: в основном, детки-сеголетки да старьё-быльё. «Ефим Ильич вернулся!! Ефим Ильич вернулся!» – быстро разнеслось по селу. Чинно пришли мужики, демобилизованные раньше, соседи подтянулись, сватьё-родовьё, естественно. Прилично набралось тут и вдовушек-солдатушек, мужиков «без извести» потерявших. Уж хоть на чужое счастье посмотреть, коль своё болотистой низиной проскочило.

У Агнии счастье было. Со второй войны муж целым и здравым вернулся. В годы, когда красно-белое светопреставление началось, попал он под мобилизацию белых. Успел под ними послужить, затем в конармию Будённого перешёл, супротив белых рубился, почитай, три года. В двадцать четвёртом году вернулся домой, будёновку на колышек повесил, шинель до длины кафтана-дукеса подрезал, винтовку на чердак припрятал, за крестьянскую работу взялся. А потом и Агнию Ефимовну женой в дом привёл. Агнюша его братовьёв-сестёр несколько лет нянчила, начинала сама ещё восьмилетней, а затем и работничала в их семье. Больно по сердцу пришлась она семейству Ильи Карповича. Родители трудолюбие девки высоко оценили, сестёр-братовьёв Агния лаской взяла, а чем Ефиму по сердцу пришлась, и так понятно: такая девка не под каждой корягой валяется, не под каждым кустом прячется.

Только-только, вроде, молодые корни пустили, от родителей отделились, избу помочами подняли, себе на радость полную избу детишек настругали... И на тебе! Снова Ефиму пришлось отправиться туда, где сахарными головами играют, где кровавые реки текут. Гитлера, как мог, бил, теснил, за отвагу парочку медалей отхватил. Вперёд других не лез, за других не прятался. В общем, воевал, как привычную крестьянскую работу работал.

Дома жена да пятеро детишек дожидались. Трое за войну вырасти успели до полного возраста: Елисавете – девятнадцать, Анне – семнадцать, Виталию – пятнадцать. Агния сама днями и ночами на работе пропадает, вот Мише с Алексеем и домовничать пришлось. Вначале нелегко было, конечно. Особенно печь по утрам топить. Устье высоко, печь бездонная: ни с дровами не дотянуться, ни сложить их аккуратным колодцем три по три, ни лучину запалить. Вскоре поднаторели. Пятилетний Миша трёхлетнего Алексея в печку затолкает, сам дрова да лучину подаёт, как лучина займётся, брата вытащит и бежит на печку вьюшку открывать. Так потихоньку печь и растопят. Утром и вечером к корове Миша до трёх раз выходил обиходить: убрать, накормить, подоить. Рвёт, рвёт соски коровьи, пока руки не онемеют, пальцы скручивать не начнёт, забежит ненадолго домой, а Алексей его и жалеет: «Миса, отдохни, потом снова выйдес». Страшновато становилось вечерами, когда при лучине ждали возвращения матери. С лампой строго-настрого запретили возиться: керосин дорогой, стёкол не достать, да и не дай бог прольют керосин-то, пожару наделают. На улице темень беспросветная. Вьюга свистит или мороз-колотун стены ломает, брёвна рас-

калывает. Лучина дымит и потрескивает. На каждый звук к дверям поворачиваются дети: не мать ли это идёт?

Ну вот, зато теперь счастье им улыбнулось: отец-кормилец, отец-защитник дома, да ещё вон и немецкий фонарь привёз чадящей лучине на замену. Эх, красно красованье теперь наступит!

Старшие сёстры и брат лес валят на далёких участках, за сотни вёрст от дома. Не смогли отца встретить. Мише с Алексеем посчастливилось первыми отца увидеть. Мать как раз в хлеву скотину обихаживала. Братья перед устьем печи сидят, на огонь смотрят. Завораживает. Тепло. Спокойно. Тяжёлыми шагами кто-то прогромыхал в сенях. Взвизгнула на кованых петлях и хлопнула входная дверь. Зашёл солдат. Осунувшийся. Обросший. С тяжёлым «сидором». Опустил мешок на лавку у дверей. Ушанку сверху привычно бросил. Глаза пятками ладоней осушил. Затем долго смотрел на сыновей. Три года ведь их не видел. Три года. В памяти всё ещё младенцами оставались. Да и Миша долго всматривался в отца, пока не вспомнил, пока не узнал, а Алексею и вовсе в диковинку показался чужой мужик в солдатской шинели, трёхлетним он не крепко ещё отца запомнил. Уже после выдоха ли, всхлипа ли Ефима Ильича «здоровоте же, сыночки мои серебряные!», братья нерешительно подошли и ткнулись в отцовскую шинель, колючую, пропахшую дымом, улицей, и, наверное, войной.

Уже вечером детки, прижавшись к печной трубе, сверху смотрели на непривычный шум и гам. А в крестьянской широкой горнице, неожиданно ставшей маленькой и тесной, бог знает, что творилось! Бабы плакали и смеялись одновременно. Мужики гремели стаканами, без конца чадили цигарками, спрашивали друг друга об односельчанах, о друзьях-приятелях, раскиданных войной по всем концам света. «А Николай Федосеевич где?» «Он где-то ещё на Дальнем востоке». «О Егоре Васильевиче что слышно?» «Лечится ещё, после того, как в танке последний раз горел, в госпитале под Вязьмой где-то лежит»...

– Этот? – Погиб...

– Этот? – Ещё под Волховом пал...

– А тот? – В Венгрии тяжело был ранен. Умер... А отца его под Варшавой...

Да-а... Многих война сожрала. Степана и Василия, братьев отцовских, тоже Гитлер съел. Уходили в один день три брата. Бабы и детишки проводили их до края села, до Бобрового холма. Дальше рекруты поехали на председателевой лошади в сторону Помоздина. Миша вспоминает хмельно-весёлое лицо дядьки Василия. Перед тем, как в повозку сесть, он лихо сжал меха своей гармошки, выдав при этом какой-то немыслимо задорный наигрыш, протянул инструмент сестре своей Наталье: «На, Наталья, до моего возвращения никому в руки не давай». Затем сдвинул на затылок жениховский свой картуз и подмигнул провожающим: «Ничего, бабоньки! Мы Гитлера, как медведя, на жердине притащим». Степан с ним на пару ржёт, одного-другого поддевает. Тогда Ефим, нанюхавшийся уже войны, угрюмо окоротил братьев: «Хватит барагозить, Василий. Растянется эта война. Не враз закончится. Да и ты, брат Степан, коней придерживай: не с выльгортскими парнями драться собрались. Ведут в такие места, где груды костей лежат да реки крови текут».

Вот уж второй год под дедовской лавочкой под божницей пылятся гармошки дяди Степана и дяди Василия. Никто на них уж не сыграет... А какие гармонисты были!

Жахнули в доме Ефима четыре сохранившиеся на всё село гармошки. На трёх наяривают мужики, соскучившиеся на фронте по своим хромкам-тальянкам. На четвёр-

той выводит Настасья Фёдоровна. Пока мужа с войны ждала, прилично научилась наворачивать на его гармонии. Многоголосьем, дружным хором, давно в доме не звучавшим, загудела Ефимова изба. Тогда хозяин и зажёг впервые трофейный свой немецкий фонарь. С божницы до входной двери ударил досель не виданный, полуденным солнцем слепящий свет. Рядом с ним потускнели и лучина в куте, и масляная лампадка под божницей, и притулившаяся в углу стола керосинка-пятилинейка. «От! это иллюминатсыя!» – торжественно ввернул чудное слово кто-то из солдат.

Дивились бабы на этот свет. Дивились. Даже песню было оборвали. Гармошки, одновременно вжикнув, притихли. Ах ты, чудеса! Ну, мать-иё! Ну и фонарь! Не то, что какие-то там керосинки-коптилки!

Весь вечер при немецком свете провели. Пели, играли. Пиво-сур пили, плясали. Смеялись и плакали в голос. А когда гости по домам начали расходиться, подслеповатый хозяин до самого крыльца провожал с немецким фонарём: всё честь по чести. Илья Карпович, отец Ефима, спустившись с высокого крыльца, обернулся к сыну и, прикрыв ладонью глаза от слепящего света, довольный сказал: «Это ты, сынок, хорошую штуку привёз. Советская власть у нас забирала две десятилинейки да пару «летучих мышей», а это гораздо того... Надо было ещё отцу привезти». «Ну-ка, отец, не так громко про советскую власть. Уведут, ни дна, ни покрышки...» «Да ладно, – отмахнулся отец, – мне в восемьдесят нечего уже бояться. А советская власть посмотрит на этот фонарь, и не то, что в каждом доме, даже на придорожные дреколья начнёт вешать: сорочью-воронью негде сесть будет. Только будут уж не германские, а советские. Чтобы молодёжи по ночам можно было гулять, не боясь вольдинской грязи, не проваливаясь с колдобины в колдобину».

Электричество в селе появилось через десять лет. Илья Карпович ещё застал это счастье. А вот с немецким фонарём семья Ефима недолго красовалась. Сам Ефим несколько раз включал по большим праздникам. Агния, втайне от мужа, пару раз брала с собой в хлев. А потом потихоньку немецкий фонарь потускнел, светить стал слабже ночной лампадки, да и вовсе погас. «Комолятор», дескать, сел, этот брусок с детский кулак, ток какой-то кончился. Оно и понятно, много ли тока влезет в такой брусочек? Говорили солдаты бывалые, что можно таким же заменить, но Ефим то ли не догадался с запасом взять, то ли не подвернулся брусок такой. Так фонарь и остался стоять в божнице, между Миколой-Чудотворцем и Богородицей-Матушкой.

Зато лампочек Ефим прихватил прилично, можно сказать хозяйственно: на чердаке стоит полный ящик, может, и сто мильёнов штук в нём этих пузырей стеклянных. На чердаке и наткнулись ребята на эти немецкие игрушки. А чего? Если фонарь не работает, лампочки ж – просто ненужный хлам. Но очень для игр подходящий. Не сразу, конечно, догадались, что с ними делать, но Алексей одну уронил и нечаянно наступил на неё. Сухо треснула лампочка, ну, чисто, винтовочным выстрелом. «О! Сейчас, всех гитлеров перестреляем!» – обрадовались братья.

Отца дома не было. На какую-то Украину поехал. Вызвали, по словам матери, свидетелем, чтобы иуд каких-то судить (христопродавцев, что ли?). Детям свобода полная. Приструнить некому. Первые несколько лампочек разбили ударами дощечки. Потом догадались класть меж двух досок и прыгать прямо на них. Положат одну. Миша кричит: «ПашИской гадине – огонь!» Это они по военным фильмам знают, что так надо кричать: киномеханик-Митроха так всегда кричит, когда наши стреляют. Алексей со ступы прыгает на доску: «Тресь!» Затем и несколько штук положат, опять Миша коман-

дует, Алексей прыгает. Лампочки автоматной очередью: «Та-та-та-та!»

Сто-мильён – это очень много, это даже больше тысячи, но и сто-мильён лампочек всё же закончился, так бы, конечно, ещё играли и играли... А тут ещё и отец вернулся из Украины. Испугались братья. Суров отец. Если про лампочки узнает, неделю на полную жопу не сядешь. Пустой ящик братья забросали старым хламом, сверху свалили старую берёзовую ступу. Вначале сильно боялись, что отец заметит разоренье, но, видно, как фонарь стал ненужным, так и про ящик с лампочками забыли. Тут ещё и колхозная работа Ефима засосала, болел, конечно, но на слабое здоровье тогда не смотрели. Работал со всеми, рыбу ловил, сколько мог, сдавал в колхоз. Можешь, не можешь, а работать надо: бабам и детям послабление дать. Они, бедные, всю войну и за себя, и за мужиков себя ломали, и колхоз, и страну на напруженных горбах тащили.

Там и боевые раны Ефима догнали. Болеть начал уже серьёзно. Сердцем стал маяться, совсем из сил выбился. Похоронили Ефима Ильича уже на новом, послевоенном кладбище, на Чудском холме. Оплакали, проводили, посидели, помянули.

На сороковины Агния с детьми за утренний стол села. Только щей в миску положила и на стол принесла, с божницы на длинную лавку упал немецкий фонарь, подскочил, выбросил сноп света и потух. «Аттэ! Аттэ! Это ж мы сами за стол сели, а отца помянуть забыли! А прости же, Ефимушко, не злись на нас непутёвых! Присаживайся, придвигайся к горячей еде». Агния поспешно бросилась наливать поминальный чай для мужа. А Миша ткнул Алексея в бок и шепнул: «Ток уже давно кончился, а отчего это фонарь вдруг загорелся?» Пощёлкал, пощёлкал переключателем. Даже вытаскивал из фонаря вскипевший, покрытый синей плесенью аккумулятор. Опять пощёлкал. Но немецкий фонарь уже не ожил. Душа, видно, отлетела.

Павел Лимеров

***Лимеров Павел Фёдорович**, главный редактор журнала «Арт», ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Автор около 170 работ, в том числе учебного пособия «Коми несказочная проза» (1998); монографии «Мифология загробного мира» (1998), сборника фольклорных текстов «Му пуксьӧм – Сотворение мира» (2005), монографии «Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), «Войдӧр – Когда-то. Мифы, легенды, предания коми народа» (2012), составитель книги стихов Д.В. Фролова «Там, где прежний остался и я...» (2012), составитель книги «Пословицы и поговорки коми народа» (2014).*

Записки карася

– Как живёте, караси?
– Ничего себе, мерси!

(В. Катаев).

Начало

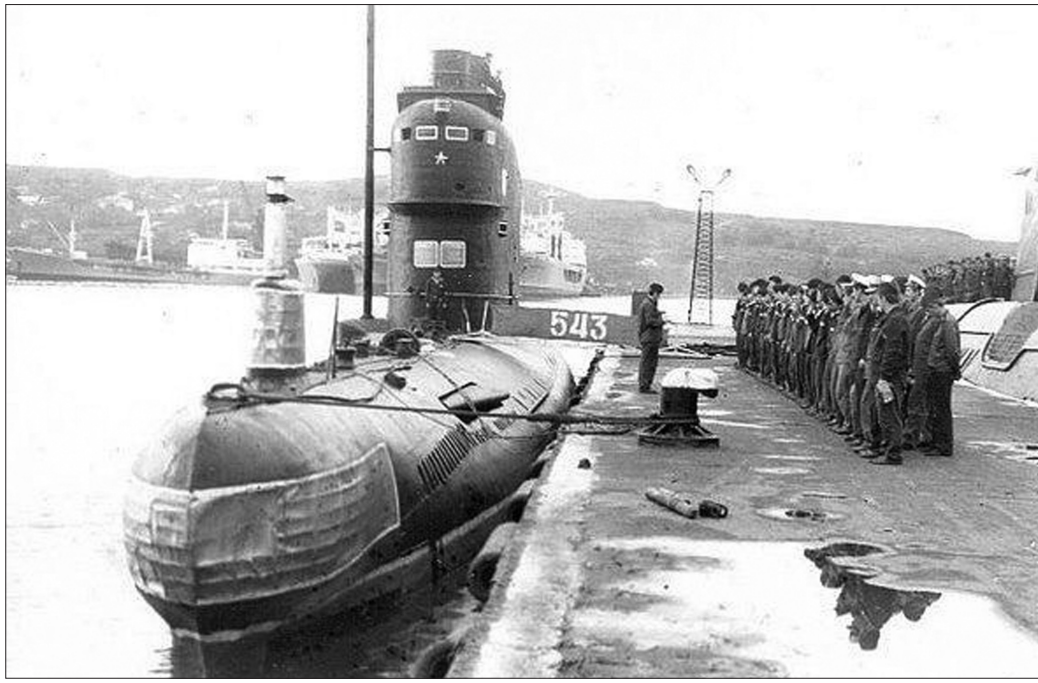
Княжпогост, октябрь 1977 года, сборный пункт военкомата.

Сборный пункт – это откуда направляют в войсковые части. В памяти казарма, где нас разместили, и ряды коек в два яруса. Мы, призывники-осенники 1977 года, ожидаем разрешения своей судьбы. Мы здесь – «товар», за которым приехали «покупатели» из разных родов войск. Это отслужившие уже по году ребята в форме, они чувствуют себя уверенно и нагло. Выделяются морячки: в чёрных бушлатах, со сдвинутыми на затылок бескозырками, они ходят по плацу, разметая снег клёшами, и даже разговаривают не так, как все. Мы ими «куплены». Мой друг Слава Кононов поражённо шепчет: «Они Владивосток называют Владиком!» Для нас Владивосток – это город за пределами нашей карты мира, и то, что для этих морячков он просто «Владик» – не укладывается в голове.

Ноябрь 1977 года. Владивосток. Экипаж.

Мы уже свыклись с тем, что попали во Владик. Опять казарма, двухъярусные койки. Здесь распределяют по учебкам: Русский остров – надводные корабли, 51 УОПП[1] – подводники. Но можно ещё попасть в морскую пехоту или в береговые войска. Это два года службы, и многие об этом мечтают. Ходят слухи о какой-то

[1] УОПП – учебный отряд подводного плавания.



ПЛ проекта 629 возле пирса. Построение экипажа.

барокамере. Заводят в барокамеру по нескольку человек, нагнетают давление воздуха, и, страшное дело – боль в ушах, кто-то кричит, у кого-то кровь течёт из ушей, из носа. Сидит моряк и тех, кто кричит, бьёт деревянным молотком по голове. Будто бы это проверка на годность в подводники. Ничего подобного не произошло. Никто в барокамере не кричал, да и крови тоже не было. Правда, моряк и вправду был с деревянным молотком.

51 отряд, просто – учебка. Владивосток.

Учебный отряд подводного плавания – это отдельный город в городе Владивостоке. Множество строений, казарм, учебных корпусов. Я, Лёша Рыбаков, Слава Кононов и Костя Замятин попали в Первую школу. Правда, Костя в другой роте, он будет ракетчиком, а мы – штурманскими электриками. Ему учиться пять месяцев, а нам – все восемь. Повезло: среди восьмимесячников четверо наших однокурсников из Печорского речного училища. На первых порах они очень нам помогали. Сложная система взаимоотношений: мы – курсанты, нас называют «огурцы», потому что мы зелень, нас не отличить по цвету от огурца, более того, мы растворяемся на его фоне. Другое сравнение: зелёный, как три рубля. Старше нас – все в Отряде. Мы обращаемся к ним: товарищ матрос, товарищ старшина, не говоря уже об офицерах. При этом нам положено отдавать им честь. Старослужащие делятся на полторашников, прослуживших полтора года, подгодков – два года и годков – два с половиной. По иерархии, годок матрос даже старше старшины полторашника. Но такое редкость. Как правило, годки все со званиями. В казарме-кубрике кафельный пол и койки в четыре яруса. Пол называется палубой и его надо «протягивать» утром и вечером. Протягивать – это мыть, но по-особому. Обычно пять-шесть курсантов берут тряпки, окунают их в кандейки с водой и, развернув их, тянут по кафелю, пятясь к выходу. За ними сле-

дует следующая пятёрка – уже с выжатыми тряпками.

Но самая крутая приборка – в учебных классах. Надо быстро вымыть с мылом все электронавигационные приборы, а затем палубу. В центре класса из кафеля выложен штат БЧ-1 – компас с обозначениями сторон света. Штат натирают и моют щётками, обязательно с мылом, и слой пены в идеале должен достигать 15-20 сантиметров высоты. На всю приборку отводится не более 15 минут, и к её концу чувствуешь себя полностью истощённым. Уже с первой ночи мы почувствовали прелесть службы курсанта-огурца. Любимым ночным развлечением старшин была игра в подъём-отбой. На подъём отводилось 45 секунд, в течение которых мы должны были уже в одежде и даже в шинелях выстроиться «на средней палубе» – в свободном от коек пространстве кубрика. Конечно, мы не успевали, следовала команда 30 секунд – отбой, и мы разбегались по койкам. Труднее было тем, чьи койки находились на третьих-четвёртых ярусах – это надо было ещё суметь на них запрыгнуть. Игры продолжались подолгу.

Электронавигационные приборы – гирокомпасы и прочее – дело знакомое. Это мы изучали в училище, но есть ещё разные гировертикали и гироазимуты, и куча других устройств, которые надо было научиться понимать. Есть ещё борьба за живучесть: надо уметь заделывать пробоины и тушить пожар. Учили и водолазному делу, так что барокамера в Экипаже вскоре казалась уже чем-то вроде лёгкого детского воспоминания. Кроме всего, были различные наряды: на камбуз – чистить картошку, мыть посуду – для всей школы, на ЦК (центральную котельную) – таскать уголь. Мне нравились наряды на водохранилище – почти сутки свободы, никто не доставал. Водохранилище было оцеплено колючей проволокой, нужно было ходить вокруг него и будто бы охранять выданным штык-ножом АКМ. Не помню, почему, но в наряд на водохранилище заступали мы со Славой Кононовым и с Лёшей Рыбаковым, моими друзьями по ПРУ.

Запомнилось, как во Владивосток приезжал Л.И. Брежнев. В Отряде была парадная рота, в которую набирали ребят от ста восьмидесяти. На лодки они шли как электрики, но в Отряде они больше ходили по плацу парадным шагом, держа на вытянутой руке карабин. Мы все стояли в оцеплении, а эти ребята должны были встречать Леонида Ильича, но в последний момент всё переиграли, и его встречала рота почётного караула Военно-Морского училища. Приезд Брежнева родил Владивостокский анекдот: «Приезжает во Владик Брежнев поездом. Его встречают выстрелом из пушки. Открывается люк канализации возле пушкаря, выглядывает из него мужичок: «Что стреляешь?» «Брежнев приехал!» – отвечает пушкарь. «А я думал, воду дали». Второй выстрел. Снова открывается люк: «Что случилось?» «Так Брежнев же приехал!» «А с первого раза попасть не сумел?» Брежнев сразу посетил флагманский крейсер «Адмирал Сенявин». Вскоре после этого на нём взорвались боеприпасы в оружейном погребе, погибли тридцать девять моряков. Вряд ли из-за Брежнева.

Весна 1978 года, п. Ракушка. Бухта Ольга.

В посёлке Ракушка Приморского края располагалась база 29 дивизии ПЛ. Нас, молодых штурманских, привели в кубрик лодки Б-163. Дежурный по кубрику, боцман Ринат Шакиров, выдал нам ветошь, кандейки и напутствие: «Вы прибыли в дивизию и надеетесь на равенство? Не стройте иллюзий, пока ещё вы только караси. Вперёд!» И мы весело «протянули» кубрик. Так началась служба.

Старшиной команды штурманских электриков Б-163, куда нас с Мишей

Рассказчик.

Мальцевым распределили, был старшина первой статьи Шура Лях, командиром отделения – Валера Трушков. Здесь же служил и мой однокурсник из ПРУ, Коля Турьев. Так что мне повезло. Шура Лях был недоучившимся студентом-историком, кажется, университета в Новосибирске. Первое, чему он нас научил – это учиться, учиться всему. Знать наизусть книжки «Боевой номер», все досконально инструкции, а главное – кропотливо изучать нашу систему «Сигма». Лодка – это место, где знание – не сила, знание – жизнь. Причём, не только твоя, но и всех остальных. Это не пафосные слова. В первый выход в море, уже не помню зачем, меня вызвали в центральный пост. Мой прибор, эхолот, не показывал глубину. Старпом приказал мне разобраться, и я не сумел. Помню свою растерянность. Ситуацию спас Шура Лях, он быстро настроил прибор и увёл меня, красного от стыда, в гиропост. Это было уроком на весь срок службы. Шура уходил на дембель осенью. Я помню, как он закрыл последнюю схему, которую изучал, это была схема прибора «Сапфир», и сказал: «Всё, теперь я знаю наизусть все приборы системы «Сигма». Теперь можно начинать служить». Он уходил, а мы начинали свою службу.

Потом было много всего. Мы перебазировались в бухту Конюшкова, я служил уже на Б-139, и моим штурманом был замечательный человек, каплей Володя Алексеев. Были боевые дежурства, ракетные и торпедные стрельбы, вахты, бессонные ночи.

Когда меня спрашивают, где я служил, я обычно отвечаю, что я работал штурманским электриком на ПЛ. Когда у меня спрашивают, что дали мне эти три года, я всегда отвечаю: «Они научили меня учиться».

Шура

В эшелон, который вёз нас, призывников, в неведомый Владивосток, или Владик, как называли его сопровождающие нас моряки, он сел в Новосибирске. Их было много, тех, кого взяли в эшелон на вокзале этого города, но он выделялся из всех. Ростом выше среднего, широко-

плечий, с длиннющими, почти до плеч, волосами, он вёл себя дерзко, и даже широченные по тогдашней моде брюки клёш мели перрон как-то особенно вызывающе. Таких обычно сразу определяют «борзыми», они нравятся «своим», но «чужие» терпят их мало. Его звали Шура, и он попал в наш вагон. Нет, мы не подружились, у них была своя, новосибирская компания, у нас своя – печорская, но за те шесть суток, которые ещё плёлся эшелон от Новосибирска до Владивостока, я его запомнил. Они вели себя шумно, им даже удавалось выпивать, видимо, водку на каких-то станциях они проносили в вагон по сговору с моряками. Помню, мы как-то тоже пытались пронести в вагон вино, но безуспешно, моряки были начеку, и все семь купленных на последние деньги бутылок были разбиты. Мы даже немного завидовали им, этим удачливым, как нам казалось, ребятам. А Шура был у них вроде главного, он вёл себя почти панибратски с моряками, они это терпели, и это вызывало всеобщее уважение. Во Владивостоке в Экипаже я его потерял, да и не особо об этом сожалел. В учебке мы с ним однажды повстречались, он учился на трюмного машиниста. Как и все мы, он был острижен наголо, и из-под чёрной форменной шапки нелепо торчали большие розовые уши. В вагоне я их не замечал. Шинель на нём висела, и вообще, форма ему не шла.

Волей случая, нас распределили на одну лодку, Б (Буки)-163. Вернее, когда мы, восьмимесячники-штурманские, прибыли в дивизию, наши погодки электрики, рулевые, трюмные и прочие уже отслужили на своих ПЛ добрых три месяца. Я его узнал сразу, но как же он сильно отличался от того дерзкого, весёлого парня, который сел в наш вагон в Новосибирске! Роба сидела на нём мешковато, и дело даже не в робе, у него был потухший взгляд, он сам был весь какой-то потухший.

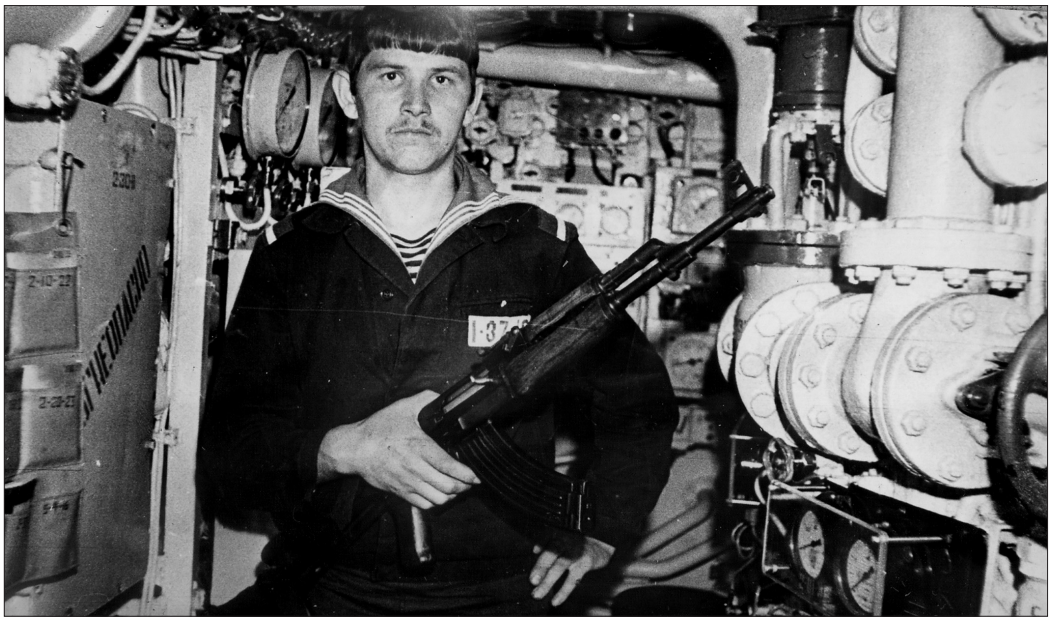
На подводной лодке нет иллюминаторов. Этот вроде бы будничный факт поражает многих, кто никогда на ней не бывал. Обычно спрашивают: «А как же она управляется, если не видно, куда плыть?» Люди помнят корабль капитана Немо, который шёл под водой, освещая курс прожектором, а пассажиры разглядывали рыб в большие окна-иллюминаторы. Обычные подводные лодки передвигаются по курсу, проложенному штурманом, а рулевой ориентируется на показания гирокомпаса, и никак не вглядывается в забортную тьму. Подводная лодка – это огромная умная машина, битком набитая механизмами, электронными системами, боевыми комплексами, благодаря которым она может двигаться под водой и над ней, погружаться и, что немаловажно, всплывать, а также «слышать», «видеть», стрелять ракетами или торпедами. Может быть, когда-нибудь придумают лодки-дроны, но в те, ещё недавние 1970-е годы, лодки управлялись экипажем, и чем слаженнее работал экипаж, чем он был, как здесь говорят, «отработанней», тем более была вероятность того, что лодка выполнит свою задачу и вернётся на базу, домой. Так вот, для того, чтобы эта огромная машина, а даже наша ДПЛ 629-го проекта была длиной более ста метров, и высотой с пятиэтажный дом, – могла двигаться, погружаться, маневрировать, стрелять – необходимо, чтобы весь экипаж состоял из первоклассных специалистов – рулевых, штурманских, радиометристов, гидроакустиков, электриков, мотористов, трюмных, «китайцев»-ракетчиков и «минёров»-торпедистов. Восемнадцатилетние мальчики приходили в экипаж, и очень быстро становились такими специалистами – и не столько благодаря педагогическим талантам офицеров, сколько благодаря системе внеуставных взаимоотношений. В основе этой системы было безогово-

рочное знание того, что ты делаешь. Годок, отслуживший два с половиной года, по определению знал всё или почти всё по своей специальности, по «борьбе за живучесть» и прочим премудростям подводников. Это вызывало уважение и трепет вновь прибывших на лодку «карасей». Годок мог наказать, но караси сами становились годками и учителями новых карасей. Система не давала сбоев. Почти.

Шура был трюмным. Трюмные машинисты – это ЖЭУ подводной лодки. Всё, что связано с водой, с осушительными системами, трубопроводами, водоотливом, пожарной безопасностью и проч. – это всё в хозяйстве трюмных. В их ведении гальюны, душевые, но также и управление погружением и всплытием. Лодка погружается, когда в цистерны балласта закачивается вода через кингстоны, и всплывает, когда цистерну «продувают», закачивая воздух через клапана вентиляции. Управляется это через колонки продувания в разных отсеках корабля. В такой колонке десяток колёсиков-клапанов, расположенных друг над другом, и высший пилотаж трюмных – в доли секунды раскрутить или закрутить эти колёсики-клапана по команде «Всплывать! Продуть среднюю» – имеется ввиду цистерну балласта. Шура проделывал всё это крайне медленно. Он жаловался мне: «Понимаешь, Богданов их почти не касается, они, будто сами раскручиваются, а я так не могу». Богданов – старшина команды трюмных, годок, после какого-то выхода в море, наорал на Шуру и заставил его тренироваться на базе до тех пор, «пока не получится». Безотказный с другими метод здесь не сработал, не получилось, и Шура сник. Караси-первогодки на лодке обычно полнеют. Рацион подводников этому способствует. Но Шура похудел, причём, так сильно, что его худоба уже вызывала подозрения. Кроме всего прочего, он впал в такую депрессию, что ни о каких тренировках речи уже не было. Когда в механизме ломается деталь, её меняют. Шуру списали с лодки, и перевели служить на Плавказарму, в состав моряков базы, а на его место взяли другого. Я не знаю, что делал Шура на Плавказарме, в чём заключались особенности его службы. Я встречал его иногда, и он мне рассказывал о своей печальной судьбе. Мне было его чертовски жаль, ведь я помнил его другим. При таких встречах, я всегда старался его хоть как-то приободрить, но получалось плохо. Перемены в характере Шуры стали проявляться где-то ближе ко второму году службы. Он всё чаще улыбался, он даже стал рассказывать о своих стычках с тем, кто прослужил на полгода больше. Говорил и о том, что работа у него стала получаться. Перемены радовали. И вот однажды он рассказал мне, что подрался с моряком из своего призыва. Я искренне радовался, глядя на Шуру. Мне казалось, что эта драка была уже знаком его духовного выздоровления. Такая вот странная флотская судьба.

Белые пароходы

Однажды, ещё в первые недели жизни в УОПП, мы расчищали площадку под будущее кафе для курсантов. Работа та ещё. Нужно было разровнять макушку сопки и, раздолбив часть скалы ломиками, перетащить носилками камни вниз. Многие поколения курсантов вгрызались в скальную породу и до нас – площадка была приличной, поговаривали даже, что «чепок» – кафе на морском слэнге, могут открыть уже на следующий год. Помню, объявили перекур и я, ударив последний раз ломиком, неожиданно для себя сказал по коми: «Тырмас!» Тырмас – по коми «хватит», и парень, работавший со мной в паре, вдруг спросил: «А ты откуда знаешь этот язык?» – я ответил ему, что с детства. Парня звали



Миша Мальцев – ещё карась.

Миша Мальцев, он оказался коми-пермяком. Так мы с ним выяснили, что зыряне и пермяки говорят на одном языке.

Миша был родом из села Доег Коми-пермяцкого округа, а закончил, как и я, речное училище, только в Перми. Ростом выше среднего, он обладал примечательной внешностью: большой дынеобразной головой, внимательными, чуть нагловатыми тёмно-карими глазками и большим, всегда готовым к улыбке ртом. Девушки находили его привлекательным, а девять или десять подруг ждали его со службы и писали ему в учебку письма. Вероятно, подруг у Миши было больше, его «белый пароход с зелёной трубой» – так он называл свой буксир-толкач, причаливал в последнюю Мишину навигацию к невероятному количеству населённых пунктов Волги и Камы, но с этими девятью или десятью у Миши сложились серьёзные отношения. Миша даже сказал как-то, что женится на той, которая его дождётся. При этом он перебирал фотографии своих подруг, рассматривая их лица. До середины зимы письма Мише приходили часто. Миша показывал их мне, из них запомнились только письма девушки из какого-то захолустного городка на Волге. Девушка была верующей, и, может быть, даже сектанткой. Письма её отличались от прочих, как проза Льва Толстого от заметок замполита в «Боевом листке». Она писала странно и красиво о Боге, которого называла Другом – с заглавной буквы – мы смеялись – как Бог может быть Другом Мише, но она писала, что Миша должен прийти к Богу, и Он станет его Другом, она очень хотела Мишу спасти. Но Миша спасаться не хотел, и с пролетарской прямотой писал ей об этом. Где-то через полгода она написала Мише, что выходит замуж за такого же верующего человека, из той же секты, что и она. Миша порвал её фотографию. Но не она была первой, бросившей Мишу.

Нас, курсантов 1 роты 1 школы, ещё в первые дни жизни в Отряде разделили

Коля Турьев и Миша – уже годки.

на две группы по 25 человек. Эти группы здесь называли сменами, и за каждой сменой был закреплён старшина-полторашник, отвечавший за курсантов своей смены – что-то среднее между командиром отделения, взводным и воспитателем. Кроме учёбы в школе и строевых занятий, смены ещё и заступали в наряды на сутки. Кому-то выпадало дежурить на камбузе – мыть горы посуды, кто-то надрывался на ЦК – центральной котельной, таская носилками уголь, кто-то дежурил на КПП – это считалось лёгким дежурством. В дежурство смена заступала вечером, а ночь предстояло провести на камбузе, за чисткой картошки. Её, родимой, бывало тонны две, а то и больше, так что ночью не скучали. Обычно, один играл на гитаре, остальные сидели на перевёрнутых вёдрах и чистили картофелины, стараясь получить как можно более длинную и тонкую ленту кожуры – тоже развлечение. Очищенные картофелины шлёпались в объёмистый бак с водой, менялись гитаристы, мы смеялись над чем-то смешным, и ночь пролетала. Както в одно из таких дежурств ещё в начале зимы Миша достал из кармана конверт с письмом и сказал мне: «Замуж вышла, вот обезьянка!» – слово «обезьянка» было произнесено с таким круглым «о», что не приходилось сомневаться – Миша расстроился. Замуж вышла девушка из каких-то неведомых мне Вятских Полян, судя по фотографии, довольно симпатичная, с двумя косичками. Миша кнопкой пришпилил фотографию к входной двери и стал бросать в неё нож. Бросал минут десять, даже попал раза два, и это подняло ему настроение. К весне от Мишиного гарема осталось только три верных. Одна из них, полная блондинка, с круглым, но некрасивым лицом, была его односельчанкой. Я однажды пошутил, что она и будет ждать его все три года, что будешь делать, Миша? Миша чуточку поскучнел, но сказал: «Ни хрена!» – и засмеялся. Она и вправду дождалась Мишу. К концу третьего года службы ему писала письма только она одна. Верность оказалась не самым убедительным аргументом. «Ни хрена!» – повторил Миша, приехав домой со службы и поставил точку в этой истории. Я до сих пор не понимаю, зачем он с ней переписывался?

Учебка есть учебка, а специальность штурманского электрика – не самая простая – мы вдоволь начитались учебников со строгим грифом «Совершенно секретно» и хлебнули годковщины. Обычно, совместные невзгоды сближают людей – так оно и есть – за восемь месяцев учебки товарищей по смене ощущаешь братьями. Нас с Мишей сближала любовь к книгам. Библиотека в УОППе была, но я не помню, чтобы я брал из неё книги. Чи-

тать всё равно было некогда. Но однажды Мише в посылке прислали томик стихов Есенина. Книжечка была небольшой, удобного формата – легко помещалась в противогазную сумку. И есенинские стихи так плотно вошли в нашу однообразную жизнь, что, того уже не замечая, мы читали их всюду и всегда – во время учёбы – мы сидели за одной партой и читали, держа томик на коленях – в курилке – во время десятиминутных перерывов в «шагистике» – строевой подготовке – в чепке, запивая пряники лимонадом – перед отбоем ко сну, когда удавалось улучить несколько минут. «Анна Снегина», «Чёрный человек», «Кобыльи корабли» – есенинские поэмы нас завораживали, Миша знал их наизусть, я, будущий филолог, в этом от него сильно отставал – помнил только с десяток стихотворений да ещё «Чёрного человека». Мы декламировали по памяти Есенина, удивляя товарищей по смене, цитировали его в разговорах – к месту и не к месту. Никогда в жизни я не читал стихи с таким упоением, как тогда, и никогда в жизни я не встречал другого такого фаната Есенина, каким был Миша. Кажется, когда после службы он решил стать речником, филолог внутри него рыдал, а может, и умер в одночасье.

Случилось так, что мы с Мишей попали в двадцать девятую дивизию ПЛ в бухте Ольга, и даже на одну лодку под номером Б-163. В экипаже лодки насчитывалось человек семьдесят, собранных из всех уголков нашей необъятной. Русские, татары, казахи, эстонцы, таджики, удмурты, узбеки, чуваши, нас, коми, и то, было четверо. Весь этот Вавилон говорил по-русски, иногда – с трудом. Экипаж любого корабля имеет две иерархии. Во главе первой, офицерской, находится командир лодки, затем его помощники, замполит, командиры боевых частей или БЧ, командиры групп, подчинённые командирам БЧ, далее – сундуки-мичманы, старшинский состав, в подчинении которых находятся остальные моряки. Вторая иерархия состоит из годков, отслуживших два с половиной года, подгодков – два года, полторашников – полтора года и карасей – один год. Обе иерархии смежные, но фактически автономные друг от друга. В выполнении боевых задач актуальна первая иерархия, но в повседневной жизни экипажа годки главнее офицеров. Для офицеров важно, чтобы экипаж был «отработан», чтобы он в море работал как единый механизм, без сбоев. С помощью одних только офицерских приказов этого не добиться. Поэтому на годках держится дисциплина, передача знаний, традиции и обычаи экипажа и в целом – традиции Подплава. Они знают и могут всё, и караси, только что прибывшие на лодку, смотрят на годков с суеверным ужасом. Годки имеют кучу привилегий, даже по сравнению с подгодками, хотя разница в полгода вроде и не имеет существенного значения. Никто не может подраться с годком, но годок может ударить, и даже избить, если захочет.

Боевой пост штурманских электриков называется «гиропостом». На лодках 629 проекта он был в трюме третьего отсека, прямо под штурманской рубкой. Со штурманом, командиром штурманских, можно было общаться через переговорное устройство «Каштан» или проще – через квадратное отверстие в левом углу потолка, по-здешнему – пОдволока. Слово «гиропост» происходит от слов «гиро» и «пост». В греческом «гиро» обозначает «вращение», а у нас «гиро» – это составная часть слова «гироскоп», обозначающего устройство, с крутящим моментом тридцать тысяч оборотов в минуту. Благодаря гироскопам компАс «держит» меридиан и указывает курс относительно него. Все наши основные приборы содержат это самое «гиро» – гирокомпАсы, гировертикали, гироазимуты, есть и дру-

гие приборы – несть числа, но это основные – они работают на одно – показывать идеальный курс и определять идеальное местоположение лодки для ракетной стрельбы. Это всё называлось системой «Сигма». Приборы с «гиро» обслуживали, как правило, годки, один только их запуск требовал особых навыков и долгих тренировок. Караси работали с более простыми устройствами. Нам с Мишей, как карасям, достались какие-то преобразователи в четвёртом отсеке, да и так, по мелочи: у меня в центральном посту эхолот, да ещё перископ в боевой рубке, у Миши тоже что-то подобное. Тогда думалось, что дослужить до гирокомпАсов – ох как долго!

На Б-136 годки осеннего призыва оказались на редкость интеллигентными. Как потом выяснилось, они даже сообща решили избавить экипаж от множества атрибутов годковщины. Поэтому никто из карасей не орал перед сном: «Дембель стал на день короче, всем годкам спокойной ночи!», и даже проходя через моторный отсек, не надо было отдавать честь «товарищу Дизелю». Не было и множества других более или менее нелепых традиций, они долго оставались ещё в памяти, но со временем просто забылись. Не было и рукоприкладства, никто из этих годков и пальцем не тронул карася. Зато было много чего другого. Они просто подавляли нас своим интеллектом. Шура Лях, наш старшина команды, мало того, что говорил правильно, не так, как мы с Мишей – пролетарская кость – он ещё и вёл дневник! Это было уже чересчур. Однажды, зная, что Шура где-то на базе, мы достали этот злополучный дневник из тайника за кабелями и стали его читать. Помню, об учебке он написал немного пафосно, что она была «мельницей характеров», перемоловшей лучшие качества многих. Лично мне это сравнение тогда не понравилось, как это – «мельница» – мне сразу вспомнился наш старшина смены – невысокий, лопоухий парень – он, что ли «мельник»? Собственно, это был даже не дневник, это мы так назвали, а Шура просто вёл записи обо всём, что происходило с ним и с его годками за три года службы. Что интересно, ничего военного в этих записях не было, или почти не было. Он не писал об автономках, ракетных стрельбах, о погружениях и всплытиях, это были размышления о людях, с кем он служил – моряках, офицерах, всех, с кем свела его жизнь в тесном пространстве подводной лодки. Читать было интересно, тем более что многих из этих людей мы с Мишей знали, только было стыдно, словно мы, читая эти записи, узнавали то, о чём не должны были бы знать. Мы даже не дошли до места, где Шура писал о нас.

Но идеальных годков не бывает. Годок будет годком, даже если он Шура Лях. Годковщина даёт ощущение власти. Каждые полгода службы – это продвижение во власть. Кто-то продвигается с достоинством, кого-то это калечит. Человек раскрывается: в ком-то просыпается педагог, в ком-то кретин, полагающий, что лишний год службы даёт ему право унижать. Был такой Гафур, узбек, вроде. Невысокий, широкоплечий и всегда молчаливый. Кажется, он плохо говорил по-русски. Он зверел, когда выпивал. Как-то в кубрике он тренировал дневального, бросая в него штык-нож от АКМ. Вернее, бросал в стену рядом с тумбочкой дневального, а дневальный не должен был отходить от тумбочки. АКМ-овский нож тупой, он не втыкался в стену и падал к ногам дневального, но пьяному Гафуру хотелось непременно, чтобы он в стену воткнулся, и он раз за разом приказывал карасю-дневальному принести его обратно. У него была любовница в посёлке. Однажды, перепив, он сильно избил её, и в часть не вернулся. Он решил убежать.

Боялся последствий или ещё что. Скорее всего, просто был пьян и не понимал, что делает. Она и не думала на него заявлять. После трёх суток самоволка уже считается побегом, его стали искать. Вся дивизия прочёсывала поросшие лесом сопки, пытаясь его найти. Мы тоже шли в оцеплении и думали, что делать, если Гафур выйдет на нас – он считался опасным. Через шесть суток Гафур вышел сам, к своим годкам. Ему дали два года дисбата, и через два года он возвратился в часть, когда годками уже были мы. Горячие головы предлагали припомнить ему нашу карасиную юность, но вопрос сам собой отпал – это был уже не тот Гафур, которого мы помнили. Мы даже не стали расспрашивать его, как там, в дисбате на Русском острове – было видно. Мы дали ему дослужить спокойно.

А жизнь карася, – это первые полгода на лодке, насыщена событиями. Ему предстоит выучить наизусть все свои обязанности по «Книжке Боевой номер», многочисленные инструкции – дневального, верхнего вахтенного, дежурного по гиропосту, научиться заделывать пробоины, тушить пожар, быстро надевать дыхательный аппарат ИДА-59 или противогаз, и даже курить в этот противогаз, когда лодка находится под водой. Карась ещё мало что знает, и его шпыняют все кому не лень. По большей части, это полезно для него самого, но и обидно тоже. Поэтому карасиная служба полна конфликтов, стычек, обид. Для чего всё это? Традиционный ответ на этот вопрос – чтобы служба раем не казалась.

При всём демократизме годков, нам с Мишей доставалось изрядно. Наверно, мы оба были слишком озабочены тем, чтобы не упасть в грязь лицом. Первые месяцы карася на лодке похожи на дрессировку барана в цирке Дурова. Не знаю, были ли у Дурова бараны, допустим, были. Дрессированный баран никогда не станет человеком, а на корабле через два-три месяца происходит чудо. И вот уже человек-карась бойко, держась только за поручни-леера и почти не задевая балясин, сигает вниз по семиметровому трапу из рубки в центральный пост, не забывая сказать волшебную фразу: «Прошу разрешения в отсек!», с этой же волшебной фразой перелетает через круглые переборки из отсека в отсек, не задев начищенный до зеркального блеска комингс-порог. А главное – перестаёт, в конце концов, биться головой обо все эти железные штуки, во множестве висящие с низкого потолка-подволока. И вообще, через два-три месяца карась знает много такого из жизни подводной лодки, чему не учили в учебке. Но эти два-три месяца... Внимательные глаза подгодков всегда следят, как карась переходит из отсека в отсек, и если он переходит медленно, то процедура повторяется до тех пор, пока скорость перелёта через переборку не становится нужной. Процедура также повторяется, если карась не произнёс волшебные слова: «Прошу разрешения в отсек!» Это не считается унижением, внутри лодки подводник должен двигаться быстро, на автомате, чтобы выжить в критической ситуации. Но мы-то с Мишей считали это унижением! Как-то прыгнув через переборку раза два, Миша заявил оторопевшему подгодку-мотористу: «Сам прыгай, что я тебе, лошадь цирковая?!» Подгодки не были столь демократичны, как годки, но наказания Миша избежал, за него вступился кто-то из друзей Ляха.

Особенно досаждали нам подгодки-китайцы. Китайцы – это ракетчики*, их территория – четвёртый отсек. Век бы там не бывать, но в четвёртом отсеке находились преобразователи, которые мы обслуживали, здесь же находились наши спальные места – коечки, на которых мы спали при выходах в море. Утром мы приходили осматривать свою матчасть, и начинались

* Основным врагом тогда считался Китай.

неприятности. Они поджидали вдвоём или втроём, когда мы сделаем своё дело, а затем протягивали нам щётки с металлической щетиной, чтобы мы ещё и почистили металлические листы под ногами – паёлы, которые мы, якобы, затоптали своими грязными сапогами. Мы считали, что наша обувь не могла нанести такой вред паёлам четвёртого отсека, и дискуссия переставала быть учтивой. Мы отказывались всегда, но чего нам это стоило... Так что от нас, в конце концов, отстали.

Таких стычек было множество, о них даже и не стоило бы упоминать – это рутинная жизнь экипажа, и к ним привыкаешь как к гулу моторов в летящем самолёте. Каждый вырабатывает свою стратегию выживания: кто-то тупо подчиняется, кто-то лезет на рожон. Серёга Трапезников, из команды рулевых, как-то сказал: «Когда боцман приказывает – сделай то, сделай сё – я говорю – Есть! – и иду спать в кандейку за канаты». У нас с Мишей не было такой кандейки, но за нашими плечами был почти четырёхлетний опыт уставных и не очень – отношений речного училища, и наши «белые пароходы с зелёными трубами», бороздившие воды Печоры и Камы. Пусть я работал на небольшом катере, а Миша на 600-сильном толкаче – в нашем воображении они были гордыми белоснежными пароходами, и дым из их зелёных труб был виден даже с берегов Японского моря. Мы гордились нашими «пароходами», и особо тупых подгодков, с Мишиной подачи, стали называть «трактористами». Тракторист – значит, «деревенщина». «Набрали трактористов на флот!» – смеясь, говорил Миша, именно этим объясняя все наши беды, и весь идиотизм нашего карасиного бытия. Не думаю, что Миша и в самом деле испытывал неприязнь к трактористам, но «белые пароходы» были нашим мифом свободы: «Вы, конечно, можете над нами глумиться сегодня, но вам, трактористам, всегда ковыряться в своих грязных и вонючих тракторах, и никогда вам не плавать на белом пароходе с зелёной трубой!» Как будто мало грязи бывало в моторных отделениях наших «белых пароходов»! Но белые пароходы плыли в символическом пространстве священной Реки, куда не было доступа никому, кроме нас, и мы гордились тем, что они были в нашем гражданском прошлом, и, что они ожидают нас в далёком и безоблачном дембельском будущем. Вскоре мы прослыли «борзыми», и, как-то случайно, я услышал, как годок-моторист говорил Шуре Ляху: «Как молодые штурманские пришли, так и наши мотористы стали поднимать голову!» Он имел в виду мотористов моего призыва, и мне стало приятно.

Слыть борзым опасно. Флотская шутка гласит: «Оборзевший салага – хуже иностранного разведчика». Возможно, некоторые салаги и лучше иностранных разведчиков. Но в шутке есть доля истины. Иностранный разведчик опасен, – это враг, подрывающий устои государства. Оборзевший салага – хуже, он покушается на святое, он подрывает устои годковщины. Конечно, если бы мы тогда это понимали, мы были бы гораздо терпимее к ней, ведь нам тоже предстояло стать годками – в конце концов, но, когда ты ещё карась, годковщина кажется вопиющей несправедливостью. Помню, что мы тогда очень наивно полагали, что в конце службы и вспомнить будет не о чем, кроме повседневных неприятностей. И мы очень напрягались, чтобы лишний раз заявить о своей крутизне. И, надо сказать, в этом преуспели. Так, что к концу карасиного срока я чуть не загремел в дисбат. Но это уже другая история.

А пока наш первый серьёзный выход в море, первое погружение. Для карася первый выход в море связан с таким важным ритуалом, как посвящение в подводники. Процедура ритуала не была тайной, о ней нам рассказывали ещё в учебке, причём,

Командир дивизии (в центре) проводит инструктаж офицеров экипажа перед выходом на боевое дежурство.

с такими подробностями, что погружаться не хотелось ни в коем случае. Из этих рассказов я знал, что стандартный ритуал состоит из трёх этапов: при погружении на перископную глубину (двенадцать метров) неофит выходит в трюм и ему подают литровый плафон с водой этой глубины. Процедура повторяется на глубине шестьдесят метров, а затем на глубине сто двадцать метров. Нередко, ради большей торжественности, в трюме подвешивают на каболку-верёвочку небольшую кувалду, обмазанную солидолом, и неофит целует её, перед тем, как выпить глубинной воды – кувалда качается и бьёт по губам.

Нас посвятили как-то очень буднично. Не было кувалды, не было плафона на перископной глубине. На шестидесяти метрах в гиропост постучал один из трюмных центрального поста, полторашник, и позвал нас с Мишей. С нами вышли и все наши, из гиропоста – Лях, Валера Трушков, Коля Турьев. Богданов, старшина команды трюмных, открыл краник, набрал воды в плафон и подал мне. Я стал пить. Вода была холодной, и её солёность почти не ощущалась. Потом мне подали галету, и я закусил. Выпил свой плафон и Миша. Не играл оркестр, никто не говорил поздравительных речей. Лях с Богдановым похлопали нас по плечам – теперь вы подводники! – и мы ушли в гиропост. Но на глубине сто двадцать метров тот же трюмный-полторашник вновь постучал в переборку (дверь) и снова вызвал нас в трюм. Миша почти не ругался матом, но на этот раз он послал трюмного в известное всем место с таким глубоким чувством, что переборка захлопнулась, и нас больше не беспокоили. Шура Лях ухмыльнулся, но не сказал ничего.

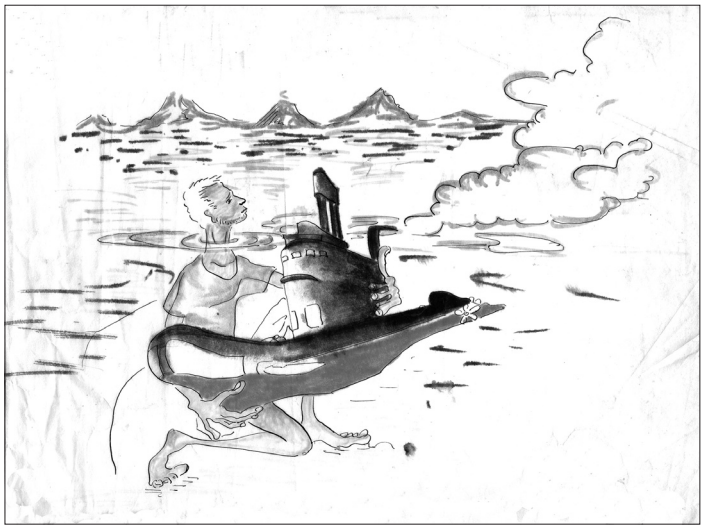
В такой иерархии, как годковщина, борзый карась сильно раздражает. Даже если ты ему симпатизируешь. Не то, чтобы мы не выполняли своих обязанностей или грубили тому же Шуре Ляху. Такого просто не могло быть. Но мы как-то быстро освоились в гиропосту и держались слишком независимо даже для такого либерала, как наш старшина команды. Как-то, после утренней приборки в отсеке, Миша сел на своего конька и сно-

ва запел свой гимн «белым пароходам». Естественно, что я поддержал тему. Мы расположились возле гирокомпасов и устроили трёп, весело гоняя свои «белые пароходы» по Печоре и Каме. Валера и Коля, что-то протиравшие батистовыми салфетками – они заканчивали приборку – молчали. Причина молчания выяснилась, когда с коечки за гировертикалями поднялся Шура Лях. Он был с вахты – ночью проводил ежемесячную проверку работы приборов – регламент. Конечно, он уже не спал, так что мы его не разбудили, он просто лежал в тишине, наслаждаясь последними минутами отдыха. Когда в его дремлющее сознание ворвались наши «белые пароходы», он здорово обозлился. Нет, он не бил нас кулаками по сусалам, не кричал и тем более не размахивал руками перед нашими лицами. Его бешенство было вполне интеллигентным, как и он сам. Он сказал что-то очень нелестное по поводу наших «белых пароходов» и их зелёных труб и решил отправить нас в ссылку в моторный отсек – убирать грязь под паёлами. Мы не содрогнулись. Он вышел из гиропоста договариваться с мотористами, а я сказал, что это работа по нашей гражданской специальности – в продолжение темы «белых пароходов». Миша согласился – дизельная грязь его не пугала. Шура вернулся вскоре и вывел нас в Центральный пост. Нет, в шестой отсек мы не пошли, у мотористов не было достойной нас работы – своих карасей хватало. Шура вывел нас во второй – аккумуляторный отсек и оставил годку-электрику. И вот, взяв в руки куски ветоши, мы спустились в святая святых лодки – к аккумуляторам.

В надводном положении лодка ходит на дизелях. Они же работают на генератор и заражают аккумуляторные батареи. Эти батареи и питают электродвигатели, на которых лодка ходит под водой. Каждая такая батарея весит полтонны, в отсеке их больше двухсот, они занимают всё пространство нижнего яруса отсека. Аккумуляторных отсеков два: второй и пятый; мы попали во второй. А велено было нам протереть все аккумуляторы от пыли. Вообще, в лодке борьба с пылью – дело обычное. Этим занимаются все, включая годков и офицеров, батистовую салфетку нам вменялось носить в кармане, чтобы в случае чего её не искать. Но аккумуляторы – это не наши приборы. Пришлось залезть на ряды батарей, и, передвигаясь на четвереньках, протирать их ветошью. Было очень пыльно, жарко, вдобавок било током – несильно, но неприятно. Провозившись с час, мы поднялись в отсек, и его спёртый воздух показался нам утренним морским бризом. До сих пор не знаю, протирают ли электрики эти батареи сами или это было только для нас придумано, но всё равно, спасибо Шуре, иначе, как бы мы познакомились с аккумуляторами так близко.

Осенью, где-то в октябре, Шура уходил на дембель. Он пробыл целый день с нами в гиропосту, как всегда рассматривая схемы. Наконец, он закрыл папку, это были схемы приборов «Сапфир» и сказал: «Всё, я изучил все приборы системы «Сигма». Теперь можно начинать служить». Он надел свой старый бушлат – возле воротника была аккуратно заштопанная дырочка – когда-то прожёг сигаретой. Шура был прагматиком и считал, что на дембель сгодится и старый бушлат, не носить же его на гражданке. Все готовили на дембель новые бушлаты, а Шура уходил в старом. Он попрощался с нами, улыбнулся и вышел из гиропоста.

Зимой наш экипаж вступил в боевое дежурство. Мы сходили в автономку и уже не считали себя карасями. С весеннего приказа мы становились полторашниками, и нам уже можно было бы отпускать усы. Но случились события, разом



изменившие мою флотскую жизнь – перевели в другой экипаж.

С Мишей мы иногда говорим по телефону. Я слушаю его голос и не могу представить его другим. Наверно, теперь он матёрый мужик, у него взрослые дети и куча внуков. Но для меня он всё тот же весёлый темноглазый парень, спросивший: «Откуда ты знаешь этот язык?» Что бы я делал тогда, без его «белых пароходов»?

Во всём виноват Стендаль

Читать книги и рисовать я любил всегда. В школе рисовал стенгазеты, дома – отец научил рисовать по клеткам – разные красивые картинки. От рисования я отрывался – только чтобы почитать. Мать ворчала – читаешь, читаешь, будто от этого есть какой-то толк. Мать работала экономистом в конторе леспромхоза, но в душе оставалась удорской староверкой и считала, что полезно читать только духовные книги. Когда мне было лет восемь, она, на всякий случай, научила меня читать по-старославянски по старинному рукописному «Азбуковнику» – он потерялся где-то во времени. Отец говорил: «Ты читаешь только беллетристику, есть и другие книги». Я не знал, что такое беллетристика и стеснялся его спросить, но слово запомнил. Потом меня удивляло, откуда знал его отец? До войны он окончил семь классов и ремесленное училище по специальности «кузнец», были ещё какие-то курсы шофёров. Но он понимал поэзию, читал Блока, знал ноты – играл на аккордеоне, трубе, ударных – может, до войны образование было иным или его всему научил ГУЛАГ? Я так и не спросил его об этом. Всю свою школьную жизнь я рисовал и читал, а в речном училище научился пить водку – и даже очень.

Все три эти страсти были при мне, когда я ехал в эшелоне на Дальний Восток – служить срочную. Все долгие двенадцать суток пути до Владивостока мне больше всего хотелось холодного сухого вина – только один стакан – но вина не было, читать было нечего, а о рисовании я и не помнил. В Экипаже нас распределяли – кого на флот, кого на берег – кому как повезёт. Ходили широкоплечие морпехи в облегающей чёрной форме – чёрные береты чудом держались на бритых затылках. Они искали художника. Казалось бы – вот оно, везение, надо было только сказать – я рисую! – и только два года службы. Но я не считал себя большим художником и промолчал. Поэтому я не стал морпехом и попал на три года в Подплав. Зато в 51-м Учебном отряде на вопрос – у кого хороший почерк – я, неожиданно

для себя, сознался – у меня! – и старшина смены с удивительной фамилией Сугак дал мне в руки классный журнал, сказав, что отныне я журналист. Это значило, что я должен буду целыми днями носить журнал, ежедневно заполнять его, аккуратно записывая фамилии и выставляя отметки. В конце концов, за восемь месяцев учебки я привык всюду ходить с этим журналом, и когда его лишился – долго не знал, чем занять руки. Но я ещё и рисовал, причём, рисовал много – всё больше в дембельские альбомы годкам-старшинам. Это давало кое-какие привилегии – иногда меня освобождали от занятий, и я сидел в каком-нибудь кабинете – один и просто рисовал какие-то картинки – военно-морской лубок – длинноногая девушка в коротком платьице машет рукой плывущей бригантине, широкоплечий моряк терзает струны гитары на морском берегу, разного облика Нептуны и русалки – те же обнажённые девушки с рыбьими хвостами, а также подводные лодки всех мыслимых проектов. Эти картинки затем переводились на кальку – её клеили в дембельские альбомы между страницами с фотографиями. Особенно нравилось годкам, что я пишу старославянским уставом – в Советском Союзе этот шрифт почти не знали. Однажды, уже почти в конце учебки, годки принесли мне бутылку вьетнамского ликёра – гонорар за труды. После отбоя мы вчетвером – Миша Мальцев, Гена Соловьёв и Лёша Рыбаков – остались в курилке и из горлышка – с удовольствием – осушили бутылку. Нам не показалось мало – мы были пьяны – даже не от ликёра, а от ощущения свободы – мы словно побывали на гражданке. Старшина Сугак, конечно, всё понял по нашему развязному виду, он был хорошим старшиной и хотел нас добросовестно наказать, но годки, столовавшиеся в соседнем проходе между коечками, неожиданно приказали ему подойти к ним – он был только полторашник – и, заставив его выпить полкружки водки – отправили спать, без вариантов.

Прибыв в дивизию, я твёрдо решил забыть о рисовании – плевать я хотел на чужие дембельские альбомы. Этот спонтанный вызов стоил дорогого – я зажил полноценной жизнью карася, вдоволь хлебнув годковщины, приборок, инструкций и прочих неприятностей... Но нельзя думать, что жизнь карася сплошь замешана на полнейшем бесправии. Карась на Лодке – это будущий годок, и отношение к нему похоже на отношение к младшему брату в большой крестьянской семье – его не наказывают, а учат. Или учат, наказывая. Но я не помню, чтобы над карасём издевались. Мы обменивались фильмами с соседней стройбатовской частью. Однажды меня послали отнести им две коробки просмотренных фильмов и взять что-нибудь взамен. В казарме шла приборка – молодые мыли пол очень неумело, размазывая по полу грязное месиво. Какой-то сержант-дед не выдержал, и, отобрав у молодого мокрую грязную тряпку, стал яростно драить ему лицо. Пилотка слетела на пол, а грязная вода стекала по лицу, по ушам – на погоны гимнастёрки, за воротник – по шее, а он стоял молча, даже не утираясь. Я стал свидетелем каких-то просто нереальных отношений. У нас такого и быть не могло.

Но я уже нашёл путь в библиотеку, у меня появилось свободное время – мало, только «адмиральский час» после обеда – час, когда мы, караси, были предоставлены сами себе. База в Ракушке находилась почти в раю – бухта с романтичным женским именем Ольга, сопки, море, экзотические деревья – кажется, маньчжурский орех – мы тогда вряд ли думали о красоте. Адмиральский час каждый тратил как мог: кто-то убегал куда-нибудь в кусты – лето! – поспать, кто-то бежал стирать робу – лето! – роба высыхала за час – кто-

В курилке читаем книги. Слева направо: Н. Козин. В. Кремлёв и рассказчик.

то, просто сидя на скамеечке, курил, а я забивался в какой-нибудь укромный уголок – и читал! Вскоре мне уже не хватало адмиральского часа, книги действовали как наркотики – я стал читать где только мог. Роба подводников – это куртка, она носится навыпуск, а не заправляется в брюки, как фланелька, книгу я вкладывал под брючный ремень и так ходил целый день, втягивая и без того впалый живот. Улучив момент – в курилке ли – в гиропосту – в гальюне[2] – или где ещё – пусть хоть две минуты – я доставал из-под ремня заветную книгу и читал. Я умудрялся читать на дежурстве – дневальным в кубрике-казарме и на так называемой «верхней вахте» – на палубе лодки с карабином Симонова на плече. Я понимал, что нарушаю все инструкции и Уставы, но остановиться не мог – я был одержим чтением. «Вылечил» меня наш боцман, Ринат. Однажды он застукал меня за чтением «на тумбочке» дневального. Книгу боцман вернул после дежурства, а я заработал штрафные очки. Это означало, что через сутки после наряда дневальным я заступлю в наряд верхним вахтенным. Надо же было случиться, что на построение на дежурство я пришёл с книгой за пазухой и злополучный боцман её обнаружил. Я дочитывал собрание сочинений Карела Чапека – это была «Война саламандр» – я так её и не дочитал и не знаю до сих пор – люди победили саламандр или наоборот. Ко всему прочему, я боцману нагрубил, по-пролетарски, матерно. И свободного времени у меня просто не стало. Меня ставили в наряд дневальным, а сразу после этого – верхним вахтенным – так раз пятнадцать. Спать между вахтами удавалось, но не более трёх-четырёх часов. Я научился спать стоя – в казарме

[2] Гальюн – туалет.

возле тумбочки, ночью на верхней вахте – пристёгиваясь ремнём к лееру вокруг рубки – чтобы не упасть за борт. Я спал даже на ходу – когда из кубрика строем шли на пирс, к лодкам. Кроме того, вместе с рулевыми моего призыва – Серёгой Трапезниковым и Володей Бабиковым – их боцман держал в чёрном теле – я славно потрудился и на лёгком корпусе лодки.

Рулевые-сигнальщики и штурманские электрики – это одна боевая часть – БЧ-1. Боевой пост штурманских – гиропост, рулевые при выходах в море сидят на вертикальных и горизонтальных рулях, кроме этого в их ведении и весь корпус лодки. Лодка должна быть чёрной, но металлический корпус ржавеет от воды, краска шелушится, и рулевые постоянно чистят корпус от ржавчины и подкрашивают его. Краску счищают металлическим скребком, затем грубой металлической щёткой, насколько возможно – удаляют ржавчину, после этого зачищенное место закрашивают свинцовым суриком, разведённом на лаке этиноль, а затем красят чёрным битумным лаком. Обычное дело, молодые штурманские часто работают на корпусе с рулевыми, правда, наоборот – никогда. Лодка – длиной 102 метра. После любого выходя в море на корпусе огромное количество ржавых пятен – больших и поменьше – есть где разгуляться скребку и щётке, все они требуют внимания и трудовых мозолей. Так что о книгах я на время забыл.

Всё когда-то кончается. Пришла долгожданная осень, и боцман Шакиров спецрейсом улетел на дембель. Я стал полторашником и уже служил в другом экипаже – на Буки -139. Полторашник не карась. Ему можно ушивать робу и отращивать усы. Можно бегать самостоятельно на зарядку – за час до подъёма – по дороге через сопку – километров пять и, искупавшись в море, вернуться к общей зарядке экипажа. Я мог читать книги теперь уже открыто, хотя по-прежнему таскал их под робой. Когда в курилке я доставал из-за пазухи очередную книгу – кто-нибудь уважительно спрашивал:

– Кто этот Гофман?

– Да так, писатель один, немец.

– А-а...

То, что я прочитал книжку Гофмана в серии «Классики и современники» – не значит, что я любил классику. Боюсь, я тогда и слова такого не знал, и вообще, читал всё, были бы буквы. На гражданке – в библиотеке ли, в книжном магази-

На «бочке». Экипаж ловит камбалу.

не – я мог часами ходить между полок с книгами, брать их – одну за другой, читать что-то – не запоминая, не погружаясь даже в прочитанное – перелистывать страницы, вдыхая несравнимый ни с чем аромат книг – смесь книжной пыли с запахом типографской краски. Не скажу, что всё мной перелистанное было также и прочитано. В классе пятом я «перелистал», и не однажды – «Записки Пиквикского клуба» и «Сагу о Форсайтах» – так и не решившись взять домой. Другое дело – Джек Лондон, Герберт Уэлсс или Вальтер Скотт – я глотал их собраниями сочинений. В дивизии была довольно хорошая библиотека. Надо сказать, что моряки читали, и читали прилично – так что на дополнительном столике возле стола библиотекаря громоздились штабелями только что прочитанные книги – главным образом военные бестселлеры писателей-фронтовиков, а также немногочисленные в то время детективы и фантастика. Менее читаемые книги стояли в стеллажах – в традиционном распределении на полки с русской литературой, советской и зарубежной. Среди них были и знакомые мне Диккенс с Голсуорси, и я пролистал их в очередной раз. Самые ценные книги, в том числе и новые поступления – хранились в книжных шкафах со стеклянными дверками – как раз за спиной женщины-библиотекаря, и эти книги выдавала она сама лично, ревниво оберегая заветные шкафчики от шаловливых рук моряков. Но она беспокоилась напрасно, стоявшие в шкафах собрания сочинений Достоевского или Пушкина мало кого интересовали, в том числе и меня. Обычно я пролистывал только что сданные книги, переходил к стеллажам и зависал, насколько было возможно, что-то читая.

Как-то раз лодка стояла на «бочке» – в миле от пирса – для обычного профилактического размагничивания корпуса. Когда лодка на «бочке», экипажу почти что нечего делать – это же не выход в море. В гиропост спустился боцман – главный старшина Паршаков. Не помню, с чего начался разговор – в нём участвовали наши годки – старшина команды Егоров и комод[3] Колмаков, и я не особенно вникал – читал что-то, как всегда. Но какие-то отдельные фразы проникали в сознание, и я невольно прислушался. Говорили о каком-то Леонардо да Винчи – то ли изобретателе, то ли пророке – толком о нём никто ничего не знал. Не знал и я, но вспомнил книгу, в которой как раз говорилось об этом Леонардо да Винчи – перед «бочкой» я листал её в библиотеке.

Книга лежала там же, где я её и видел – в середине стопки прямо на столе библиотекаря. Это был цвета охры, приличной толщины томик из собрания сочинений какого-то Стендаля – этого писателя я не читал. Книга называлась «История живописи в Италии» – в начале я хотел прочитать только место, где говорилось о Леонардо да Винчи – книга вдруг оказалась интересной, и я её взял. Наверное, я мог бы стать неплохим штурманом: закончил бы Дальневосточное морское училище и ходил бы всю свою жизнь по морям, мог бы даже остаться мичманом на лодке – я неплохо разбирался в наших приборах, – но у меня в руках оказалась «История живописи в Италии», и всё полетело вверх тормашками – я провалился в кроличью нору и очнулся в удивительном мире, где сияли два солнца – итальянское Возрождение и Стендаль. Ещё удивительнее было то, что этот мир не казался мне чужим – словно я не узнавал, а вспоминал забытое. Узкие улочки Флоренции, мастерская старого Верроккьо – юный Леонардо пишет своего ангела на картине учителя, вот он уже взрослый, бородатый – пишет портрет Чечилии Га-

[3] Комод – командир отделения.

лерани – её слух услаждают лучшие музыканты города, а вот Леонардо рисует эскизы к фреске «Битва при Ангьяри» – мне они особенно нравились – гений ли это Стендаля – я не очень верю в реинкарнации, но никогда и нигде больше я не ощущал свою причастность к эпохе и к этой стране так остро, как тогда, когда читал «Историю живописи в Италии». Спустя многие годы я был в Болонье. Проснувшись ранним майским утром, я вышел из гостиницы и вдохнул тёплый итальянский воздух – ещё и ещё! – я дышал воздухом, которым когда-то дышали герои той самой книги из прошлого. Я шёл по старым улочкам Болоньи – по пути было много церквей, и я заходил во все. Вместо икон стены храмов были украшены картинами мастеров Возрождения – где-то я даже видел Рафаэля – у меня вновь возникло ощущение узнавания, но может быть, мне вспомнилось прочитанное у Стендаля? – я не очень верю в реинкарнации.

Теперь я знал, кем был Леонардо да Винчи, и рассуждения годков казались наивными. Но делиться своими знаниями желания не было, да и после весеннего приказа наши годки ушли на дембель. Мы с Володей Кремлёвым – штурманским моего призыва в одночасье стали подгодками – самыми старыми в гиропосту. Штурман, каплей* Алексеев, назначил Кремлёва старшиной команды, ну а я стал комодом. Ответственность за сложные системы приборов не пугала, если мы и не знали всех схем, то управлять приборами, проводить регламентные работы – мы умели. Зато теперь мы царствовали в гиропосту – мы владели шилом[4], который выделял штурман для чистки приборов – мы даже его и не пили – сливали в какую-то фляжку с надписью «Яд» и изредка подливали его в чай с вареньем из лепестков роз. В нашем кондиционере снималась панель, а за ней всегда лежала сырокопчёная колбаса – из соседней с гиропостом «Провизионки», где хранилась еда для выходов в море. Было много всего ещё из привилегий годковщины, но главное не это – теперь мне было куда нести свои книги и где их читать.

К тому времени я прочитал уже «Пармскую обитель» Стендаля и принялся за «Красное и чёрное». Потом взял в библиотеке университетский учебник по истории Западной Европы XIV–XVI веков и проштудировал всё, что касалось Италии. Стендаль мне нравился больше – он был интереснее и информативнее. Тогда же мне в руки попала толстенная книга по истории итальянского Возрождения – названия я уже не помню, но она была полна замечательных иллюстраций – я воочию увидел всё, описанное Стендалем. И я стал рисовать. Вернее, копировать. Или перерисовывать? Я перерисовывал карандашом на куски ватмана мадонн Леонардо и Рафаэля, Сивилл Микеланджело, какие-то фигуры из картин Боттичелли – стараясь добиться максимального сходства. Конечно, не получалось. Но даже и то, что после долгих мытарств оставалось на бумаге – вызывало трепет у окружающих. Тогда мне и посоветовали попробовать себя в «пластике». Чёрно-белая графика на пластике была чрезвычайно популярна в дивизии. Пластиковыми панелями на базе обивались какие-то подсобные помещения – не надо красить – помыл и всё. Такая панель распиливалась на прямоугольники, форматом примерно 30х20 – на них-то и «выцарапывалась» гравюра – в среде моряков считалось, будто картинки выцарапываются на чёрном пластике иголкой. Я нашёл одного умельца, кажется, он служил на базе – он развеял миф об иголках. Пластиковую панельку зачищали шкуркой-нулёвкой, затем покрывали чёрной тушью. Когда тушь высыхала, на неё

[4] Шилом у подводников называется спирт.

* Каплей – капитан-лейтенант.

Мы с Кремлёвым в гиропосту. Автономка. Мы в разухах.

через копирку переводили с кальки рисунок. Рисунок процарапывали, но не иголкой, а специальным резцом, сделанным из стальной пилки по металлу, и только после этого резали весь рисунок. Кто-то штриховал косыми линиями – получался объём, а также и тот эффект царапанья иголкой; кто-то резал рисунок сплошной широкой линией – получались полутона – нужна была уверенная сильная рука, чтобы вышло красиво. Ни тот, ни другой вариант меня не устраивали. Первый – потому что всегда получалось несколько примитивно, а второй – из-за эффекта негатива – чёрное и белое на таких картинках менялись местами. Я стал резать по-другому – чтобы белое было белым, а чёрное чёрным, как на позитиве, оставлял полутона, а наиболее тонкие места оттенял карандашом «Стеклограф». Это было моё ноу-хау – так в дивизии не резал больше никто, тем более, что из-под моего резца выходили, пусть несовершенные, но – копии мадонн итальянских художников, а не традиционные русалки, подводные лодки и дельфины. Я стал работать и в цвете – красок не было, но были фломастеры. Фломастер на пластике сохнет не сразу, есть возможность его размазать. Я наносил на рисунок разноцветные точки и размазывал пальцем – как Тициан у Стендаля – и каким-то чудом добивался нужного цвета – телесного на лице и руках или оттенков на одежде. Добавлял оттенков и своим волшебным карандашом «Стеклограф». Когда картинка высыхала, я покрывал её лаком – красота!

Как подгодки, мы с Кремлёвым несли вахты только в гиропосту – у нас не было уже никаких верхних вахт, тем более дежурств на базе, в кубрике. Менялись через сутки – ночь спишь в кубрике, ночь на Лодке, в гиропосту. Никакого напряга в этом не было – это же

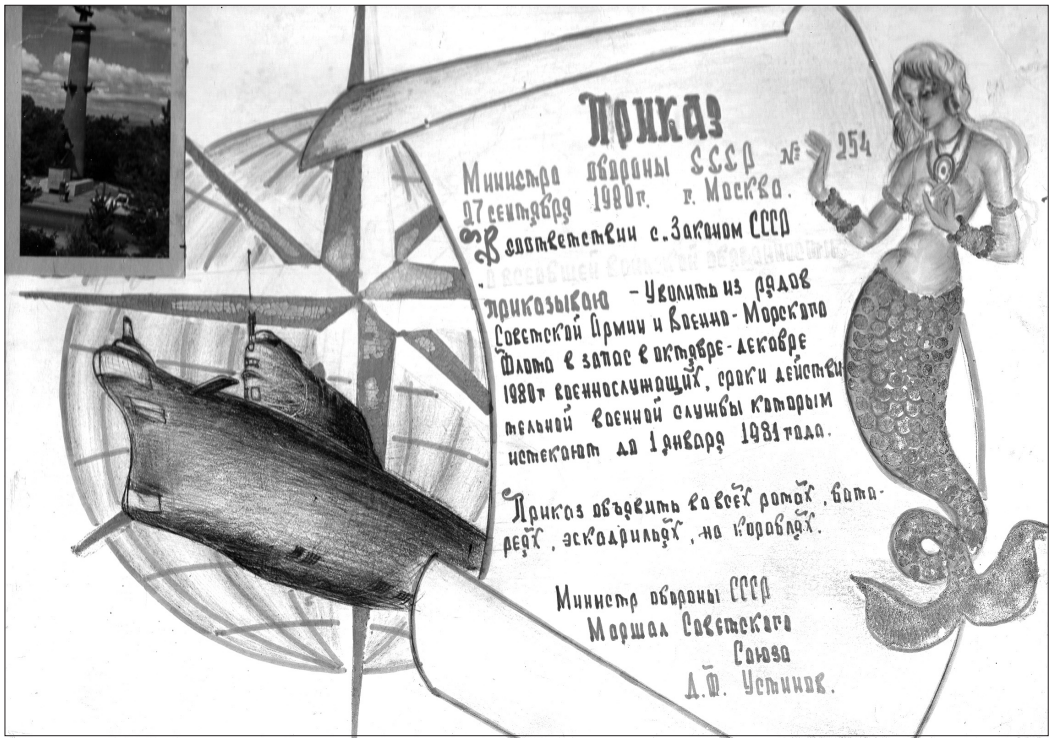
не верхняя вахта через день – просто с пяти часов вечера и до утра вахтенный гиропоста занимался своими делами – если, конечно, не было регламентных работ[5]. Кремлёв на вахте готовил к дембелю всякую морскую живность – крабов, морских ежей и звёзд – он их вымачивал в формалине, потом как-то сушил и покрывал лаком – тоже занятие. Я читал и рисовал. Вернее, чередовал рисование с чтением. Я уже прочёл почти всё собрание сочинений Стендаля, причём, видя моё читательское усердие, библиотекарша раскрыла предо мной заветный шкафчик со стеклянной дверкой – я был первым читателем книг из новенького собрания сочинений Стендаля. Впрочем, вскоре я убедился, что и «Братьев Карамазовых» до меня ещё никто не раскрывал. Интуитивно я перешёл от Стендаля к Достоевскому – наверное, близкие по духу писатели сами мистически подталкивают читателя один к другому – позднее, уже на филфаке, я где-то прочёл, что близкими по духу считал их и Зигмунд Фрейд, полагая, что многое взял у них в области психологии личности. Я остервенело читал всё подряд: Шекспира, Пушкина, Бестужева-Марлинского, Сервантеса, индийские мифы, Байрона, книги о происхождении языков и о платоновской Атлантиде, о русской Аляске и об антропологии – мне было интересно. Мне нравился Лермонтов – не тот, из хрестоматий и школьных учебников, а юный Лермонтов, ещё без пьедестала, писавший немного хулиганские стихи и этим похожий на Есенина. Как-то, заучивая наизусть стихотворение «Девятый час, уж поздно, близ заставы...», я вдруг понял, что его ритм совпадает с размером блатной песни. Вскоре я уже выводил гнусавым блатняком:

«...грудь полная иль гибкий, гибкий стан,
Или большие очи, но порою –
Всё это не зовём мы красотою:
Уста без слов любить никто не мог,
Взор без огня – без запаха цветок!»

Наверное, сегодня это и показалось бы забавным, но тогда никто даже и не улыбнулся – стихи Лермонтова завораживали даже в таком исполнении. Ещё я рисовал. Много. Я рисовал на разухах[6], на обратных сторонах дембельских гюйсов[7], в дембельских альбомах своих годков – я рисовал традиционные дембельские сюжеты, но с заметным ренессансным акцентом. Моё знакомство с искусством итальянского Возрождения требовало выхода и находило его. Традиционному военно-морскому Нептуну я рисовал голову кричащего солдата из «Битвы при Ангьяри» Леонардо и мускулатуру микеланджеловских атлетических фигур из Сикстинской капеллы. Очень удачно получались подводные лодки нашего 629-го проекта, плывущие на фоне земного шара и розы ветров – не меньшую популярность снискал и мускулистый Нептун, распятый на той же самой розе ветров. Головы мадонн для полуголых русалок не годились – я брал фактуру из каких-то индийских фресок – не «Камасутра», но полуобнажённые индийские красавицы с чешуйчатыми рыбьими хвостами – в паре с хорошо развитым Нептуном – выглядели в дембельских альбомах оригинально. Конечно, всё это занимало уйму времени, и во время дежурства в гиропосту на сон у меня оставалось не больше двух часов. Как ни странно, но мне этого хватало.

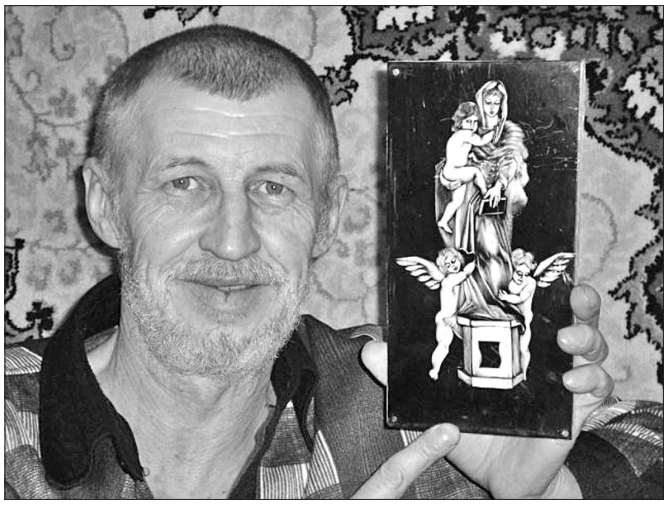
Ближе к дембелю я стал всерьёз заду-

[5] Регламент, регламентные работы – ежемесячная проверка работы приборов.
[6] Разуха или разовая одежда – хлопчатобумажные трусы и майка с рукавами. Выдавалась в автономном плавании, когда температура в ПЛ доходила до 50–60 градусов С.
[7] Гюйс – форменный воротник моряка.



Последняя страница дембельского альбома.

мываться о своём будущем. Перспектив хватало. Можно было мичманом на Камчатку – ещё десять лет службы и пенсия в 32 года, куча денег, квартира и машина. Можно было на подготовительное отделение Бауманского института в Москве. Можно было, но не хотелось. Хотелось стать иллюстратором или историком. Я написал заявления в Полиграфический и Историко-архивный в Москве. Пришли положительные ответы – звали. Ещё хотелось в Сингапур. Очень хотелось. Перед самым дембелем меня отпустили в Находку – я надумал идти работать на траулер Базы активного морского рыболовства. И учиться заочно на штурмана во Владике. За одну поездку я ничего не решил – нужно было приехать специально, чтобы пройти медосмотр. После этого меня бы приняли и дали подъёмные – немыслимая сумма в 600 рублей маячила как жирный червячок на крючке рыболова. Я клюнул, но сорвался – через день из Артёма летел спецрейс в Казань – улетал мой друг, радиометрист Коля Козин. Я решил – мой траулер меня подождёт – полечу домой без подъёмных – ну наскребу же я денег на обратный билет. Мы счастливо приземлились в Казани, хорошо погуляли в родном Колином Канаше, и вот я в Муфтюге, засыпанной ноябрьским снегом. Дембель вызвал к жизни и третью мою страсть – начиная с Казани я забыл, что значит быть трезвым. Отец дал мне денег – на билет – поездом до Владика хватало. Я прилетел в Сыктывкар на рейсовом Ан-2 и спокойно зашагал в сторону железнодорожного вокзала – пользоваться автобусом мне тогда и в голову не приходи-



Мадонна на пластике – из тех лет.

ло. Когда мне повстречался Валера Бобер, приятель по речному училищу – сердце моё ёкнуло. Я очухался через несколько дней и понял, что до Владика мне уже не доехать – в кармане оставалось рублей тридцать. Валера спрашивал – куда ты теперь? – ещё точно не понимая зачем, я надел парадную фланельку, дембельские клеша на 54 сантиметра внизу, чёрный бушлат и, лихо заломив бескозырку на затылок – двинулся в сторону университета.

Каждые пять лет мы собираемся в Печоре. Мы – это наш выпуск речного училища 1977 года. Многие из моих однокурсников теперь уже на берегу, но почти все они ходили по рекам и морям – некоторые в морях и теперь. Все были капитанами, механиками – кроме меня. Я среди них один – филолог. Моя филологическая карьера сложилась удачно: я научный сотрудник РАН и журналист. Но когда мы встречаемся своим курсом – мне бывает немного грустно. И когда меня спрашивают, как я стал филологом – я рассказываю историю о том, как встретил Валеру Бобера – судьба! Но в глубине себя я знаю, что во всём виноват Стендаль.

Разуха не дембель.

Андрей Канев

Андрей Валерьевич Канев родился 3 марта 1963 года в пос. Ачим Княжпогостского района Республики Коми. Окончил Московскую среднюю специальную школу милиции, филфак СГУ, аспирантуру ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Заслуженный работник Республики Коми. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, Российской Академии военно-исторических наук, член Союза писателей России и Союза журналистов России, лауреат нескольких Всероссийских литературных конкурсов и премий, Государственной премии Республики Коми в области литературы имени И.А. Куратова. Подполковник внутренней службы в отставке. Ветеран боевых действий, имеет государственные и ведомственные награды. Ответственный секретарь Коми отделения Всемирного русского Народного Собора.

Стихи и проза переводились на английский, немецкий, венгерский, белорусский, украинский и языки народов России, публиковались в центральных и региональных журналах «Российская литература», «Дон», «Невский альманах», «Спутник», «Медный всадник», «Наш современник», «Московский вестник», «Крещатик» (Берлин), «Север», «Муза», «Преступление и наказание», «Литературный Кисловодск» и других. Автор двадцати книг прозы, стихов, литературной и театральной критики, научной монографии «Художественное воплощение темы ГУЛАГа в литературе Республики Коми второй половины XX века», документальной книги «Нам выпала судьба служить в ОМОНе», романа «След Ночного Волка» («Эксмо»-2008).

Живёт и работает в Сыктывкаре.

Для каждого человека его студенческие годы являются очень значимым куском жизни, именно той стартовой дорожкой, которая и позволяет выйти в большую самостоятельную жизнь. Так случилось и в моей жизни. Поступил в 1980-м году на филологический факультет Сыктывкарского госуниверситета тогда, когда только исполнилось 17 лет, после окончания Корткеросской средней школы. С детства сочинял стихи и мечтал поступить на филфак университета.

Первые свои литературные опыты показал в официальном студенческом литературном объединении, в котором участвовали молодые преподаватели филфака и студенты старшекурсники, за какие-то строки похвалили, за какие-то поругали... Побывал я всего лишь на одном занятии этого литобъединения и после того, как получил вердикт, что я совсем не умею писать, больше туда не появлялся. Особенное впечатление на меня из преподавателей произвёл латинист Виктор Воробьёв, а из студентов историк Дмитрий Нэсанелис, писавший тогда, как мне показалось, очень мутные своей непонятностью фантастические рассказы...

Настоящей литературной школой для меня стало именно «неофициальное» сту-

денческое литературное объединение, которое нами же и было названо странным для северов экзотическим словом ПИТОН.

Никогда не забуду, как собирались мы «тёплой» компанией в одной из комнат для занятий на этаже в универовской общаге по «Коммуне» и читали свои произведения, обсуждали их, спорили, незлобно ругались. Особенно яркими личностями тогда блистали: Иван Медведев, Евгений Козлов, Александр Чувьюров (в просторечии Маэстро), Павел Лимеров, Сергей Сулковский, Евгений Карпов, Григорий Спичак, Олег Уляшев, Борис Величко... Насколько помню, девушек в тогдашнем нашем сообществе не было. Собирались раз в неделю только парни, причём, обязательным условием, или, даже можно сказать пропуском, на эти «несанкционированные» литературные сборища был принос, помимо рассказа или подборки новых стихов, полулитровой ёмкости с вином. Там же однажды «из-под полы» я впервые получил полуслепую машинописную перепечатку повести запрещённого тогда диссидента Александра Солженицина «Один день Ивана Денисовича».

Вот так за чтением своих произведений и за стаканом вина у юных писателей и поэтов оттачивалось литературное слово. Самым старшим из нашей компании был тогда уже поработавший и послуживший на флоте Павел Лимеров, который обычно в обсуждениях брал слово последним и будто бы подводил итог всему сказанному, вынося вердикт: поэт перед нами или так себе, стихи он прочитал или ахинею. Паша пользовался среди нас непререкаемым авторитетом.

Именно на ПИТОНе были обсуждены две моих самых первых «повести», как мне нравилось тогда называть эти, как сейчас уже понимаю, достаточно тягомотные своей излишней растянутостью, рассказы «Тридцать восьмой, расчёт окончен...» и «Котёнок на снегу». Повести были написаны о любви. Первая о любви школьной, вторая о любви студенческой. Первая была написана почти документально из моей собственной жизни, а вторая (какой у меня ещё был опыт студенческой любви в 17–18 лет?) представляла из себя смесь фантазии и нереализованных желаний. Естественно, вторая была забракована сразу, а вот над первой мне было предложено поработать как следует...

Вот так и теперь «как следует», выполняя заветы ставших родными мне со временем «питоновцев», я и работаю по сей день над стихами и прозой...

Трое в лодке

(рассказ)

Страна тяжело выкарабкивалась из военной колеи, когда всё для фронта, всё для победы отдай и не греши. Сейчас на втором году после победного мая легче жить не стало, зато попривыкли уже к тому, что радио перестало передавать сводки «Совинформбюро» о молниеносных победах Красной Армии, а стало рассказывать о победах в битве за урожай. Где только тот хлебный урожай, и когда ещё он доплывёт на баржах до далёких коми деревень. Вот местные мужики и не надеялись на госпоставки, а сами добывали пропитание своим семьям. Пробивались кто рыбалкой, кто охотой, лесными дарами, да матушкой-картошкой со своего невеликого надела.

Эх, заладилась рыбалка в это утро. На реке ни ветерка, ни ряби. Солнце вот-вот выглянет из-за ивовой кипени над спокойной водой. Только чайки нарушают предутреннюю тишину на тихой северной речке. Орут, как торговки в базарный день. Да ещё плещут сетями рыбаки.

Их в лодке трое, все, как на подбор, ладные северные мужички, русоволосые, да круглолицые, руки длинные, ухватистые, к работе привычные. Сидят в лодке и выбирают поставленную загодя с вечера сеточку красными от холодной воды пальцами. Радуются богатому не заветренному улову. Тут тебе и подлещики, и сорожка, и окуни-краснопёрки. Выберут сетку, с часик поудят блесной бестолковых по малолетству щурят, да и в соседнюю деревню чуть ниже по реке менять улов у местных баб на мыло, соль, керосин, спички и свечи. В общем, на всё то, что в «Сельпо» днём с огнём не сыщешь, а в закромах ещё с довоенных времён припасено.

Звали мужиков по-простому, одного Иваном Кутькиным, второго Петром Изъюровым, а третьего Фёдором Кыневым. Были они в возрасте все погодки, старший Кутькин был в импровизированной рыболовецкой артели за вроде бригадира. Покрикивал на мужиков и всё больше веслом лодку по реке правил.

– Федька, ты гляди сетку не запутывай, а клади её аккуратно, воланами один за другим... А ты, Петруха, рыбы-то сортируй сразу, что нам, а что на мену...

Мужики в ответ молчали, только незлобиво пыхтели и посапывали от натуги. Да и, вообще, чего на жизнь обижаться, живыми с войны вернулись и то ладно, а что Ванька глотку почём зря стал драть и чаек распугал, так то ничего, горластый он просто.

Деревенька Пазы-юр стояла на пологом берегу Вой-ю, перекатистой на мелководных галечниках реки и глубокой омутами, где течение становится ленивым и размеренным, как речь напарившихся в бане баб. Туда-то и направились удачливые рыбаки выменивать свой полуживой ещё, серебрившийся в лучах поднявшегося над землёй солнца товар.

Гребли шустро, лодка по течению шла ходко. Изъюров с Кыневым работали вёслами на совесть, а Кутькин, перебравшись с кормы на нос, изредка прикладывал ладонь козырьком к бровям и всматривался против солнца в лесистые берега – скоро ли появится Пазы-юр.

Не прошло и получаса, как лодка ткнулась в жёлтый песок, то тут, то там пересыпанный мелким ракушечником. Рыбаки так и остались в лодке, прикрыв плащ-палаткой припасённую для собственного хозяйства часть улова и разложив остальной товар лицом для выгодного обмена. Местные мальчишки, рыбачившие тут же неподалёку на полоскальных мостках пескарей на удочку, поостерегались оставлять на одного рыболовную снасть и умчались в деревню, звать мамок на берег к заезжим рыботорговцам. Те, ожидая базарного часа, степенно поправили на чубатых головах мятые-перемятые кепки и закурили махорочку вырви-глаз, свёрнутую в козьи ножки из недельной свежести газеты «Правда».

Вода билась о топляки и борта лодки, шурша, отползала. Не теряя времени даром, Федька, выбрав из-под плаща пяток сорожек покрупнее, ловко вспорол им брюшины и, кинув требуху на откуп местным собакам, сладил скоросолку. Поторгуются и перекусят, а то со вчерашнего вечера почитай во рту маковой росинки не бывало. И тут не обошлось без бригадирского совета:

– Ты эта, Федька, – проворчал между затяжками Кутькин, – солю пальцами не шибко втирай, а то рыба сок потеряет.

– Не успеет, – не согласился Кынев.

Но Петруха Изъюров поддержал старшого:

– Дело говорит, экономь солю, рыба она не дура, лишнего всё равно не возьмёт.

– Да ладно вам, сами бы и солили, – незлобиво отбрехался Федька.

Дальше спорить не стали, потому что на берегу появилась небольшая, в полдюжины, толпа пазыюрских вдовых солдаток, рыбу которым в хозяйство таскать с реки было некому. Местным рыбакам продавать своим земелям в юбке рыбу совестно, а за так дарить не с руки, да и жёны такой щедрости не поймут, изревнуют на чём свет стоит. Шумным, пёстрым табором они сгрудились рядом с лодкой, у каждой в руках что-то было, у кого старый, почти прогоревший примус, у кого медный таз ещё дореволюционной выделки, мыла было лишь два серых кирпичика, четыре парафиновые свечки, а соли и спичек на обмен не вынесли мужикам совсем. Что ж, не густо, но всё-таки что-то.

Бабы стали заглядывать в лодку и морщить свои облупившиеся в сенокосную пору носы, чтобы сбить цену:

– Фу, – ворчала толстобокая, как бочонок баба в фуфайке с оборванными рукавами на манер толстовки, – мелюзга одна, я за свои свечки у наших мужиков покрупнее карасиков выменяю, а то и бесплатно дадуть...

– Так чего же тогда рынничать пришла? – ерепенился самый молодой из рыбаков Федька, – ваши-то мужики ловят в озёрах, а там рыба тиной воняет, да и ваши-то мужики только тёлкам хвосты крутить мастаки, а до е... ой рыбалки не охочи...

– Ты то, глядим, больно до ничейного охочь... Мелочь, мелочь... – гомонили бабы, но и купцы не плошали.

– У наших щурят, – нахваливал Петруха, – чешуя до пят, чешуйки с пятак, меняем почти за так, ведро селёдки на бочку водки...

– Не, не, – не уступали менялы, – у вас и лодка мелковата, да и рыба мелюзга, от такой на сковородке после жарки только плавники и остаются...

– Наш товар, как попадья, – смеясь, подначивал Кутькин, – пару штучек и бадья...

После таких прибауток бабы принялись хохотать, и дело по товарообмену стронулось с точки замерзания. Через час почти уже и разошлись полюбовно, каждый выгадав свой хороший, как казалось, приварок, да на рыбацкую беду приволоклась на берег старуха Пантелеевна, у которой из ширпотреба на менялово была лишь трёхлитровая бутыль картофельной сивухи. Глаза мужиков при виде самогонки масляно заблестели, и не успела бутыль поравняться с бортом их судёнышка, как полведра ядрёных окушков перекочевали в старухину корзину.

– Отдать швартовы! – весело заорал самозванный бригадир Кутькин.

Бабы вытолкали лодку от берега и пошли в деревню, а мужики догребли против течения за поворот и причалили в ивовый тенёк перекусить скоросолкой и отпить по глотку самогоночки. Всю бутыль решили опростать только тогда, когда нос лодки пришвартуется к родному берегу. В результате такого завтрака, неминуемо перешедшего в обед всё-таки вся бутыль была опорожнена. Отчего, добираясь домой, горе-рыбаки бестолково месили водную стихию речки Вой-ю почти до заката солнца. И дело тут было, конечно же, не в количестве выпитой сивухи, а в изрядной лёгкости рыбного закусочного ассортимента их стола, да ещё выгребать до дому до хаты пришлось теперь против быстрого течения. Зато песен наорались от души, а причалив к родному высокому берегу деревни Выльюд-дор, повалились, кто как и где сидел, да и заснули.

Лишь спустя час их обнаружил в таком виде деревенский пастушок-полудурок Митяй-Ванька. Он то и сообщил заволновавшимся было жёнам о прибытии их кормильцев.

Удивляешься, глядя на силу и сноровку северных женщин. Повынимали они своих мужиков из лодки, собрали снасти, разделили поровну улов, привязали лодку, чтоб не опрокинуло ветром да не снесло течением, и, взгромоздив каждая своего богом данного на закорки, попёрли по домам вместе с рыболовным снаряжением и уловом. И ворчи не ворчи, кричи не кричи, хоть подзатыльник вмочи от великой любви и ласки, куда денешься... Ведь если бы они даже и протрезвились, всё одно сами бы не пошли домой, потому что на троих человек была у них всего одна нога, да и та косолапая, крикуна Кутькина. А и то верно, слава Богу, что живыми с войны вернулись, всё мужик в доме – добытчик какой-никакой, да и пенсия по инвалидности...

Владимир Сумароков

Сумароков Владимир Рудольфович *– журналист, литератор. Родился и вырос в Воркуте. В 1986 г. закончил исторический факультет Сыктывкарского государственного университета. В 1986–1990 гг. занимался преподавательской деятельностью, с 1991 г. – журналистикой. С 2001г. – главный редактор газеты «Трибуна». Стихи и проза В. Сумарокова печатались в различных журналах и коллективных сборниках. Автор книг: «Единственная тюрьма» (1992), «Агарь» (2000), «Коми на переломе» (2013), «Злоба дня» (2014).*

«А на чужбине осень...»

***

Рождённый ползать – прирождённый разведчик,
жмётся сырой земле, замирая от страха.
А всего и надо: зеркало и две свечки
да ещё чистую надеть рубаху.

Есть одна в узоре зеркальных трещин,
что исчезнет с утренним последним стоном.
Если не вернулся – считать перебежчиком,
вражеским лазутчиком, гнусным шпионом.

Сам себе придумал, что был бесстрашным,
и не раз ходил меж свечек Туда-Оттуда.
Я хотел узнать о без вести пропавших.
И какого всё же цвета глаза у Будды.

Пластунам положено оставлять документы,
оплаченные счета и на столе записку:
«Не считайте меня трусом, вражьим агентом,
а лучше заблудившимся
или дзен-буддистом».

***

Упорная, как «наружка», и зоркая, как радар.
А с виду – простая старушка и ветеран труда.
Тошнит от неё, воротит, она говорит: «Смотри,
не в этой ли подворотне тебя разорвёт изнутри?
Ты долго держал осаду, но нынче, как крепость, сдан
и станешь весёлой наградой терпливым твоим врагам.
Шевелятся камешки в почках, а в пыльной подкладке – наган.
Не лучше ли в полночь на площади с усмешкой крутнуть барабан?
Чем ждать, как на лодочке-коечке тебя разобьёт Океан,
что прежде казался вечностью (но это ты выдумал сам).
Не будет ни боли уродливой, ни взгляда, убитого в хлам,
ни воли последней, угодливо прочитанной по губам».

Кликушествует, прилипла, как влажная простыня:
не одолел. Не выплыл. Не выскочил из огня.
Глумится, хватает за душу, толкает к иным берегам...
А с виду – обычная бабушка,
всё ходит за мной по пятам.

***

Кто выжил – выжат в шальном забеге,
чтоб высохшим руслом пройти с полшага,
чтобы жадно вспомнить о том, как реки,
цветы и губы теряют влагу,
как старость смогла усушить, упарить
и слёзы, и вина, и сок подвздошный,
и страсть, и любовь превратить в гербарий,
а влажные – губы в цветок засохший.

***

Как комендант общаги, он связкой бренчит ключей:
«Ну что, – говорит, – бродяги? Босота, гляди бойчей!»
Устав от голов опущенных, трясущихся рук и ног,
он шутит про «райские кущи», про «золотой чертог»,
что вряд ли он всемогущий, а просто иначе не смог.
Построили, посчитали да всех запустили гуртом.
Ни праздничка, ни печали,
вот это и есть – «Потом».

Как сторож, гремит колотушкой – сам, видно, не очень рад
Нам, голым, потухшим, послушным
и выбранным наугад.
Здесь, будто в районной психушке,

свет ровный из всех палат,
ни нимбов, ни звёзд, ни терний, а синий холодный свет.
И я б заскучал, наверно, но скуки здесь тоже нет.

Здесь плавится время из воска, и воздух здесь невесом,
а небо такое плоское, что можно послать письмом
с оказией, наудачу. Но ты лишь вздохнёшь в ответ:
«Да, смерть ничего не значит,
Как этот пустой конверт».

***

Нас, не обведённых на линолеуме мелом,
проскочивших чёрные перекаты, жёлтые мели,
дотянувших до марта, а если повезёт, до апреля,
нас, кого не стреножить, не смять, не догнать,
кому в спину бессильно кричат «Твою мать!»,
меня и моих приятелей-доходяг,
разве можно чем-нибудь напугать?

Ну если только – видением, сном на пятницу, вещим,
о том, как сонная женщина, собирая вещи,
Говорит спёртым голосом, что устала от фальши,
и что проходит любовь, и придётся жить дальше.

Знать бы, где это «дальше», я бы там и остался,
накрыл бы с дружками стол, выпил да посмеялся.
Знать бы, в какое из окон «дальше» потом стучится,
я б сообщил таксисту и разносчику пиццы.

А поскольку точный адрес, к сожалению, не указан
и некуда пригласить друзей, то гораздо честнее сразу
обзвонить знакомых, сказать «до встречи»
и жить потом очень долго, почти до вечера.

Я ведь тоже, любимая, ещё недавно не верил,
что мы дотянем до марта,
а повезло – до апреля.

***

Куражилась и резвилась на взлёте, на вираже,
а теперь разбилась и почти не дышит уже.
Не щади любовь, из жалости не добивай,
Лучше садись в самолётик, куда-нибудь улетай,
Собирай манатки – да к солнцу, на ПМЖ.

К пряностям, музыке сладкой, ну, например, в Уругвай
улетай без оглядки в страну, похожую на «прощай».
Море и бар круглосуточный – так представляю рай –
чтобы рядом – мулатка, а на плече сидел попугай.

У попугая недобрый взгляд, у мулатки плоская грудь.
А ты, любимая, поскорее меня забудь
и в голову не бери – я в порядке. Как старый пират,
что живёт на проценты от бриллианта на шесть карат,
на улыбку твою прощальную, а значит, страшно богат.
Я гуляю вразвалочку, покупаю в лавке винтаж,
вспоминая, как брал галеоны на абордаж.
На всем побережье счастливее не найдёшь,
в общем, корсар на пенсии, стивенсоновский типаж,
и меня не мучит ни дружба, ни любовная дрожь,
с бутылкой рома нигде особо не пропадёшь.

В Монте пальмы качаются, и вечно пьян океан,
и всегда наполняется сам собою стакан.
Выпивка здесь дешёвая, дышится здесь легко.
Мулатку зовут Мэри, попугай откликается на Коко.
Ветры дуют умеренные и осенью, и зимой.
Я бы и сам не поверил, куда меня занесло.

Если бы жив остался, уехал бы далеко.
И ты бы тогда читала это моё письмо.

***

Без крыльев не вырулить, и бросает в дрожь:
неужто не выручишь,
над бездной не подберёшь?
Я ведь был безбашенный, по молодости, чувак,
но ты меня вытаскивал из всех передряг,
а сегодня отвечаешь: увы, никак.

Ангел улыбнётся, тихо вздохнёт:
«Он ведь тоже с крыльями, твой самолёт,
прямиком доставит до самых небес.
Одевайся в чистое, будь трезв,
не опаздывай на этот рейс».

***

А ведь был наперсником, исповедником,
заменял подружку или врача,
бодигардом в потёртых трениках,
вертухаем, ангелом у плеча.

Лейб-гвардейцем, цепной собакою,
оловянным стражником без лица,
под ружьём стоял, под медвежьей шапкою,
караулил сон твоего дворца.

А ведь был шутом твоим, пересмешником,
в стременных ходил и в пажах...
Неотмоленная, неутешенная,
не спасённая мной душа.

Мания преследования

Успех меня преследует повсюду,
и бабы льнут, и денег, как у Креза,
поклонницы дежурят у подъезда,
а слава прёт, как будто газ попутный.
Фортуна – круглосуточная вахта.
Меня уже от счастия воротит,
когда сажусь я в личный самолётик,
когда швартую собственную яхту.
Я миллион растряс у барных стоек,
я видел мир от Кубы до Суматры...
Я побывал вчера у психиатра –
он с завистью воскликнул: «Параноик!»

Детский стишок

Почему у террористов такие злобные глазки?
Плохо кушали кашку и не слушали сказки,
что в детстве им рассказывали, о принцах и королях,
о хрустальных туфельках и о блестящих балах.

Мамочка говорила: он очень добрый – Аллах.
Нынче ветрено, холодно, на улице – сущий ад,
Ты простудишься, мальчик, не ходи на джихад!
Лучше сядь у окошка, замотав потуже чалму,
да послушай сказочку – по сердцу и по уму.

На балу хрустальном было весело и светло.
Но живых, танцующих в клочья разорвало.

Был танцпол сияющий – разнесло ползала.
Туфелька от Золушки далеко упала...
Ну разве не жаль тебе Золушку и Принца?
Маленьких принчат от них уже не родится...
Неужели, сын мой, ты злодей и тупица
и таким же вырастешь, как твой отец –
бородатый, страшный мертвец, –
что придумал сказке плохой конец?

Все мы овцы, мальчик, нам – боль и страх,
и спасёмся только в горних горах,
где пастух небесный – добрый Аллах.

***

Мой черёд придумать, куда б заселиться –
в место, что назначено на постой.
Перезагрузиться, пересохраниться...
В общем, Вовка, полный отстой.

К звёздам не пробился. Где остановился,
тромбом оторвавшись от жизни лихой?
Пел казачьи песни – в небесной станице
ты, небось, гуляешь, казак молодой?

И в штанах, и в глотке вовсю дымится
в нас былая молодость – жива, дружок?
Нам уже не встретиться, Вовка, не проститься
и не выпить молча на посошок.

Я теперь попроще ищу гостиницу,
где сырая простынь да рваный плед,
где хозяин заспанный ночью вскинется –
заворчит, что поздно, закрыт буфет.

Мертвякам неймётся в ночи, не спится.
Он проверит списочек под жёлтый свет.
Побледнеет. Скажет: «Самоубийца.
Принимать не велено, места нет».

***

Смертуха – жесть, угрюмый костолом.
Мне по душе – весёлая смертулька:
За праздничным, за карточным столом,
В хмельном чаду расписывая пульку.

Не всем досталось – медленно стареть,
Как остов, заржавевший под откосом,
Как в руднике заброшенная клеть,
Как в засуху египетскую – лотос.

Финал физиологичен и бесстыж
И ровно тот, которого ты стоишь.
Ах, смерть моя, смертишка, всё смердишь?
И ходишь под себя, и ночью воешь.

Как потускнел и стёрся образ твой –
Тот холодок отчаянный, височный!
Смертушка жалкая с затупленной косой,
Сама себя терзаешь по кусочкам.
Сама себе придумала – смертеть
До отторженья лёгких, до некроза.
Ты одряхлела, старенькая смерть –
Без пули и петли, и передоза.

Других, красивых, сильных, хороня,
Сверкала ты безжалостной косою...
Смертёнка бедная, смертиночка моя,
Сестрёнка милая, намучилась со мною?

***

Мы ведь тоже когда-то считались людьми –
до Любви, до брахмановых чар...
Эту странную женщину звали Лакшми –
самый нежный в мирах аватар.

В океане молочном и в медном тазу
мыть мне ноги, Мадхави, изволь.
Я сегодня не пьян, но не чувствую боль
ни в одном, даже в третьем глазу.

Я забыл и «Ригведу», и тайну пуран,
только помню, какой красоты
были руки у той, что меняет бинты
и повязки гноящихся ран.

Как чисты и прекрасны четыре руки:
жезл, ракушка, лимон, колесо...
Одряхлевшего мхатмы мочу и плевки
подтирает, не дрогнув лицом.

«Ты трамвайный мой Вишну печальной поры, –
горько шутит она поутру. –
Помнишь, клялся тогда, у священной горы:
«Никогда и нигде не умру...»?»

***

Бог долго следил, приглядывал, как нанялся в сторожа.
Как старый алхимик, отважился – и нас в одной колбе смешал.
В одну небесную радугу, в один телесный ландшафт.
Так мастер узор выкладывает, над хрупким стеклом дрожа.
Так скрипку к плечу прикладывают, в тело её надышав.
Так звёзды двойные угадывают, радиозонд послав.
И ты откликалась, радуясь. Родная. Моя. Душа.

Беда

Эсэмэской приходит, придушенным эхом из бездны,
в камуфляже и берцах, в халате врача затрапезном,
в мятых трениках пьяни, что глухо «стучит» по соседству,
в лёгких перьях гонцов, разносящих несчастья по свету –
по разбуженным окнам, по крышам, по скатам небесным.

Сон был в руку, и сердце, как зеркальце, треснет.
Запереться нельзя, и в осаде сидеть бесполезно,
если чёрной рукой своей, в струпьях, задела,
как чума, как «испанка», как царское «слово и дело».
Открываешь ворота – во двор заезжает с прицепом,
с дикой сворой цепною, с весёлой ватагой арестной.
Передёрнув затвор, сапогом растоптав сигарету,
с вертухайской ухваткою шарит по мёртвому телу.

В ней гнилая хмыльца и опричная дерзость,
и заики-доносчика жалкая мерзость.
Повторяет, как ябеда, мерзота:
«Я беда, я беда, беда...»

***

Как генерал, что вышел из драки
в рваном мундире, с лицом перекошенным,
жертвами глупой слепой атаки –
больше, чем всеми мечами и бантами –
павшим гордится своим адъютантом
и под собою убитой лошадью.

Знамя гордится на поле боя
каждым убитым своим знаменосцем.
А ты бы гордилась мёртвым мною
за то, что и мёртвым тебя не бросил.

Но вдруг они смерти нашей не стоят –
те, кого на руках мы носим?

***

Хорошо быть дедушкой, уставшим зрителем,
и сидеть под яблоней, пахнуть сидром и табаком.
Хорошо быть ветераном, почётным жителем
городка, что славится женщинами и вином, –
так приятно вспомнить да слёзы вытереть
и глядеть на закат, поигрывая мундштуком...
А потом, когда вынесут в парадном кителе,
будут флаги и трубы, и выступит военком.

А друзей твоих дерзких война повыбила –
молодых да красивых взяла гуртом...
Хорошо быть стареньким и всё ждать погибели,
улыбаясь смерти беззубым ртом.

***

Душу, как после аборта, вычистили,
отскоблили, выставили в приёмный покой.
Отчего ты, старость, смотришь многозначительно,
благостно улыбаясь, гордясь собой?

Молодые да борзые ушли не ссучившись –
все дружки твои, резвые, да с гибельцой.
Ты одна только, сука, оказалась везучею
и от смерти бегала по утрам трусцой.

Ну и где твои, старость, знамёна, почести
и патрон – честнейший из всех обойм?
Добредёшь, допетляешь тропою волчьею,
а звезду увидишь в ночи – завой.

Песенка о великом походе

Не ведали страха, всегда наступали,
в жестоких боях не ослабли.
Не зря же, братишка, мы кровь проливали,
свою и чужую, до капли?

Дрожали буржуи, цари и тираны,
которыми мир испохаблен.
Проплыл, как мессия, по всем океанам
Наш невский трёхтрубный кораблик.

Тачанки скрипели, и конница ржала,
Сверкали зарницы и сабли.
И вёл нас парнишка стального закала,
романтик по имени Павлик.

Мы жить не умели, мы только спасали
весь мир, закосневший и дряблый...
Куда б мы ни шли, мы везде наступали
в дерьмо и на старые грабли.

***

В конце миров, у моря на краю,
в пальтишке рыбьем варварского кроя,
накоротке, как в пешечном строю,
сойдись с враждебной северной страною.

Толпы гундявой мёртвые слова,
и лабиринты грязных нищих улиц,
и льнёт к подошвам павшая листва,
и нож в подкладке мечется, безумец.

Ступай к лачугам, выбери притон
пожиже дверью, чтоб слетела с петель.
Чтоб били, долго, страшно... Чтоб потом
иную боль не чувствовать на свете.

Чтоб никогда о нежных, дорогих
не видеть сны и по утрам не плакать,
чтоб не любить предателей родных
своей капризной маленькой Итаки.

Ты был скитальцем дерзким, молодым.
И звёзды жёг, и паруса не бросил.
Но день настал, когда богам чужим
на берег тёмный родину приносишь.

А на чужбине осень, друг Улисс,
страны холодной варварская осень.

ЗНАКОМЬТЕСЬ – НОВИНКИ

В конце 2016 года республиканские издательства порадовали нас интересными книжными новинками. Некоторые из них – в нашем сегодняшнем обзоре.

«Мифы Зырянского Севера»

К 150-летнему юбилею со дня рождения выдающегося коми философа и писателя Каллистрата Жакова редакцией журнала «Арт» была издана книга «Мифы Зырянского Севера».

В книгу вошли произведения писателя, названные им самим «художественными мифами». Это новеллы, в которых предстаёт мифологический мир древних коми, а также эпос о древних героях Перми – Биармии, об эпохе, когда живы были ещё языческие боги.

В отличие от предыдущих сборников, как дореволюционных, так и последнего, вышедшего в 1990-м году, настоящая подборка произведений представляет собой цельность, обусловленную творческой позицией самого К.Ф. Жакова. Как утверждает составитель книги П.Ф. Лимеров, сам писатель, долгое время собиравший фольклор коми и других родственных им народов, считал, что в современном ему фольклоре содержатся «пережитки» древней мифологической поэзии, которую он называл Северным эпосом. Своей целью Жаков считал реконструкцию этого эпоса, однако, не в виде научных статей, а в форме литературных произведений.

В настоящем сборнике представлена и поэзия К. Жакова – его первые верлибры о Паме Бурморте, а также одно из последних его произведений – «Поэзия Земли», выходившая в Риге в 1927 году.

Проиллюстрировал книгу художник-этнофутурист Юрий Лисовский.

«Дуда Платтьöа»

Крупношрифтовая книга-перевёртыш известной коми писательницы, члена Союза писателей России Елены Афанасьевой «Дуда Платтьöа» знакомит юных читателей с мифологическими образами, с сюжетами вашкинских (удорских) легенд. Это произведение рассказывает о встречах девочек-подростков с неизведанным, мистическим.

Дуда Платтьöа – лесной дух – испытывает детей в определённых ситуациях и этим помогает им становиться лучше.

Обогащают рассказы Е. Афанасьевой и красочные, образные описания картин северной природы: леса, реки, летнего луга, ярко-жёлтых и оранжевых островков ягод морошки посреди лесного болота. Эти описания придают прозе Е. Афанасьевой лирический, эмоциональный характер.

Книга написана на коми языке, переведена на русский язык. Художественное оформление – Леры Осташевой.

Книга адресована детям-подросткам, а также всем, кто интересуется фольклором.

«Татьяна Васильева. Екатерина Ушанова. Графика»

Художники Татьяна Васильева и Екатерина Ушанова – участницы множества пленэров по всей России.

«В июне 2016-го Татьяна и Екатерина побывали на таёжной Удорской земле, – рассказывает составитель и издатель сборника Галина Бутырева, – там, куда не раз и не два заезжали такие именитые живописцы, как В. Стожаров, Е. Зверьков (Москва), С. Торлопов, супруги Куликовы (Сыктывкар) и многие другие.

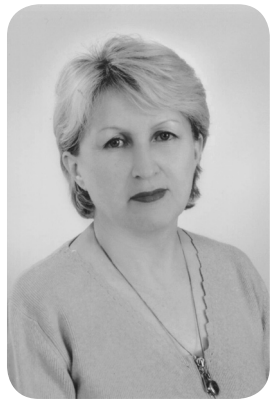
Простые крестьянские избы, скромные северные пейзажи, – казалось бы, что здесь так привлекает художников?

А вот привлекает! И посмотрев на всё окружающее глазами Творца, и тебе вдруг открывается нечто, прежде тобой не замечаемое… Даже по тем беглым наброскам в рабочих альбомах художников ты вдруг открываешь для себя какое-то особенное Очарование – в столетних домах, срубленных ещё предками, в неприхотливых пейзажах, в случайных фигурах прохожих на этом фоне… Это потом, в мастерской художников, наброски из альбомов, возможно, перейдут на холсты, обретут иную плоть, став живописными картинами… Но так важно это первое движение руки вслед за движением, наверное, даже не глаз, а сердца художника…»

Авторы альбома надеются, что сборник позволит вам, дорогие читатели, прикоснуться к творческой лаборатории Т. Васильевой и Е. Ушановой, и затем вам непременно захочется пойти на их выставки, или найти альбомы художников, или их работы в интернете…

Эти и другие книги вы можете приобрести в редакции журнала «Арт» (г.Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136) и в магазине «Ордым» (г.Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229 (Дом печати).

АРТ-ФАКТ



Вера Морозова

Морозова Вера Семёновна. *Закончила Ленинградский институт культуры. Театральный критик. Член Союза театральных деятелей России. Живёт в г. Сыктывкаре.*

«И жизнь, и слёзы, и любовь...»

Сыктывкар: второй Северный фестиваль

В небогатых гастролями творческих буднях провинциальных театров всякий выезд на фестиваль – радость. Тем более, если спектакли идут при полных залах – как в Сыктывкаре, в Академическом театре драмы им. В.Савина, который организовал с 7 по 14 сентября (при поддержке Министерства культуры, архивного дела и туризма Республики Коми) во второй раз Северный театральный фестиваль – нынче под девизом «Русская классика. Сохраняя традиции, соответствуя времени». Конкурсных спектаклей было всего 5, но театр из Петрозаводска представил сыктывкарскому зрителю ещё два – внеконкурсных, – оставшись в столице Коми долее других. Труппа, встречавшаяся трижды с публикой, продолжительнее других купавшаяся в её сосредоточенном внимании, да ещё и видевшая её неизменно вставшей по окончанию спектаклей, – выложила в Инете прощальное фото с подписью: «Мы полюбили вас, коми!».

На суд зрителя, а также жюри (Элеонора Макарова (Москва), Ирина Азеева (Ярославль), Вера Морозова (Сыктывкар), театр драмы Республики Карелия «Творческая мастерская» представил инсценировку под названием «Настасья Филипповна» по роману Ф.М. Достоевского «Идиот».

«Настасья Филипповна»

(театр драмы Республики Карелия «Творческая мастерская»)

Действие шло на скудно обставленных подмостках, напоминавших не то сарай, не то бывшую конюшню с низкими бортами стен на чёрном фоне, с глубокой нишей посредине сцены, которая потом примет последний вздох Настасьи Филипповны и окажется таинственно бликующей и влекущей к себе. Такое лаконичное оформле-

ние (худ. М.Воробейчик, реж. С.Стеблюк), сочетающее только два основных цвета, с одной стороны, заставляет сосредоточиться на непростых рассуждениях персонажей, на странностях характеров и судеб, а с другой стороны, – не даёт вектора для размышлений о связи сценографии с сутью постановки: предположений много – до размытости сути.

Слишком лаконичным оказался и текст инсценировки Н.Климонтовича, рассчитанный на зрителей, уже знающих роман Ф.Достоевского. Начинается спектакль (после короткого вступления-знакомства в поезде главных героев) со сцены «День рождения Настасьи Филипповны», в которой мы впервые видим заглавную героиню (Виктория Фёдорова), во второй раз – уже очарованного ею князя Мышкина (Дмитрий Максимов), а рядом – склонную ко всяким излишествам компанию. Но мы увидели уже «готовые» образы и – а как они стали таковыми – не заметили. Текст говорился, а «картинки» его не подтверждали. Постановщиками был задан градус, но исполнители до него не вызрели. Не вызрели, потому что (по мнению Элеоноры Макаровой) на сцене не были проиграны какие-то важные ситуации, которые артисты успели бы пережить вместе со зрителями.

Инсценировщик в замысле выводил на первый план трёх героев – князя Мышкина, купца Рогожина и мятущуюся Настасью Филипповну. Остальные ге-

рои выписаны лапидарно и потому – смутно. Критик Ирина Азеева отметила, что эти «остальные» и в костюмах отличались от выделенных персонажей (пришли из другой пьесы), и поведение их не всегда отличалось логикой. Удачно избежал такой участи Владимир Мойковский, исполнитель роли Генерала, который и на своём втором плане был фигурой заметной: он показал человека, обладающего властью, и будто бы приличного во всех отношениях, при этом осознающего цинизм своей миссии, но ещё и надеющегося на известное внимание со стороны Настасьи Филипповны.

Самая известная из героинь Достоевского предстала в спектакле нарядно одетой блондинкой с прелестно взлохмаченной головкой, беспричинно взбалмошной, суетной, и, безусловно, – очень красивой. Её реакции не всегда были внятными: столько текста актрисе было отмеряно, да и окружающие своим поведением не могли помочь понять её метаний, но для влюблённости в Настасью Филипповну и не нужно было объяснений. Объём роли Настасьи Филипповны накапливался два акта – в третьем, будучи уже тенью фатальной женщины, она примиряла своей гибелью соперников и наконец обретала успокоение.

Роковой любовник Рогожин в исполнении Владимира Колганова (Санкт-Петербург) не должен был переживать по поводу того, что не пара он дворянке: его одели стильно – дали сапоги и при этом длинный, видимо, кожаный пятнистый сюртук, так что купно со своей бородкой, крепкой фактурой и темпераментом артист сильно напоминал героев современных фильмов. Рогожин-Колганов страдал только от безумной ревности. А его соперника Дмитрий Максимов играл скованным, часто уходящим в себя и безумно жалеющим Настасью Филипповну. Смешная наивность Мышкина – Н.Гриценко, игравшего эту роль у вахтанговцев, гипнотизм взгляда Мышкина – И.Смоктуновского в спектакле БДТ, – из этого эффектного наследия актёрских средств ничего не использовано Д.Максимовым. Его герой – очень серьёзен, как-то беззащитно откровенен в общении, сознание своей болезни почти буквально связывает его руки: актёр постоянно прижимал их к туловищу – сразу было ясно, что князь и немощен, и беспомощен с виду, но и силён, потому что в его советах и в участии люди нуждались. Его фигура на выразительном шутовском фоне оказывалась слишком обычной – и уже этим неординарной, – одинокой, заведомо страдательной. Людей, которые всегда говорят правду и то, что думают, – другие люди побаиваются. Но не князя: уж больно прост. И слишком добр. Слабак, одним словом.

В итоге спектакль петрозаводчан был отмечен лучшим актёрским дуэтом (Мышкин-Рогожин Максимова и Колганова), который составлял нервный стержень всего спектакля: два полюса от экватора – Настасьи Филипповны. Два начала – тёмное и светлое – и мечущаяся от одного к другому героиня.

Те же артисты, кого мы уже выше в тексте назвали «остальными», – реализовали свои возможности в следующих двух работах. Сначала шла постановка **«Про мою маму и про меня»** по пьесе Е.Исаевой москвичей Вадима Мирошниченко (режиссёр) и Алексея Белоуса (художник) – спектакль тонкий, ироничный, умный – и потому несентиментальный в трогательных ситуациях. Он шёл на фоне декораций, будто расчерканных карандашом (так делают люди, которые собираются написать на бумаге что-то совершенно исповедальное, а потом, в раздумье, оставляют после себя таким вот образом «расписанные» листы без текста), причём, росчерк перекидывался с обоев на скатерти, диваны, и даже пианино... Дело в том, что Е.Исаева жанр пьесы обозначила как «школьные сочинения».

Спектакль чувства вызывал нежные, щемящие: у всех были мамы, и у всех была своя история любви. Великолепный слаженный дуэт создали здесь Валерия Ломакина (Лена, дочь) и Людмила Баулина (Мама), героини которых умели слушать и – что ещё важнее – слышать друг друга. Удивительно интересно работала в спектакле Ольга Саханова (совершенно было «потерявшаяся» в предыдущем спектакле), исполнившая сразу четыре (!) характерные роли, которые и резко отличались, и заодно «выдавали» исполнительницу – с её чувством юмора, музыкальностью, с её способностью находить оптимизм в характерах своих героинь. Выделилась история, связанная с заново и поздно встреченной первой любовью Мамы, героем которой стал Валерий Баулин, исполнитель роли Игоряшки. Они долго не решались встретиться, только всё говорили и говорили по телефону, и были так близки, когда ходили по площадке сцены, почти друг друга задевая, и друг друга не видя! А потом, когда Лена захотела сыниициировать их встречу, звонки резко прекратились. В.Баулин очень выразительно сыграл сцену с принятием решения прекратить общение: он надел свежую рубашку, нашёл нарядный галстук, торопливо, на ходу начал его завязывать – но неожиданно развернулся спиной к зрителям, скорчился в муке, обхватив себя руками, запрещая себе подходить к двери.Позже оказалось, что он был неизлечимо болен и знал об этом. Мелодраматические ситуации в пьесе имеются, но в постановке нет ни слезливости, ни слащавости.

Театр «Творческая мастерская» в Петрозаводске выполняет функции молодёжного театра и ТЮЗа, возможно, поэтому возникла идея рассказать о менее известных школьникам писателях в спектакле **«День человеческий»,** в который вошли произведения А.Аверченко, А.Блока, С.Чёрного, В.Маяковского – в жанре балаганного представления (режиссёр А.Тупиков) и в декорациях (художник А.Юфа), давших возможность сыграть «ноктюрн» «на флейте водосточных труб»: действо происходило в довольно живописном подвале жилого дома с подтекающими трубами, расставлен-

ными вёдрами, тазами и мётлами, которые использовались в том числе и в качестве шумового инструментария актёрского тренинга.

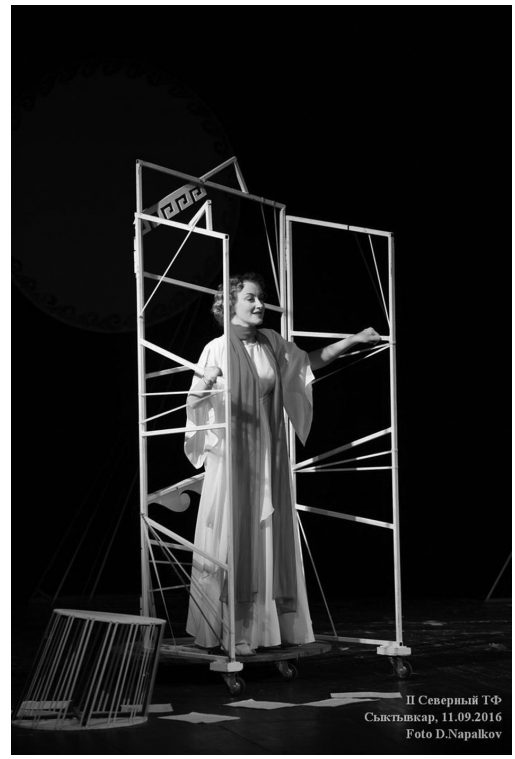
Артисты сразу заявили себя группой лицедеев, не чурающихся «низовых тем», не жалующихся на отсутствие комфортабельных условий для реализации их творчества: играли сразу по несколько ролей, легко трансформируясь в смело очерченные образы современников вышеназванных литераторов, позиционируя себя при этом поклонниками поэтов с романтическими устремлениями. В сущности, исполнители говорили от своего лица, о себе и своей профессии. В драматических сценах, перемежающихся стихами, артисты открыто продемонстрировали свою общественную позицию, – и их шаржи на бесстыдных эгоистов, на чинопочитателей, на малообразованных «вершителей судеб», то бишь, чиновников различного ранга, – были приняты публикой с пониманием. Тем не менее, тексты А.Аверченко всё-таки остались для зрителя в том, в его времени, и воспринимались более музейными ценностями, чем острыми аллюзионными фактами – намёками на современность.

«Айседора»
(Котласский драматический театр)

«Я родилась у моря, – так начнёт Актриса этот рассказ, – моё первое понятие о движении, о танце, несомненно, вызвано ритмом волн. Я воображала себя чаще всего парусом, одиноким, но гордым парусом, который смело рассекает белые гривы волн».

Ольга Белых взошла на сценические подмостки, повязав красный шарф – знаковую примету Айседоры Дункан, – оглядывая и осваивая окружающее пространство. Останки давно ушедшей эпохи? Последствия кораблекрушения? В одночасье расколотая жизнь?

Античная колонна на заднем плане, превратившаяся ниже капители в условно разъеденное временем подобие занавеси, напоминавшей струны арфы – принадлежность Муз; справа от зрителя лежанка – часть какого-то бывшего плавучего средства с носом в форме крутой волны; слева – многофункциональная конструкция, напоминающая о подвижных парусах, но прямоугольная, с возможностями трансформации в образ дорожного вагона, в образ дома-клетки, в ступенчатую структуру и пр. (художник Валерий Новаковский, режиссёр Наталья Шибалова). Белого цвета с редкой



голубой окантовкой, почти каркасные детали оформления сцены контрастировали с чёрными кулисами и задником. И центр всего действа, – исполнительница – тоже в белом, «в пол» платье. Ольга Белых взяла на себя миссию восстановить разрушенное временем: проследить процесс взлёта к славе знаменитой «босоножки», обнаружив при этом её бунтарскую природу, а также редкие моменты счастья с возлюбленными, которые стали неотделимой частью бытия танцовщицы, хотя каждый из них пытался или отлучить её от сцены или ревновал к славе.

Один час и сорок минут без антракта актриса удерживала внимание публики, лишь изредка уступая сцену двум танцовщикам и маленькой девочке, которые возникали в воспоминаниях Айседоры. Сама Ольга Белых не пыталась танцевать, только однажды наметила великолепный пируэт – и этого было достаточно, чтобы убедить публику: она имеет право на исполнение образа. Исполнительница двигалась по сцене легко, свободно, почти перелетая с одного сценического устройства на другое, технически безупречно доносила текст, меняла ритм и характер повествования, причём, нигде не переходя границы вкуса (несмотря на то, что драматургическая основа З.Сагалова располагает пикантно-рискованными моментами). Критика отметила, что актриса своим толкованием образа Айседоры облагородила пьесу. Некоторая сдержанность в исполнении драматических моментов происходила из-за того, что О.Белых играла не Айседору, а Актрису, исполняющую роль Айседоры. Именно поэтому исполнительница играла в бальных туфельках, но не разутой.

О.Белых говорила об актрисе, танцовщице, но в подтексте её истории проступала непростая доля множества женщин, вынужденных преодолевать препятствия на жизненном пути, не имея ни от кого помощи, вынужденных стоять перед выбором между любовью и состоятельностью в профессии. А ещё – пережить испытание гибелью детей. Пережить – и выжить. И выжить благодаря профессии.

Актриса Ольга Белых из театра небольшого города Котлас Архангельской области (около 60 тыс. населения) была отмечена в номинации «Лучшая женская роль».

К сожалению, несмотря на добротно поставленные хореографические композиции к воспоминаниям, исполнительница их разительно отличалась от Ольги Белых комплекцией, что досадно отвлекало от сути спектакля. Отвлекало и закадровое чтение стихов Сергея Есенина: исполнителю не удалось передать того обаяния, которое вправе была ожидать публика.

«На всякого мудреца довольно простоты»
(Пермский академический Театр-театр)

Молодые зрители выходили довольными, обменивались репликами типа «Класс!», «Круто!» и пр. Мне же в первом действии было местами просто скучно. И отчего такая разная оценка во мнениях различных поколений? Мне уразумелось позже, что зрители имели дело с театральным комиксом. Я даже не поленилась заглянуть в Инет, чтобы укрепиться в своём мнении. Считается, что комикс – один из популярнейших жанров массовой культуры. Что он часто упрощённо перелагает произведения классиков. Что комикс – это единство текста и визуального действия с характерно укороченной прямой речью. Что по своей природе комикс диалогичен, ему свойственна парность героев, он тяготеет к драматургическому принципу. При этом комикс развивает образное мышление, помогает легче усвоить предлагаемый к изучению (здесь – к представлению) материал – а классика для школьников – действо заведомо скучное. Поэтому организованный в спектакле по принципу комикса материал – для молодого поколения дело благое: оно любит (а кто не любит?!) учиться, развлекаясь. А те, кто постарше, насладились настоящим водевилем второго акта.

Мне показался любопытным один из способов сокращения текста – зритель должен был сам сообразить, что мог сказать один из участников диалога, когда его партнёр или выразительно молчал, или играл на инструменте, или жестикулировал. Текст вообще сокращён значительно, но основная мысль осталась внятной: человек хотел построить карьеру, любыми средствами выбиться из бедности и безвестности. Он запросто не влюбившись готов жениться, презирая – выказать глубочайшее уважение, не будучи геем, осторожно предложить близость...

Визуальный ряд и костюмы, пластическое поведение также соответствовали достаточно простым рисункам комиксов, когда все герои делятся на конфликтующие группы: а здесь – на ведомых и ведущих. Так себе их представлял господин Глумов (через некоторое время сам А.Н. Островский выскажется более определённо: волки и овцы), готовивший свою аферу, творивший свой театр; недаром первый акт оформлен был грудой ширм различной высоты. Он видел Клеопатру Львовну (Наталья Макарова) в костюме и пластике куклы Барби, её партнёров – в костюмах и пластике Кенов.

Совершенно обабившимся (с меховым манто на вороте сюртука) видел Мамаева (Сергей Семериков). А воинственного внешне Крутицкого (Михаил Гасенегер) – просто игрушечным болванчиком. Их всех можно было или передавать из рук в руки, или переставлять на воображаемой шахматной доске. А вот те, кто ими мог манипулировть, были подвижными – сам Глумов (Сергей Детков), с эффектнейшими тараканьей длины усищами Городулин (Альберт Макаров) в сопровождении балаганных, раёшных, огненнобородых дедов, разбитная Манефа (Евгения Барашкова), которая пародировала расплодившиеся во множестве народные коллективы с мотивами цыганщины и бульварщины. Сделали неудачную попытку пробиться в манипуляторы простоватый и развесёлый Курчаев с другом (Семён Бурнышев и Пётр Марамзин).

Упрощённый текст требует активного изобразительного ряда. Отсюда клоунские костюмы, цирковые средства, трюки, очень доступно раскрывающие суть образа. Городулин выезжал на огромном велосипеде, внутри колеса которого помещался человек: Городулин сидел высоко (представлен самим Островским как «молодой, важный господин») – и мог крутить людьми как захочется. И представшие откровенными шутами Курчаев с приятелем, пишущим для сатирических журналов, вполне соответствовали тексту классика. Вообразите: двое зашли к малознакомому человеку и попросили ни много ни мало – его дневники и эпиграммы на власть имущих. Ну, не клоуны ли? Отсюда первый (провокационный) акт мне увиделся комикс-балаганом. Как существуют любители комиксов, так есть и те, кто их отвергает: поэтому к шаржированному I акту многие зрители отнеслись с изрядной долей скепсиса. Мне позже (из того же Инета) открылось, что в России уже поставлены и комикс-шоу (в театре «Современник»), и психологический комикс (в Пермском театре «У моста»), и даже в

Сыктывкаре в студии при Национальной Юношеской библиотеке ставятся комиксы-триллеры.

Почему ещё I акт был слабее II-го: Сергею Деткову, исполнителю роли Глумова не удалось во вступлении к спектаклю взять зал, и сюжет стал рассыпáться на отдельные куски, из которых выделялись «поплавкú», удерживавшие внимание – явление народу Манефы или Городулина, например.

Второй акт был выстроен по правилам любимого музыкального жанра публики – водевиля. Балаган остался за антрактом. На сцене стояла громадная установка, которая позиционировалась как домашняя церковь, но с гротесковыми элементами: облицовка панелей её представляла из себя целую галерею картин с вольно одетыми дамами и кавалерами: предательски неосознанный взгляд назад, в молодость Турусиной (Елена Старостина). Актриса продемонстрировала великолепную музыкальность, красивейшего тембра голос, которым можно было заслушаться – и в пении и в речи. Её Турусина была особой неоспоримого авторитета, имеющей громадную власть, царицей местного светского общества, которое окружало её на паперти как на подмостках. С доброй насмешкой была подана роль племянницы Турусиной – Машеньки (Юлия Захаркина), которая рассуждала точь-в-точь как современная девушка, дочь состоятельных родственников, не желающая остаться без средств к существованию, даже если и не выдадут её за любимого. Как говорится, она может и пободаться (её забавный головной убор намекал на это), но до определённого момента. За её судьбу можно не бояться: она сделает верный выбор. Как верный выбор был сделан слаженным хором аристократов, которые не только не изгнали авантюриста, но наоборот, решили удержать его при себе: такой человек, во-первых, всегда может пригодиться, а во-вторых, его лучше не упускать из поля зрения. А то мало ли что!

И в пьесе, и в спектакле всё для Глумова заканчивается хорошо: он осознаёт свою силу и свою нужность. И никого не боится. Всё к лицу... мудрецу!

Водевиль «На всякого мудреца довольно простоты» стал одной из сенсаций фестиваля, и коллектив увёз из Сыктывкара сразу две награды – диплом в номинации «За яркое и оригинальное решение музыкально-драматического спектакля», а также специальный диплом жюри «Музыкальное сердце спектакля», которым была отмечена Татьяна Виноградова – комическая актриса, серьёзный автор аранжировки и хормейстер спектакля в одном лице.

«Сказка о царе Салтане»
(«Сцена-Молот», Пермь)

Театр «Сцена-Молот» находится на базе малого зала в здании «Театра-театра», в самом центре Перми. Основой для названия театра стал символ Перми – молот. Видимо, репертуар его ориентирован на эксперимент, на нестандартно мыслящих зрителей: в программке к спектаклям к названию примыкает продолжение: «Театр нашего времени». Художественный руководитель – Владимир Гурфинкель. Во внеконкурсной программе Северного фестиваля театром был показан спектакль для детей «Сказка о царе Салтане» в постановке Ирины Ткаченко со студентами актёрского курса Пермского института культуры (мастерская Б.Мильграма и В.Гурфинкеля).

Спектаклю всего полгода, и участвует в нём всего 8 актёров, причём, героев в

сказке гораздо более: 33 богатыря, к примеру. Как труппа обходится имеющимся количеством исполнителей, это надо видеть! Придуманы такие костюмы, головные уборы, такие маски, чтобы мгновенно что-то сбросить и что-то надеть для трансформации в другой образ, сочинена узнаваемая голосовая партитура для каждого образа (педагог по сценической речи Ирина Максимова), изобретены мизансцены, позволяющие верить, что за шестью богатырями идут вслед оставшиеся двадцать семь.

Постановка полна юмора и игровой стихии, события в ней клубятся: запечатанный в бочку Гвидон рос «не по дням, а по часам», и на суше вдруг оказалось, что он «вырос» из рукавов своих одёжек! Позже, в первый раз увидевши страшного коршуна, преследующего Лебедя, Гвидон как обычный ребёнок пугается: «Мама-а!» И сказочный образ вдруг становится близким и понятным.

Спектакль вместил много нестандартных задумок, остроумных превращений, которые могли, в том числе, вырасти и из студенческих этюдов. К примеру, на глазах зрителя каркасная бочка от усилий Гвидона раскалывается на две вертикальные половинки, а позже составляется лодкой-корабликом для гонцов (художник Любовь Мелехина). Чтобы обернуться из Лебедя в Царевну, героиня сказки просто лёгким нажатием включает плоскую лампочку на лбу, которую раньше зритель принимал за какой-то камешек в обруче («А во лбу звезда горит...»). Хрустальным голоском, обещая грядущую встречу, Белочка, что грызёт орешки, поёт Гвидону романс: «...этот звон, этот звон о любви говорит», а «33 богатыря» идут ещё дальше в своих предположениях, исполняя казачью песню: «Когда мы были на войне, Там каждый думал о своей Любимой или о жене...» (автор музыкального оформления Юлия Колченская).

Так Пушкинское произведение органично вобрало в себя современные реалии.

Производит впечатление решение образа царя: безмерно горюющий Салтан, лишённый родных, до поры до времени чахнет-хиреет под бабьим гнётом, от сцены

к сцене постепенно превращается в овощ – его уже и кормить из ложечки начинают, и носочки ему надевать, раздевать для почивания, – но в конце концов решается покончить с депрессивными настроениями, отогнать от себя ненавистных нянек и настоять на путешествии к чудному острову. «Что я? царь или дитя?» – он сердцем чует: его ожидают удивительные открытия!

Заканчивается спектакль счастливым воссоединением семьи: царь Салтан с царицей и Гвидон с молодой женой долго стоят в обнимку перед тем, как взять в руки громадную книгу – «Сказки А.С. Пушкина»: то ли оттуда вышли, то ли туда войдут... Малыш, что сидел рядом со мной, сказал своей маме негромко: «А я угадал, что этот дядя – папа у Гвидона».

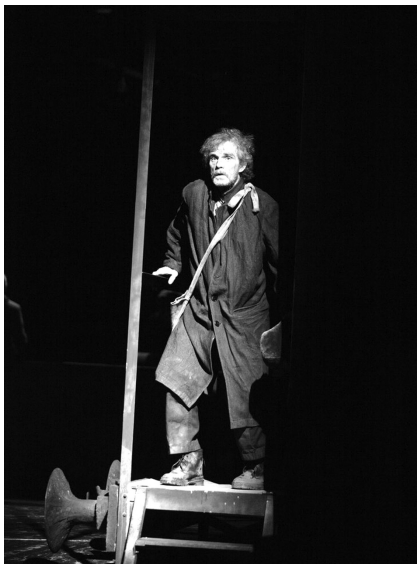
«Эшелон»
(Театр драмы им. В. Савина Республики Коми)

«Эшелон» М.Рощина не сходит со сцены несколько десятилетий (пьеса написана в 1975) – и каждый театр находит что-то своеобычное в этой «трагической повести для театра» про спешно эвакуируемых от бомбёжек работников одного завода. Она сложна для постановки: действие происходит в полутёмном вагоне товарного поезда, в ней около трёх десятков действующих лиц, множество сцен массовых, кучных – когда трудно дать понять зрителю – кто важнее в гуле голосов, как выделить необходимые диалоги, как эту кучность «разбить», как толпу расположить на различимые глазом островки, как, в конце концов, оживить серый военный быт.

Режиссёру Юрию Попову удалось главное: сценография (Эрих Вильсон), музыкальная составляющая (композитор Михаил Герцман, аранжировка – Николай Григорьев, подбор и оформление – Николай Григорьев и Евгений Бащенко), пластическое сопровождение (Елена Ноткина), актёрское исполнение составили прочнейший сплав.

Основой сценической конструкции стал образ товарного вагона, точнее, его остов, каркас – вместо плотных стен. И именно такая – открытая – структура дала возможность расширить игровое пространство и время, решить проблему кучности, органично «впустить» в действие воспоминания героев. Развернувшись на кругу, конструкция позволяла угадать промежуток меж вагонами двух эшелонов, а в финале, когда крыша её рушилась, – по ту сторону вагона, по ту сторону жизни – открывала тени погибших. Оставшиеся в живых плотно грудились на авансцене. Так, смыслом постановки стала идея сплочения людей: рассыпанные поначалу розными группами, обитатели вагона постепенно извлекаются по отдельности, становясь всё более знакомыми и примиряясь – не столько между собой, сколько с Судьбой, которая им выпала на долю. И объединяются. Пройдя испытания эшелоном, герои меняются, начинают всё больше помогать друг другу, копят силы для грядущих испытаний.

Из общего хаоса отдельных голосов и массы людей зрители постепенно начинают различать отдельных героев. Но один из них уже выделен ещё до начала спектакля – это мальчик Ника (Александра Рочева), одиноко сидящий на рельсах сразу перед зрителями первого ряда и сосредоточенно пропускающий сквозь пальцы песок: его будто никто не ждёт, у него нет охоты играть с другими детьми из вагона. Его как будто потеряла мама. На самом деле, мама (Татьяна Михайлова) в известном смысле потерялась сама: она настолько занята своими переживаниями о разлуке с любимым



мужем, что перестала замечать происходящее. Она блуждает, не находя себе места, отъединяясь от всех для милых сердцу воспоминаний, а сын её (в промежутках между разными сценами) то швыряется песком, то пытается строить дом из кирпичей и в досаде бросает занятие – не скрепляются кирпичики, – то кричит в пустоту, разрывая в беззвучном крике рот: «Ма-ма!» Ближе к финалу долгожданная «встреча» матери с сыном окажется одной из самых трогательных сцен.

Понемногу проясняются образы самых разных женщин: всегда всех умеющая успокоить, интеллигентнейшая Галина Дмитриевна (Галина Микова), развесёлая и шалая Лавра (Светлана Малькова), колоритная, аккуратная, настоящая еврейская мама, её страдающая свекровь (Валентина Дорофеева), великолепная в живописной полноте и проницательности Цыганка (Татьяна Валяева), с громадным жизненным опытом, терпеливая, никого не осуждающая Маша (Анна Софронова), решительная и самодостаточная Лена (Юлия Экрот), живущая только по внушённым советской школой воспитания правилам Ива (Ольга Родович) и многие другие. Впрочем, всегда правильная Ива всё-таки решит поступиться своими принципами, когда в вагоне появится Глухонемой (Евгений Малафеев), в котором она почувствует родственную душу. И тот – сначала с недоверием, с робостью, но отзовётся на участие, отречётся от равнодушного прозябания, воскреснет к жизни, и вагонное сообщество его примет.

Руководит всем эшелоном вечно занятой живчик Есенюк (Константин Карманов), жена которого вот-вот должна родить (Наталия Нестерова), и от этого бессильно и яростно ревнует его. Хорошо, что рядом мать, Саввишна (Татьяна Темноева) – она и успокоит, и проследит за своей первородящей дочерью. Только не успеет она малыша повидать: силы кончатся. Но вместо себя жить оставит внука.

Атмосфера в вагоне явственно меняется после массовых сцен. Ведут сквозь толпу пленного фашистского офицера, изрыгающего проклятия на своём языке – после неё многим становится страшно: никто не ожидал, что враг так силён. Встречается эшелон с бойцами, уезжающими на фронт – и все оживляются, воодушевляют друг друга. Внезапная бомбёжка вызывает панику, какую-то фантастическую

пляску в замедленном темпе и при жутком фееричном освещении.

Но и после множества потерь остаётся запас для жизни на земле в появившемся Ноевом ковчеге Мировой войны.

Драма М. Рощина считается эпичной, то есть, охватившей содержанием приметы другого рода литературы: в ней, в сравнении с традиционными пьесами находится место для большого количества авторских комментариев – расширенных ремарок, которые уточняют подробности быта, проникают в психологию героев, и – что важно – многократно укрупняют масштаб происходящего. Постановщики учли эти ремарки не в тексте спектакля – в чисто театральных средствах выразительности. Эпичность «растворена» в соответствующих времени костюмах (учтён даже цвет чулок), манере общения героев, в экспрессивности выражения чувств, в пластической рельефности массовых сцен, и более всего – в шумовом и музыкальном компоненте постановки, дающем представление о действительном размахе постигшего народ бедствия.

Спектакль «Эшелон» отмечен в номинации «Лучший актёрский ансамбль».

Тем не менее, председатель жюри Элеонора Макарова не преминула заметить, что многие артисты во имя органичности существования пренебрегли важнейшим элементом актёрской техники – сценической речью.

«Весёлый солдат»
(Московский губернский театр)

Открылся Северный фестиваль спектаклем по повести 1998 года Виктора Астафьева «Весёлый солдат», которую сейчас называют художественным итогом свидетельских показаний о Великой Отечественной войне из-за полного отказа автора при её описании от знакомых мифов и полуправды.

Сыктывкарская сцена оказалась москвичам мала: они прибавили подиумы по обе стороны площадки, а у зрителей даже отняли первый ряд – продлили половик сцены, по периметру рампы и по спинке первого ряда укрепили его тяжёлыми мешками, и, таким образом, промежуток между сценой и вторым рядом реально стал восприниматься солдатским окопом. Кстати, над спектаклем работала целая постановочная группа (Р.Бондарев, А.Горушкина, Е.Гомоной, Е.Киркова, художник Е.Малинина). Однажды в придуманное ими сооружение – после оружейного залпа, по задымлённой сцене из распахнувшегося посредине задника (дощатая стенка вагона), казалось, прямо на зрителя – выбросится вооружённая толпа и влетит в окоп. Среди них – и герой повести, молодой Витя Астафьев (Андрей Сорока), кто впервые близко увидит того, кого застрелит. Позже он часто будет вспоминать этот эпизод своей жизни. И в финале спектакля мы вновь увидим немецкого солдата: вина за того убитого заставляет В.Астафьева пожалеть уже в мирной жизни пленного немца, поделиться с ним своей скудной трапезой и услышать от него: «Ты – весёлый солдат». А «весёлому» солдату на самом деле в жизни оказалось вовсе не до смеха.

А начались воспоминания на одном из подиумов, оформленном уголком аскетически скромной комнаты дачного дома. Второй подиум был дровяным сарайчиком с полешками, крепким основанием для колки дров и топором, в него воткнутым. Под шум дождя в дом неспешно вошёл пожилой человек в дождевике – Виктор Астафьев, известный писатель, фронтовик (Борис Галкин). Он неторопливо разделся, включил

II Северный ТФ
Сыктывкар, 7.09.2016
"Веселый солдат". Foto D.Napalkov

II Северный ТФ
Сыктывкар, 7.09.2016
"Веселый солдат". Foto D.Napalkov

II Северный ТФ
Сыктывкар, 7.09.2016
"Веселый солдат". Foto D.Napalkov

радио, налил воды в стакан, воткнул кипятильник в розетку, сел за письменный стол ответить на телефонный звонок, а потом, хоть и трубку уже положил на рычаг, но так и не смог остановиться: разбередил друг рану незаживающую. Вот эти, больные воспоминания и пришлись на главную сцену. Инсценировщики (Ричард Бондарев и Анатолий Королёв) остановились на таких картинах из повести, которые их самих задели за живое. Естественно, от многих сюжетных ответвлений пришлось отказаться, многие – оставить не полностью завершёнными, некоторые роли объединить в поступках одного персонажа. Главное – они нашли, как сценически объединить то и дело «выпадающие» из сюжетной канвы эпизоды, которые в самой повести объединены многостраничными авторскими отступлениями и комментариями.

Повесть В.Астафьева выходит за рамки чётко определяемого жанра – она почти монолог, и она же носит выраженный публицистический характер, в котором преобладают фактические материалы, Причём, такие из них, которые поражают, если не сказать – потрясают, открывают нам глаза на такие моменты, о которых мы не догадывались и о которых ещё никто не рассказывал: ворующие начмеды,

равнодушные врачи, наглое начальство, живодёрские правила распорядка, намеренно усложняющие жизнь раненых бойцов, которые видели не только привычных уже вшей, но клопов и червей под гипсами. Те, кто реально отдавал жизни за Родину, попав в госпиталь, вдруг оказываются униженными и оскорблёнными, теми, кого можно элементарно залечить или отправить в штрафбат, или сдать особистам. И действительно, после знакомства с повестью акцент восприятия празднования победы меняется: какова же настоящая цена этой победы. Горькие открытия нас ожидают и далее: став уже в мирное время простым работником, потом женатым человеком, потом отцом двоих детей, герой повести окружён испытаниями: он заново погружается в нищету и голод, которые могли бы иного довести и до самоубийства.

Тут стоит отметить, что главной объединяющей силой картин, оставшихся в инсценировке, стал образ главного героя – старшего Виктора Астафьева, которого сыграл приглашённый артист Борис Галкин, и который, оказалось, был даже лично знаком с писателем. Трудно переоценить значение этого обстоятельства. Оно ощущалось артистом как наказ погибшего старшего друга донести его личную точку зрения до сегодняшнего поколения зрителей. А зрителю важно было то, что герою, которого играет известный по многим киноролям защитников Отечества Борис Галкин, можно доверять, так как некоторые утверждения В.Астафьева достаточно смело расходятся со знакомыми или официальными выводами.

Многие сцены можно считать постановочными находками. Достаточно отметить, что подмостки оказались удивительно ёмкими: и сегодняшнее пространство В.Астафьева, и фронтовые эпизоды, сцены в санитарном вагоне, сцены домашние, сцены у разных домов и т.д. Помещались на экране поля сражений, места расстрелов, столичные парады. Главный исполнитель работал на всей сценической площадке. «Сегодняшний» Астафьев окунался в прошедшие эпохи, заново переживал то, чему был свидетелем, будучи рядовым солдатом и раненым бойцом, существуя в роли уживчивого родственника и семьянина. Молодые герои жили в свои годы, ещё один очевидец им нисколько не мешал. Вот Б.Галкин со своей стороны, из своего времени наблюдает, как в вагоне поезда его, молодого, неловкого от ранения, робко пытается соблазнить полуодетая санитарка Анечка (Наталья Качалкина), а неопытный Витя (Андрей Сорока) отгораживается от неё тазиком; она чуть-чуть наступает, он отступает – сцена столь же лирическая, сколь и комичная. Вот бунтарь-одиночка раненый Анкундин (Алексей Веретин) восстаёт против произвола начальницы (Елена Цагина), а та грозит ему чуть не стереть его с лица земли – и добивается своего: опять раздвигаются створки задника, и демонстрируются кинокадры, в которых мог присутствовать и Анкундин – это кадры расстрелов без суда и следствия. «Сегодняшний» Виктор Астафьев в который раз не выдерживает произвола: бежит к сарайчику и, срывая всю накипевшую на систему злость, набрасывается на поленья – рубит и рубит дрова: так, верно, Змею голову отрубал Св.Георгий.

Ещё одну любопытнейшую сцену наблюдает Виктор Петрович, вспоминая, как сестра жены привезла мужа, капитана из СМЕРШа (Михаил Шилов), который всех бедных родственников решил одарить гостинцами: под звуки патефона расставил их по стенке манекенами и начал швыряться привезённой из Германии одеждой, потешаясь над их варварским изумлением перед «роскошью» поношенного барахла. Витя в ярости выкинул вон новоявленного родственничка.

В последних сценах Б.Галкин занимает всё больше места в повествовании: к приме-

ру, он уже вместо Вити просит прощения у своей молодой жены (Наталья Шклярук) – тот стоит рядом, в тени, а Виктор Петрович как бы считает, что сейчас должен возместить упущенное, возможно, потому, что раньше, будучи молодым, он о таких вещах не задумывался. С другой стороны, в сознание входит предательская мысль, что постепенно многонаселённый спектакль превращается в моноспектакль, что множество молодых артистов – второй план для маститого артиста. Но артиста великолепного, техничного в самом лучшем смысле этого слова, при этом ещё и впечатляюще заряженного социально-драматической энергетикой.

Приз «За лучшую мужскую роль» увёз Борис Галкин в роли Виктора Астафьева. Москвичи представили сыктывкарцам сильнейшее по эмоциональному воздействию военное полотно – и с новым взглядом на известные исторические события. Зал оценил их работу самыми долгими за весь фестиваль аплодисментами.

Но более всего повезло сыктывкарскому зрителю: все пять конкурсных спектаклей оказались удивительно интересными. Две постановки о войне – но какие разные! Одна («Весёлый солдат») – масштабнейшая по охвату чувств и временного пространства: яростная, перемежающая горячечную боль со злым смехом, другая («Эшелон») – камерная, с погружением в бытовые и психологические подробности, не лишённая романтических устремлений. Две постановки по произведениям русских классиков: одна («На всякого мудреца...») – талантливый и почти полубезумный эксперимент, вторая («Настасья Филипповна») – неробкая попытка пересмотра трактовки значимых для сюжета героев. И ещё одна постановка («Айседора») – изящный и тонкий моноспектакль.

Такая афиша – это ли не подарок для истинных любителей театра!

Фото предоставлены театрами и Дмитрием Напалковым.

Наталья Плаксина

Плаксина Наталия Евгеньевна, *заместитель директора Национальной галереи Республики Коми. Окончила исторический факультет Сыктывкарского государственного университета, факультет теории и истории изобразительного искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (Санкт-Петербург). Основные сферы научных интересов: история иконописи в Коми крае, наивное искусство Республики Коми. Автор свыше 70 публикаций по культуре и искусству, музейному делу региона.*

Сотворчество:
Александр Тимушев и Надежда Воробьёва

В последние дни декабря 2016 года в Национальной галерее Республики Коми открылась выставка «СО-ТВОРЧЕСТВО», впервые представившая сыктывкарскому зрителю произведения ухтинских художников матери и сына Надежды Воробьёвой и Александра Тимушева в творческом тандеме.

Надежда Егоровна Воробьёва и Александр Валерьевич Тимушев (Ас Морт) – художники очень разные. Надежда Егоровна Воробьёва – едва ли не самый яркий представитель старшего поколения самодеятельного изобразительного творчества Республики Коми, а если быть точнее, лучшей и наиболее ценной его части – «наивного» искусства. «Наивизм» А.В. Тимушева – сознательный художественный приём, с помощью которого он стремится донести свои идеи о мире и человеке. При всей содержательной и формальной «разности» их творческих путей, в них есть общее начало, общий стержень, то неуловимое качество, которое тонко чувствующий зритель назвал в Книге отзывов «сильным внутренним характером», то, в чём проявляется живая генетическая память народного искусства с его душевной чистотой, мудростью и глубиной, добрым юмором и самоиронией.

Живописная История Надежды Егоровны Воробьёвой

Наивное искусство – это, прежде всего, сознание, особый взгляд на мир. Его мировоззренческой основой служит ощущение гармоничности, целостности восприятия мира и бытия, слитности с мирозданием, осознание значимости собственного «я», в

какой-то степени, ощущение собственной миссии на земле. Поэтому так важно знать наивного художника «в лицо», знать его биографию, его жизненный путь, чтобы понимать особенности его мышления и истоки его творческого своеобразия.

Надежда Егоровна родилась в 1935 г. в деревне Изваиль Ухтинского района Коми АССР в большой крестьянской семье Уляшевых. Рисовать любила со школы, однако о художественном образовании даже не было мысли – надо было зарабатывать, помогать большой семье. Окончив среднюю школу в посёлке Вой-Вож Сосногорского района, сразу начала работать – сначала счётным работником на машинно-счётной станции Вой-Вожа, затем в Изваиле заведующим клубом. Чтобы заработать квартиру, с 1981 г. и до самой пенсии 10 лет проработала на Дежнёвском заводе строительных материалов оператором пульта управления по производству кирпича. Однако всегда и везде находила время для творчества, красочно оформляла стенгазеты и фотоальбомы.

Мечту о художественном образовании Надежда Егоровна осуществила только в 40 с небольшим лет, в 1982 г. окончив с отличием факультет изобразительного искусства Заочного Народного университета искусств им. Н.К. Крупской (ЗНУИ) в Москве. Полученные во время учёбы навыки работы в технике масляной живописи позволили реализоваться природному дарованию Надежды Егоровны в таком сложном жанре как сюжетная картина, ощущать себя сложившимся художником, знакомым с секретами профессионального мастерства. Н.Е. Воробьёва – интуитивный колорист, тонко чувствующий нюансы и гармонию цвета, что признают даже профессионалы. В её картинах, написанных в стенах маленькой ухтинской квартиры, есть пленэрное начало, свето-воздушные вибрации. Однако самое главное, что дала Надежде Егоровне учёба – это возможность достоверно и реалистично изображать всё то, что она считает важным отразить в своих картинах, поскольку основная миссия её искусства – визуализация Памяти как способ её сохранения и передачи будущим поколениям.

Сюжетная картина маслом – именно тот формат, который позволяет Надежде Егоровне передать свои размышления о вещи, человеке, мире, отразить наиболее важные моменты в потоке жизни. За свою долгую и плодотворную творческую жизнь Надежда Егоровна написала сотни картин на очень разные темы. Однако едва ли не самая интересная часть её творчества – та, что посвящена истории малой родины – деревни Изваиль, где родилась и выросла художница. Надежду Егоровну по праву можно назвать художественным летописцем, «хронографом» Изваиля. Она досконально изучила историю Изваиля, знает всех его жителей со времени основания деревни в 1840-х гг. С дотошностью топографа Н.Е. Воробьёва фиксирует все улицы и тропин-

ки, дома и амбары Изваиля, многие из которых уже исчезли с лица земли. Виды деревни развёрнуты на зрителя, высокая линия горизонта вмещает всё, что помнится с детства. Улицы продолжаются из одного холста в другой, складываясь в панорамы села. Несмотря на стремление к документальной достоверности, воплощённый художницей мир деревни абсолютно идеален, в нём нет примет разрушительного воздействия времени. Большие добротные, выписанные до брёвнышка, избы, ровные, без изъянов, изгороди. Во всём добротность, основательность, порядок и чистота. Так воплощается в творчестве художницы один из основных культурных архетипов наивного искусства – архетип «золотого века», «утраченного рая».

Каждая картина Н.Е. Воробьёвой – это целая история, живо и в деталях рассказанная художницей. Часто только художественных средств не достаточно, и тогда на помощь приходит слово: изображения сопровождаются авторским пояснением – либо в самой картине, либо на её обороте. Функция слова – объяснить, «договорить», донести до зрителя то, что не может запечатлеть кисть. В картинах Надежды Воробьёвой запечатлены события как из далёкого, так и совсем недавнего прошлого Изваиля и Ухтинского района. Целый цикл произведений посвящён изваильским партизанам, история которых стала близкой благодаря дневнику отца – свидетеля тех страшных событий. Многие картины посвящены семье и роду Уляшовых. Детально, начиная с самого рождения, реконструирована личная история, в которой нашли воплощение наиболее яркие впечатления жизненного пути – тяжёлое военное детство, радостная весть о Победе и скорая смерть отца, послевоенная юность, любовь, женская судьба, трудовые будни, выход на пенсию, радость Творчества. Присутствие самого автора в картине узнаётся по красному цвету в одежде – крошечный младенец в красной рубашонке во дворе большого дома, девочка в красном платьице, бегущая навстречу отцу с радостной вестью о Победе, красивая женщина в красной шали на плечах...

Надежда Егоровна Воробьёва – энергичный и деятельный человек, активно участвующий в общественной и культурной жизни Ухты. Она занимается краеведческими исследованиями, участвует в ветеранском движении, в художественной самодеятельности, поёт в ансамбле «Визув Ю», выезжает вместе с ансамблем на гастроли по деревням и городам республики. Её стенные росписи украшают многие общественные интерьеры Ухты – Центра коми культуры, детских садов и школ, комнаты отдыха в цехе № 1 Дежнёвского завода строительных материалов. Интересную грань её творчества представляют фотоальбомы ветеранского движения, красочно оформленные художницей. В своё время по просьбе односельчан Надежда Егоровна написала маслом портреты для надгробных памятников захоронения семьи изваильского партизана А.И. Уляшева, которые стали своеобразной достопримечательностью деревни Изваиль.

Н.Е. Воробьёва очень активно выставляется в коллективных и персональных выставках, и не только в родной Ухте, но и за пределами Республики Коми. В 1977 г. она принимала участие в выставке-конкурсе, посвящённом 60-летию образования СССР при Заочном народном университете в Москве. Среди последних значимых событий, представляющих её творчество на всероссийском уровне – персональная выставка в Постоянном Представительстве Республики Коми в Санкт-Петербурге (2016), а также участие в Московском Международном фестивале наивного искусства и творчества аутсайдеров «Фестнаив-2010». Две картины Н.Е. Воробьёвой экспонируются в Московском Музее современного искусства на выставке «Сотворение мира», открывшейся 2 февраля 2017 г. в рамках V Московского международного фестиваля наивного искусства.

Александр Тимушев

Бытописание немудрёного живописца Ас Морта

Родился 15 февраля 1961 года в селе Изваиль Ухтинского района Коми АССР.

Первые два года жизни жил с мамой в родном селе, затем мы переехали в Ухту, а потом уже и в посёлок городского типа Вой-Вож Ухтинского района. Воспоминаний от детсадовского периода осталось немного, кое-что помню, но не очень значимое.

Первый язык, на котором начал говорить и с помощью которого стал познавать мир, был коми язык. Переезд в город, а потом и в посёлок, где все общались на русском языке, поставил меня в очень неприятное положение. Как говорят родственники, я замолчал и ничего не говорил очень долгое время.

Окончил 8 классов в школе посёлка Вой-Вож. На летних каникулах, иногда на весенних, осенних и, особенно, зимних, ездил в Изваиль и жил там у тёти Елены, сестры моей мамы. С её сыном, Уляшевым Николаем, мы в тёплое время мотались по лесам, строя какие-то землянки, бродили по болотам, а весной строили снежную крепость во дворе их дома и проводили бои за эту крепость с местными пацанами. Летом пасли коров, косили сено, кололи дрова, помогали строить коровник, баню. А ещё Уль Коль, как он себя называл, очень неплохо рисовал, и хорошо знал историю. Смотря на его работы и на его вдохновенное познание жизни, я и сам стал увлекаться искусством и историей.

Но, в основном, к живописи меня подвигла, конечно же, мама. Воробьёва Надежда Егоровна, в девичестве Уляшева. (Один из ведущих художников нашей республики на момент написания автобиографии). Она заметила мои потуги в передаче реальности на бумаге и отправила заниматься системно. В шестом классе я начал посещать кружок рисования при школе Вой-Вожа. Во время учёбы в седьмом классе поступил в

изостудию при поселковом Доме Пионеров. Преподавала в этой изостудии Егорова Вера Александровна – изумительный художник, муж её Егоров Эммануил в то время учился в Академии Художеств в Ленинграде и изредка приезжал. Этот период познания искусства очень многое дал мне в развитии художественных пристрастий.

1976 – 1980 гг. – учёба в художественном училище в городе Киров.

Поступил с первого раза, причём работу на экзамене по живописи выполнял маслом, когда остальные работали акварелью или гуашью. На меня посмотрели слегка недоумённо, но позволили. А ещё я добил приёмную комиссию тем, что диктант написал на «4». По их представлению, я приехал из дальней коми деревни, где не говорят по-русски, а допустил в тексте пропуск всего двух или трёх запятых. По сравнению с остальной массой поступающих абитуриентов эта четвёрка была равна почти пятёрке.

Жил во время учёбы на съёмных квартирах, лишь на последних курсах освоил общежитскую бытность со всеми прелестями студенчества. Впятером в одной комнате жили, не тужили. А каждую осень, как все студенты страны, ездили в колхоз.

После окончания училища получил диплом преподавателя черчения и рисования.

1980 – 1982 гг. – служба в Советской Армии. Противовоздушная оборона Советского Союза. Все два года и один месяц прослужил в городе Кунгуре Пермской области. Сначала в школе сержантского состава, потом в дивизионе обеспечения учебным процессом. Выезжал на полигон, ходил в караулы, всё как в обычной армии. Лишь в Афганистан нас не пустили, хотя и просились. Было сказано, что душманы не используют авиацию ввиду её полного отсутствия у них, и сбивать нам там будет нечего.

1982 – 1985 гг. – художник – оформитель треста «Ухтаремстрой». Устроила меня туда Евгения Степановна Уляшева, родственница моей мамы. Привела к директору треста и попросила принять на работу. И кто мог бы отказать депутату Верховного Совета СССР от Коми АССР. Так впервые и, пожалуй, единственный раз в жизни я попользовался блатом для собственного благополучия. Должности художника-оформителя в строительном тресте не было, и я сначала был оформлен слесарем по обслуживанию технологического оборудования, потом маляром шестого разряда. Причём высший разряд я заработал своим трудом, по-честному. Оформил сам, с небольшой помощью плотника, красный уголок, равный по площади хорошему актовому залу. Все агитационные стенды были на нужных местах, а на сцене большой портрет В. И. Ленина в полный рост.

Иногда посещал выставки художников, проводимых в выставочном зале детской художественной школы. В основном, приезжих мастеров. Размышлял о том, что неплохо было бы создать в Ухте некое подобие Союза художников СССР. Видимо, эта мысль витала в воздухе (наши местные художники в это время подумывали о создании городского творческого объединения), и я просто уловил её. И, честно говоря, порисовывал совсем немного.

С 1984 года – член творческого объединения художников (ТОХ) Ухты.

В общем, о собрании художников Ухты узнал, как это водится, совершенно случайно, от Богданова Владимира Григорьевича, журналиста и отличного художника. Позвал маму, пошли вместе. Всё происходило 28 января 1984 года в зале собраний детской художественной школы. Пришли, посмотрели, впечатлился. Разговор на общем собрании шёл о создании Творческого объединения художников (ТОХ) Ухты. Вначале приняли Устав Творческого Объединения художников «единогласно». Потом началось принятие художников города в члены ТОХа. Нас с мамой приняли в ряды этого достойного сообщества мастеров изобразительного искусства. Председателем ТОХа избран Маслов

Владимир Николаевич. (Мы с ним впоследствии долгое время делили на двоих одну мастерскую). В конце концов, была принята Резолюция общего собрания города Ухты.

Можно сказать, что вот, мол, я такой важный, я стоял у истоков ТОХа и прочее. Нет, этого не было, но влился в ряды организованных художников Ухты я с самого начала работы этой общественной организации.

И началась работа. Через творческие муки и пробы в разных техниках и стилях у каждого из нас вырабатывался свой личный почерк, а для художника, только если он не «сувенирщик», это крайне важно.

Проводили до двадцати выставок в год. Общие и персональные. На разных городских площадках, где только находили помещение побольше. Дважды организовывали конкурс на лучшее произведение изобразительного искусства «Зеркало». И зрителей на открытии выставок приходило неимоверное количество.

Обязательной была завершающая годовая осенняя выставка всех творческих сил города в выставочном зале детской художественной школы. Показывали свои работы живописцы, графики, скульпторы, мастера прикладного искусства. Городское начальство считало своим долгом открыть это итоговое мероприятие с вручением грамот и дипломов, иногда награждая художников небольшими сувенирами.

Молодые мы были, полны сил и замыслов. Ходили и ездили вместе на пленэр, выезжали с работами в соседние населённые пункты, в Сыктывкар, в Вологду. Провели конкурс среди художников и по его итогам заказали небольшим тиражом нагрудный знак ТОХа.

Впоследствии я достиг некоего мастерства, был секретарём объединения и дважды избирался председателем ТОХа.

1985 – 1997 гг. – преподаватель Ухтинской детской художественной школы. Работы моих учеников демонстрировались на республиканских, всероссийских и зарубежных выставках.

Работа преподавателя хороша тем, что не весь день отдаёшь педагогической деятельности и есть время для занятий творчеством. Что я и использовал в полной мере.

В 1992 году принял для себя псевдоним Ас Морт, которым подписываю свои работы. Дело в том, что в связи с индустриализацией и освоением Севера в 50-60-е годы прошлого века в Коми республику прибывало множество людей из разных регионов СССР. Общим языком общения большой страны, как известно, был и есть «великий и могучий». И слово «комяк» в смысле унижения представителя нации было не редким среди этих людей. Быть вторичным человеком в обществе не хотелось, и в силу этих обстоятельств представителям титульной нации стало выгодно забыть свои корни, свой язык. Вот так я в детстве предал своих предков.

А когда подрос, и неким образом во мне начала просыпаться генетическая память и захотелось прикоснуться к родным истокам, я понял, что я чужой среди своих. Если какие-то традиции и материальные контакты немного помнил, то в общении был нем как рыба. Вся прелесть и нежность коми языка для меня была и на данный момент недоступна.

И вот, чтобы напомнить окружающим, а, в первую очередь, себе о том, что я родом с реки Ижмы, из села Изваиль Коми края, взял себе псевдоним Ас. Морт, потому как словосочетание «ас морт» с коми языка переводится как «свой человек». Хотя бы таким образом пытаюсь не забыть свою малую родину.

Примерно с того же времени назвал свою живопись «неклюжизм» от слова неуклюжий. Сам я, собственно, есть неклюжист.

С 1997 г. – пожарная охрана города Ухты.

В конце 90-х годов зарплата бюджетника оставляла желать лучшего, и по «наводке» сослуживца по Советской Армии, я «перебежал» во второй отряд пожарной охраны Ухты.

Вот что я наработал за годы работы в Ухтинском пожарно-спасательном гарнизоне.

Интерьеры учебного класса и музея пожарной охраны Ухты с живописными полотнами (провожу в нём экскурсии для жителей Ухты и наших гостей). Герб ухтинского гарнизона пожарной охраны, эмблема службы пожаротушения Ухты. Эскизы нескольких нагрудных знаков ухтинской пожарной охраны, которые затем получили воплощение в металле. Портретная галерея начальников пожарной охраны Ухты, работающих в разные периоды. Составление и редактирование нескольких журналов и газетных статей о пожарной охране Ухты. Большие настенные панно к праздникам и юбилейным датам. А уж стендов разного вида столько переделал, что не сосчитать. Пришлось поездить и по пожарам.

В настоящее время – член Творческого Союза художников России.

Выставки и мероприятия:

– все общие городские выставки художников, начиная с 1984 года

– несколько персональных выставок в Ухте, 1 – в Сыктывкаре

– республиканская выставка «Мы молодые» в Сыктывкаре в 1988 году с каталогом

– несколько выставок с республиканским объединением молодых художников «Форма» в 90-х годах 20 века

– конференция финно-угорских художников и писателей в городе Тарту, Эстония, в 1994 году

– международная выставка финно-угорских художников в Сыктывкаре в 1994 году

– участие с Васяхиным В.И. и Масловым В.Н. в реставрации и отливке форм памятника А.С. Пушкину в Ухте в 1997 году

– международная выставка «UGRICULTURE 2000» в Хельсинки, Финляндия, в 2000 году с каталогом

– международный этнофутуристический фестиваль «Юр – яр» в Ижевске, Удмуртия, в 2004 году

– участие и победа в конкурсе по разработке эскизов знаков отличия военнослужащих горных частей и подразделений Вооружённых Сил РФ и медали «За службу в горах», 2012 год

– участие и победа в конкурсе по разработке эмблемы и нагрудного знака отрасли культуры города Ухта 2015 год

– персональная выставка в Ухтинском государственном техническом университете (УГТУ), февраль 2016 года.

ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛӦН ЛИТЕРАТУРНӦЙ ЖУРНАЛ

АЛЁНА ШОМЫСОВА

СЮМӧДПӧЛЬЯС

Югыд раскын, кыдз пу вужъяс улын, уна нэм нин коллялӧны Сюмӧдпӧльяс, быттьӧ низьяс – гуын. Но гожся гажа лунӧ, шондіыс кор кыдз пуяслы кӧса кылӧ, Сюмӧдпӧльяс пестеръясӧн петавлӧны ывла вылӧ. Найӧ тешкодьпырысь борӧдчӧны, быттьӧ дзуртысь пуяс, да ӧтчукӧрӧн мӧдӧдчӧны туйӧ. Кок уланыс кольӧм вося корйыс кышкӧ*. Тӧлӧн нетшкӧм сюмӧд гӧрддзым зіля ӧкмӧ пестер пытшкӧ.

Рытнас Сюмӧдпӧльяс чукӧртчӧны медся пӧрысь кыдз пуувса гӧгрӧс жырын. Сюмӧд гӧрддзым сэні шавгысьӧма джаджъяс тырыс. Выльӧн вайӧмасӧ Сюмӧдпӧльяс разьӧны да лыддьӧны став пассӧ. Сэтшӧм любӧпырысь, быттьӧ кытшлалӧны радейтана рассӧ. Выль тӧдӧмлунсӧ гижалӧны ыджыд сюмӧд небӧг лист бокъясӧ. Дыр вежӧралӧм бӧрын сӧмын тӧдӧмлуныс сюрӧ, ӧд небӧг пытшкын вывті уна юӧр.

А тӧвнас гӧрддзымъяссӧ корсьны делӧ. Дай кыдзи джуджыд лымйӧд рассӧ келан? И Сюмӧдпӧльяс лунся ноксьӧм бӧрын аддзысьӧны медваж кыдз пуувса жырныс шӧрын. Сэн найӧ видлалӧны пеша водзын сюмӧд небӧг, мед гӧгӧрвоны, кутшӧм содтӧд вежӧртасъяс сійӧ дзебӧ. Ӧд найӧ вель нин важӧн корсьысьӧны татысь, мый жӧ сійӧ кадыс. Но быттьӧ арпи гырысь синма тывйысь – помтӧг наысь пышйӧ вочакывйыс.

** Кышкыны (диал.) – кышакывны.*

Рисунок Марии Сердюк.

2017-ӧд восӧ Россияын шуисны экология воӧн. Кыдзи мортлы, коді чужис Удораын и кодлы матыс Михаил Пришвинлӧн «Корабельная роща» гижӧд, став сьӧлӧмсянь окота бӧр ловзьӧдны сійӧ пармасӧ, кытысь босьтлісны став коланасӧ миян ылыс пӧльяс, да бур ногӧн аттьӧавлісны ен нога вӧр-васӧ.

1960-ӧд вояссянь куштӧны Коми мулысь яг-егыръяссӧ. И весиг талун, кор вӧрыс быттьӧ абу нин, менам чужанінӧ, Важгорт сиктӧ, воӧдчигӧн мыйта лесовоз панидасьлӧ туй вылас! Вой и лун петкӧдӧны и петкӧдӧны... И татшӧм серпасыс абу сӧмын миян районын.

Тайӧс ставсӧ вежӧрын кутӧмӧн, ми, коми гижысьяс, шуим артмӧдны пу садитӧм йылысь книга. Лыддьӧй, мӧвпалӧй. Да корсьӧй сійӧ пельӧссӧ, кытчӧ тіянлы окота садитны ассьыныд пу!

Елена Афанасьева

Ю ДЖЫН

ПУЯС ДА ПОСЪЯС

Школаӧ велӧдчыны ме пыри 1967 воын. Зэв интереснӧй кад вӧлі, олӧмыс пондіс вежсьыны бурлань. Помнита, став деревня пасьтала выль моски карисны: еджыд плакаясысь, ку-у-узя нюжӧдчӧм пос. Весиг гожся войӧ бура тыдалӧ! Баб ордӧ мунны лӧсьыд вӧлі. Котӧртан – кок шыыд кылӧ. Нина Егорьевна, учительшаным, апрель тӧлысьӧ петкӧдіс миянӧс труд урок вылӧ – моски весавны. Став школаӧн уджалім. Гажыс, серамыс. Мый эг вевъялӧй, рытнас асьным помалім. Волосипетӧн гуръявнытӧ окота! Дай бабъяс аттьӧалӧны: «Ой, детинаяс, кутшӧм бур вӧлӧсьтӧ петавны лои!»

Клубын зэв гажа вӧвлі. Киноястӧ ог нин шу: вӧеннӧй кино кӧ, став деревняыс локтӧ, матігӧгӧрысь улӧс, джек и лавичсӧ ваясны. Ми вӧлі сцена дорас водам да сэсянь видзӧдам. Кузьджык кино кӧ, унмовсьлам весиг. Помнита, вайисны «Вий». Ме сэтшӧма полі, мый скамья улас пыри да кино помӧдзыс син куньӧмӧн пукалі. Бабъяслӧн керкаыс нач вичко дорас сулаліс – киноыс быттьӧ Эжов йылысь и вӧлі…

Выль во водзын дасьтысисны став деревняӧн: томджыкъяс клубын концерт дасьтӧны, Керӧсын велӧдчысьяс, асланым начальнӧй кллассъяс, детсад. Коръяскӧ Айкинаысь агитбригада волывліс – ставӧн виччысисны Галина Балинаӧс. Помнита, агитбригадаса нывъясыслӧн вӧліны розӧвӧй платтьӧяс. Концерт бӧрас йӧктӧны. Миян эжовса сувтӧны стен бокас и виччысьӧны, кор воас налӧн очередь Галина Балинакӧд йӧктыны!

Быд тулыс скворечникъяс вӧчалім. Школаын каралам да йӧр гӧгӧрыс сувтӧдалам. Гортын – горт дор гӧгӧр либӧ сад йӧрӧ. Жытник ӧдзӧс весьтӧ тшӧтш лӧсьӧдлім, но Мурка вӧлі кайӧ, да дугдім. Жытник весьтӧ сэсся жбырган тувъявлім (пуысь самолёт, ачыс бергалӧ тӧв йылын, и пропеллёрыс жбыргӧ). Коркӧ сійӧс папа водз асылын кузь зібйӧн уськӧдіс,

скворечьяс пö узьны оз сетны, а нöшта и тайö войбыд жбыргö!

Помнита, коркö школа йöрсö выльыслісны, потшöссö разисны, сы местаö лои штакетник. Субботник вылын асьным важ потшöссö пилитім да чипасö тэчим. Йöрыс лои сэтшöм югыд! Нина Егорьевна шуис, матысса лунъясö пö ставöн вайöй пуяс, садитам, и быдöнлöн аслас пу лоö! Быдöн вайöмаöсь, а ми куим друг вунödім. Нина Егорьевна урок вылысь вötліс – пу вайны! Петім, думайтам, кытысь регыдджык пусö корсьны. Ме шуа, мися, Кадь дед кум дорын кыдз пу эм. Лэччим зэв öдйö. Пуыдлысь йывсö кодкö чегöма, но заступöн кодйим гögöрыс, мед мунас босьтны. Öкуратнöя катім школа йöрö. Урокъяс бöрын садитчим. Миян чегöм йыла пуным мукöд дорас вölі неуна урöсіник, зато бöрнас пашкырмис… Уна во мысти школа йöрын сэтшöм мича сад быдмыліс, медся нин тулыснас вölі дивö кодь.

Деревняса йöз гажödісны жö керка йöръяссö: байд пу, ниа, кыдз пöшти быд öшинь улын вölі. Кывлі сэтшöм легенда, война бöрас öтка пöрысь гозъялöн керка дорас зэв мича льöм быдмöма, быд тулыс пö вölі пукалöны льöм улас вöчöм скамья вылын да любуйтчöны розъялысь льöмнас. Кор кулöмаöсь кыкнанныс, и льöмйыс косьмöма. Уна во мысти сэтчö стрöитчисны куим том семья, и льöмйыс бöр петіс. Мама вölі шулывлö: «Вот дивöыд, и пуыдлы, вölöмакö, морт колö!»

Горт дорö пуястö ме быд во ваявлі. Сад йöрыс абу ыджыд, сы понда тшöк садитлі. Быдмыштасны, папа сэсся кодöскö пилитас. Бöрынджык нин и жытник дорö, и градъяс гögöр садиталім. Дзölядырйи баблысь вölі юавлам, кодлöн тайö либö сійö пуыс? Тайö пö дядя Авинирыдлöн, тайö ачыс петіс, байдйыс папыдлöн – уль майöг тшукödіс, да сыысь и петіс. А тайö кыдзсö вокыд дзölядырйиыс вайис. Кодкö нитш перйöма (вöрас том пу нетшыштöны да сы гögöр нитшсö тэчöны, шусьö ноша). Кодкö туй вылö кыдзсö шыбитöма, а вок ыжъяслысь мырддьöма, кыз синва пö бöрдö, пусö гортö кыскö. Сійöс и садитömаöсь. Ловзьöма тай! 1967 воö пöжар вölі, вит керка сотчис, пуясыс тшötш. Но мöд воас вужсяньыс петісны бадь, воклöн кыддзыс и нöшта öти кыдз – сійö куим вожа лои.

ЛЮБОВЬ АНУФРИЕВА

СЬӦЛӦМА СИЗИМ ПУ

Висьтасьӧм

Каро

Ӧтчыд менам дзолядырйи карса тьӧтӧй звӧнитіс бабӧлы да ошйысис, мый ньӧбӧма попугайӧс и кӧсйӧ велӧдны сійӧс варовитны. Шензи сэки! А сэсся казьтышті – ва дорын изъяс ӧктігӧн синйи джуджыд коз вылысь куварканлысь позсӧ. А мый?! Ичӧтик ракаӧс тшӧтш босьта гортӧ и велӧда сёрнитны комиӧн! Сідзи и вӧчи! Котӧрті ва дорӧ. Кайи пашкыр коз вылас, кок улам посниджык чальясыс ёна и чегъясисны. Тайӧ шыяссьыс лэбачьяс неуна шызисны, налы, буракӧ, эз кажитчы, мый аслам воӧмӧн дзуги налысь оласногсӧ. Медся ёна полі вылісяньыс видзӧдлыны уліас, ӧд юрӧй вермис кольмыны, и эськӧ ыджыд коль моз грыпкыси муас. Кор позйӧдзыс вои – ракапиян вӧліны ӧтнасӧн. Виччысьтӧм гӧсьттӧ найӧ паныдалісны чирзана кравзӧмӧн. Быттьӧ гӧлӧсныс регыд орас. Ракапиянлӧн гӧныс вӧлі зэв этша, и неуна зывӧктӧдана инмӧдчылі на дорӧ. Но кадыс эз вӧв бӧрйысьны, и кутшӧм ракапиян веськаліс ки улам – сійӧс и тшапки. Ӧдйӧ лэччи коз пу вылысь – даддьӧн моз исковті горулӧ. И сэки став вадорса лэбачыс ӧта-мӧдлысь гӧлӧссӧ вевттисны горзӧмнаныс. Гӧгӧрбок ставыс лои буалӧм сяма. Меным кажитчис, мый ставныс уськӧдчасны ме вылӧ да и кокаласны. Киысь куваркансӧ* окота нин вӧлі шыбитны, но кыдзи сійӧс бӧр катӧдны пу вылас, кор вежӧрӧс нин пӧдтіс полӧм?! Сэки первойысь ачымӧс кылі шышӧн. Яндзимыс сола ньӧрйӧн лачкис-сотіс лолӧс! Питшӧгын лэбачсӧ пышйӧді гортӧ. И ньӧти эг тӧд, кыдзи та йылысь висьтала айӧлы, и мамӧлы, и бабӧлы! Ме тӧді, найӧ видасны менӧ! А друг

вötласны кувaрканыскöд пемыд вöрö?! Сэки ме гöгöрвои: полöмлуныс вермö вöчны дивö! Думышті – гортсаяслы неуна сöрышта, мый котралі ва дорын и аддзи позйысь усьöм ракаöс, сійö оз куж лэбавны, а меным лои жаль тайö лэбачсö и эг лысьт сійöс кольны. И бара яндзимлöн ньöрйыс став вынсьыс нин куляліс лолöс! Но воштысьны некытчö... Ачымöс лöньöді, мый лэбачьяслöн выйим сямыс быдмыны бать-мамтöг. Коркö кувaрканыс ёнмыштас, и лэдза сійöс аслас чой-вок дорö!

Тадзи гортын и висьтаси. Некод весиг эз думыштлы, мый верми пöръявны. Нимтім ракаöс – Кароöн. Айö тшöктіс лэбачсö овмöдны сарайын. Корис бура видзны сійöс каньысь и понйысь. А нöшта тыр-бура висьталіс, мый колö кувaрканöс дзим-дзурк вердны, оз позь кисьтавны сёян-юансö гöн вылас, öд сійö дзикöдз нёльзяс. А мыйöн эськö вердны Карооc? Айö бара на и содтіс, мый ракаяс абу тешитчысь рöдысь, ставсö сёйöны: пуöм картупель, черилысь кынöм пытшкöссö, нидзувъясöс...

Ме радлі Каролы лунысь-лун. Но сэки жö тшöкыда мöвпалі ракалöн мам йылысь. Сылöн сьöлöмыс вермис-ö терпитны пи воштömсö?! Бöрдöны-ö лэбачьяс? И ассьым рöдвужöс пöрйödлі... Тайö ставыс вильöдіс менö. Но кыдзи збыльсö шуан, кор сымында кад лысьтін овны чöв?!.

Каро быдмыштіс. Весиг некымын кыв пондіс комиöн шуны: «Каро бурр, Каро бурр!» Кöть мый йылысь сыкöд эг варовит – век тадзи шыасьліс кувaрканöй...

Матыстчис кад торйödчыны Карокöд. И полі сійö здуксьыс, öд вывті сы дорö велалі. Öтчыд сійöс петкöді сарайысь уличö, и другысь ме бöрся пондіс вötлысьны мöвп – рöмыд оланінас сійö вермас синтömсьыны. А ывлаас лэбачöй быттьö ловзис! Некор эг аддзывлы сылысь нюмъялысь синсö! Каролы петкöдлі, кыдзи лэбавны: шенаси кинам, котралі тытчö-татчö, вильшаси. Каро чуймöмöн видзöдіс ме вылö. А сэсся босьті сійöс киам. Öтиысь енэжас мачышті, мöдысь и коймöдысь... Каро шöйövошліс öтторйö муас усьömысь! А кор нёльödысьсö шыбиті енэжлань – артмыштіс лэбзьömыс! Сійö тшапитчömöн пуксьыштіс сарай вевт вылö. Недыр видзödыштіс гöгöрбок... сömын мелань эз бергödчыв... и быттьö став вынсö чукöртömöн, падъявтöг лэбачöй кыпödчис джу-джыд ниа пу йылödз, пукыштіс сэні, а сэсся лэбис вадорлань...

...Ме котöрті Каро бöрся, чуксалі сійöс нимнас. Воеді, воеді**... А сэсся джömді да уси ва гöптö. Няйт ва пиас мыйлакö гöгöрвон, мый сэтшöм кокни паськömтö пывся-

нын мыськыны пöсь ваöн. Ме тöді, мый гортын весиг жалитыштасны менö. А кутшöм пывсянын эськö верма мыськыны няйтöссьöм лолöс, öд Каролы, вöлöмкö, кери медся ыджыд дойсö – торйöді мам дорсьыс?! Рытöдзыс ливзі-бöрді. Гортсаяс лöньöдісны, мый куварканöй некытчö оз воштысь, туйсö оз вунöд мелань и бöр локтас. Но коліс-ö Каролы туйыс мелань? Öд сöмын сійö тöдіс, кутшöм ногöн веськаліс ме дорö...

Збыльысь, Каро эз во. Но быд асыв пыравлі сарайö, эски: вермас ставыс лоны мöд ног. Куварканöй сэн... Но выльысь и выльысь гögöрвои – гусялöм лэбачöй пышйис корсьны рöдвужсö.

...Тайö вöчöмтор йывсьыс некодлы некор эг шулы. Но сійö здуксяньыс сьöлöмам мöлöтöн олöмыс тувъяліс вöсни и ёсь кöрт тув – мöдысь ог лысьт тадз вöчны. Сэки Карооc торйöді мам дорсьыс, овмöді пемыд сарайын... и чайті: бурджык оланін сылы оз сюр. А öні юрам бергалöны сьöдсьыс-сьöд серпасъяс, öд видзи лэбачсö тюрмаын. И сылöн пышйöмыс менö сэки сюйис аслыспöлöс дзескыдінö, Каро кöть и эз вöв орччöн, но сійö век петкöдчыліс, лолöс вöлі горша кокыштö... А кор пötліс, бöр лэбліс вадорö. Дерт, менам мыжöй сы водзын помасьлытöм. Морт нэмöн, гашкö, сійöс он вешты. Но сэки мöд ног эг вермы вöчны. Ачым роксö пуи и быльыд*** пыдöсöдзыс сідзи эг и вермы куравны.

* * *

Уна во мысти ва дорті гуляйті аслам нылукköд, сылы сэки вöлі ар вит. Таняöс петкöдлі югъялысь изъяслы. А сійö зілис ичöтик зептас төрöдны медся гырысь изъяссö... нылукöй мыйкö вашкöдчис накöд, а сэсся гораа ваксьыштліс, быттьö вадорса олысьясыд сылы висьталісны серамбанатор. Шум-гамсьыс сэтчöс лэбачьясыс шызисны. А меным сэки каститчис, мый Таняöс гусялас сійö куварканыс, кодлысь сэки пышйöді писö. Ме нин тэрмаси бöр мунны ва дорсьыс... А Таняöй другысь неуна шöйövошöмöн, но ёнджыкасö чуймöмöн платтьö бöжöдым кытчöкö кыскис менö да мыйкö зілис петкöдлыны. Медводз думайті, мый шензьöдіс сійöс нöшта ötик дзирдалысь из, а вöлöмкö, лэбачьяс шызьöмын сійö кылöма, мый кодікö на пиысь шыасьöма комиöн! Танялы окота вöлі аддзыны тайö аслыспöлöс лэбачсö! И збыльысь, дыркодь корсим сійöс... Но сійö миянлы колис коз пу лапъяс костöд кыйкнитлысь шонді кöчильöн...

...Меным тырмымöн вöлі и сійö, мый Каро тадзикöн нöшта ötчыдысь петкöдчыліс олöмам сымында во мысти. И менам нылöлы шыасис комиöн.

**Куваркан (иж.) – рака.*
***Воедны (иж.) – котöртны.*
****Быльыд (иж.) – тасьті.*

НИНА НОВИКОВА

...А ЗАЛ ЧӧВ ОЛІС

Финнъяс Комиын петкӧдлісны спектакль-катастрофа

Спектакль эз на заводитчы. Виччысям. Дыр виччысям. Кулисаяс сайын кадысь-кадӧ мыйкӧ йиркакыліс. Ми чуймӧмӧн видзӧдлывлім ёрта-ёрт вылӧ, – финнъяс, мый сэсся шуан!

Бӧрнас нин тӧдмалім, мый тайӧ, вӧлӧмкӧ, еджыд ӧдзӧс – сійӧ выльысь и выльысь усьӧ гымнитӧмӧн и спектакль дырйи. И быд пӧрйӧ залын пукалысьяс чурмунлӧны, быттьӧ садьмӧны. Сӧмын мыйысь?

Тӧвшӧр тӧлысьӧ Виктор Савин нима академическӧй драма театрӧ волісны Каяни карысь (Финляндия) артистъяс. Сыктывкарса олысьяслы найӧ петкӧдлісны экспериментальнӧй спектакль– «Еджыд кӧр».

Режиссёр Хана Кирьявайнен «Арт» журналлы интервьюын висьталіс, мый дыр дасьтіс тайӧ постановкасӧ. Подувнас лои 2014 воӧ Изьваӧ волігӧн «Луд» праздник дырйи чукӧртӧм фольклор материал. Финн операторъяс да журналистъяс уджалӧмаӧсь вежон чӧж, сёрнитӧмаӧсь татчӧс олысьяскӧд экология, мусир перйӧм йылысь, кыдзи «цивилизация» тӧдчис йӧзлӧн важся оласног вылӧ, кыдзи йӧз кылӧны асьнысӧ олӧм

подув вежсигӧн. Сэк нин финнъяс гӧгӧрвоӧмаӧсь: колӧ петкӧдлыны сиктса мортӧс, коді талун дзик ӧтнас сулалӧ ыджыд гыӧн локтысь катастрофалы паныд.

Спектакль подулӧ босьтӧма саам ныв йылысь миф. Ныв пӧрӧ еджыд кӧрӧ да виалӧ сійӧс радейтысь мужичӧйясӧс. Та йылысь 1952 воын нималана режиссёр Эрих Бломберг лӧсьӧдӧма фильм. Нимыс – «Еджыд кӧр».

Ханна Кирьявайнен аслас спектакльын мустӧм ныв йылысь мифсӧ бергӧдӧ неуна мӧд ног: йӧз вайӧны вись (жертвоприношение), медым бурмӧдны вӧр-ва видзысь енлысь сьӧлӧмсӧ. Мӧд ног найӧ оз кужны, да и оз вермыны мездысьны ӧнія йӧзкотырлӧн олансямысь, цивилизацияысь.

Сюрӧсыс воссьӧ кӧкъямыс сьыланкыв пыр. Сьылӧ мужичӧй. Сьыланъясысь ми тӧдмалам, мый важ кадӧ Войвылын олӧма ен – Вӧрса кӧр. Сійӧ видзӧма-дӧзьӧритӧма став войвыв мусӧ Камчаткасянь Аляскаӧдз. Ӧтчыд йӧз абу весалӧмаӧсь му-васӧ мусирысь, сідзи и эновтӧмаӧсь. И сэки вӧрса енмыд шуӧма мыждыны кывзысьтӧм йӧзӧс да корӧма морт лов. Та понда и кувсьӧ мича ныв Пирита – сійӧс виӧ верӧсыс:

Пирита том ныв виддзӧ пӧри – турунсяліс,
Маӧн сьӧд мулы лои,
Тулыс кӧтӧдіс, югыдыс олӧм сетіс,
Быд быдмӧг заын юмовыс котраліс,
Садьмӧдіс-кыпӧдіс гӧрддзасьӧм дзоридзьяс,
Став кӧйдысысь ныр чепӧсйӧдіс.
Ордлы кузьта, кынӧм пасьта быдмӧг быдмис,
Шуйга кок чунь, лядьвей лыыс дзоридзаліс,
Киняулын кӧйдыс нырсяліс.
Ставыс гӧгӧр садьмис-ловзис,
Вына му артмис –
Став му вылын быдмысьлы, мичалы,
Йи вывті ветлысь войвыв йӧзлы
Подув.

Но тӧдчана абу сӧмын тайӧ спектакльыслӧн сюжетыс, но ёнджыкасӧ кывйыс да образъясыс.

Режиссёр висьталӧ, мый сцена вылын пуктӧ уна эксперимент, и сылысь уджъяссӧ оз позь шуны драмаӧн. «Еджыд кӧрын» петкӧдчӧ некымын жанр: йӧктӧм, сьылӧм, документальнӧй кино, акробатика да драма.

Он шу, мый ставсӧ лӧсьӧдӧма лючки-ладнӧ. Гашкӧ на и дзик мӧдарӧ. Гырысь лысьӧма, крепыд мыгӧра, топыд костюма артистъяс йӧктӧм пыр видлісны петкӧдлыны

важ, önія и кольöм кад костын йитöд, мортлысь аскылöм, гаж и шог.

Видлавны кö драматургия боксянь, тайö тшöтш ёна торъялö сыысь, мый ми велалім аддзыны асланым сцена вылысь. Миянлы сьöкыд гögörвоны, кыдзи действиеыс вермö мунны шытöг: со öти артист надзöника матыстчö телевизор дорö, включитö сійöс и пондö мый йылысь кö мöвпавны. Став залыс виччысьö, видзöдö сы вылö, а сійö – телевизорö. Чайтсьö, кадсö нюжöдöма нарошнö, мед, гашкö, ми таысь аддзим асьнымöс – весь олысьöс, унзільöс да дышöс. Но сцена вылын здукön ставыс вежсьö: актёръяс босьтчöны легны-дзöрны, быттьö наö пырö шева.

Хейкки Тэрми, спектакльын ворсысь:

– Сцена вылын позьö петкödчыны некымын ногön. Тайö постановкаас актёр водзö пуктöма уна мог. Став вир-яйнас сылы колö петкödлыны, мый мödас вöчны морт, шуам, ыджыд неминуча дырйи. Сэки сылы колö тэрыба вörны, дыр мöвпавны кад абу. Шуöны, эм пö асьтö видзан инстинкт, и миян мог – петкödлыны тайöс.

Дерт, актёръяслы вölі зэв нимкодь ворсны изьваса йöзöс, петкödлыны найöс сэтшöмön, кутшöмöсь збыль олöмас. Ми весиг пасьтасим изьватас моз. Но кутшöмкö сценаясын век жö ми вölім асьным – финн войтыр.

Торйön позьö сёрнитны сценография йылысь. Сійöс лöсьödöма минимализм стильын: подулас – сьöд рöм, сьöд рöм вылын – кör сюръяс, некымын лабич, а öти пельöсын – важ, лампöвöй телевизор.

Тайö телевизорыс спектакль заводитчömсянь йитö önія да колян кадсö, ворсысьясöс да залын пукалысьясöс, петкödлö кино, кытысь ми аддзам, кыдзи олісны пöльяс да пöчьяс, мыйö найö эскисны, кутшöм енъяслы да кыдзи кевмысьлісны.

Сцена вылын унаысь петкödчылö еджыд ödзöс. Сійö актёръяс моз жö «сёрнитö» ас кывйön.

Кодлönкö сцена вылö петігön либö бör мунігön ödзöс быд пörйö усьö. Тайö символ пырыс петкödчö кык оласног – традиционнöй да выль, урбанистическöй. Кор ödзöсыс грымöбтömön усьö, сійö быттьö висьталö, мый ставлы регыд воас пом. Оз ло ни вör, ни ва, ни йöз. И мыжанас лоö ачыс морт.

Неминуча матыстчömсö ми казялам и актёръяслön няйтчалöм сапögъясысь. Сце-

на вылысь саявлігӧн – цивилизацияӧ петавлігӧн – ворсысьяс бӧр воӧны сьӧд няйт сапӧгаӧсь. Мусир кӧласьӧ налӧн паськӧмӧ, чужӧмӧ, быдлаӧ, мый найӧ видзӧны да лелькуйтӧны...

Еджыд кӧр тайӧ спектакляс сідзжӧ торъя символ. Сійӧ петкӧдчӧ мувыв олӧмсӧ, вӧр-васӧ выльмӧдысьӧн. Войвыв йӧзлы кӧр век вӧлӧма вежа пемӧсӧн – вынаӧн, сюсьӧн. Коми мифологияын эм жӧ лӧз кӧр – нывбаба образын. Йиркап йылысь легендаын вӧралысь, коді виӧ татшӧм кӧрсӧ, лоӧ пельк да вына. Тані жӧ еджыд кӧр жалиттӧг мыждӧ йӧзӧс сыысь, мый найӧ няйтӧсьтӧны му веркӧссӧ, оз видзны вӧр-ва.

Ханна Кирьявайнен тайӧ спектакльнас лӧсьӧдӧ ассьыс кыв. Быттьӧ кӧсйӧ унатор шымыртны универсальнӧй пасъяс отсӧгӧн, кодъясӧс вермасны гӧгӧрвоны дзик ставӧн, кӧть кӧні мортыс эз ов да кӧть кутшӧм енлы эз эскы. Гашкӧ, та вӧсна быдӧн ас ног гӧгӧрвоис спектакльсӧ. И коді весиг эз видзӧд помӧдз, и коді спектакль помас горзіс: «Браво!»

«Еджыд кӧр» спектакль оз позь шуны классическӧй петкӧдчӧмӧн. Залын пукалысьяс, ворсысьяс, изьваса йӧз да ачыс олӧмыс тан лӧсьӧдӧны ӧтув енкӧла. Сьӧкыд шуны, кӧні сійӧ заводитчӧ и кӧні помассьӧ. Весиг видзӧдысьяслӧн чӧв олӧмыс – тайӧ быттьӧ миянлы му-ванымӧс тшыкӧдӧм вылӧ вочакыв. Ми аддзам тайӧс, гӧгӧрвоам, но мыйла, сідзкӧ, няйтӧсьтам вӧр-васӧ? И сӧмын ыджыд неминуча вермас миянӧс пальӧдлыны.

Виктор Савин нима драма театрса директорӧс вежысь Владимир Казаковцев: «Менсьым унаысь нин юалісны, мыйла ми корам мукӧд театръяс петкӧдлыны ӧнія европейскӧй театральнӧй искусстволы лӧсялысь постановкаяс? Татшӧмсяма спектакльыс кольӧм во вӧлі нин. Сэки миян дорӧ воліс Circus Uusi Maailma финскӧй театр. Вочавидза: миян видзӧдысьяслы колӧ тӧдны, кодарлань сӧвмӧ театр, европаса культураыс ставнас. И лоам радӧсь, миян видзӧдысьяс кӧ донъяласны тайӧс». (В. Савин нима драма театрысь труппа регыд ветлас Финляндияӧ, **ред.пасйӧд**).

Василина Чупрова, изьваса олысь: «Еджыд кӧр» спектакльлӧн нимыс пыр жӧ шонтіс менсьым сьӧлӧмӧс. Кӧр видзӧмкӧд йитчӧм кывъяс меным зэв матыссаӧсь сы понда, мый ме изьваса и кӧрдор рӧдысь. И ставсӧ, мый йитчӧма кӧрдор олӧмкӧд, ме видза сьӧлӧм бердын. Финнъяс, ме чайта, вӧчисны ыджыд удж. Аттьӧ налы сӧмын сыысь, мый босьтчисны петкӧдлыны ичӧт войтырлысь ыджыд шог, коді йитчӧма нефтяникъясӧн вӧр-ва тшыкӧдӧмкӧд. Мен зэв ёна кажитчис, кутшӧм стӧча актёръяс ворсісны сиктса олысьӧс, кутшӧм стӧча петкӧдлісны налысь этшсӧ. Видзӧдігчӧж бӧрді. Менӧ ворсіс томиник нывка Марьют, спектакль бӧрас ми сыкӧд тӧдмасим. Чайта, сылӧн артмис петкӧдлыны менӧ. Сӧмын тушанас меысь неуна ляпкыдджык, а сьӧлӧмкылӧм сертиыс – быттьӧ менам чой».

Хана Кирьявайнен, режиссёр: «Ме чайта, мый став войвывса йӧзыслӧн эм кутшӧмкӧ «коллективнӧй пам ять». Йӧзыс кӧсйӧны овны сідз жӧ, кыдзи олісны налӧн пӧль-пӧчьяс. Сы понда колӧ садьмӧдны тайӧ паметьсӧ. Шуам, кыдзи поэзияыд чужӧ? Сьӧкыд висьтавны, кытысь сійӧ босьтчӧ.

Тайӧ спектакльыс отсӧгӧн ми зілим петкӧдлыны кутшӧмкӧ «коллективнӧй опыт». Гашкӧ, сійӧ кутшӧмкӧ ногӧн отсалас бырӧдны и коми, и финн водзын сулалысь экологиякӧд йитчӧм мытшӧдъяс».

Баяр Люба, гижысь: «Ог вермы шуны, мый тайӧ спектакль, ёнджыкасӧ быттьӧ эксперимент. Видзӧдысьяс, кыдзи ме казялі, эз вӧвны дасьӧсь татшӧм ногӧн петкӧдчӧм дорас. Унаӧн шӧйӧвошисны, ланьтісны, кодъяскӧ весиг шкоркнитлісны.

Дерт, тадзи спектакль пуктӧмын вӧліны аслыспӧлӧс мӧвпъяс. Найӧс позис казявны да ылысавны, а позис и шуны, мый ставыс шогмытӧм. И быдӧн, коді эз узь либӧ садьмыліс недыр кежлӧ, восьтіс аслыс мыйкӧ выльтор. Шуам, менам син водзӧ тайӧ спектакльыс вайис ӧти серпас: 2016 вося тулыснас Изьва юӧд кывтіс мусир. Сэтчӧс йӧз вӧлі шызьӧмаӧсь. Но телевизор и газетъяс эскӧдісны, мый некутшӧм мусир абу, ставыс лючки-бур. Республикаын нинӧм эз вӧчсьы, медым бурдӧдны юсӧ.

Йи кылалӧм бӧрас менам бать муніс вуграсьны. И став паськӧмыс сылӧн вӧлі няйтӧссьӧма… мусирӧн. Вӧлӧмкӧ, и берегдорса пуяс, и видзьяс – ставыс тшыкӧма. Ытваыд оз юав, кытчӧдз паськӧдчыны тувсов валы… И ӧні став чериыс, вотӧсыс – висьӧ. И челядь, и верстьӧ кыйӧны черисӧ, вотӧны ӧмидз, сэтӧр, льӧм... Кутшӧм висьӧмъяс аслыныс кӧвъялӧны?! Ме ог вермы гӧгӧрвоны, кыдзи позьӧ чина йӧзлы тӧдны тайӧс ставсӧ и чӧв овны?!

«Еджыд кӧр» спектакль дырйи тшӧкыда грыпкысьліс ӧдзӧс. Залын йӧзыс быд пӧрйӧ чурмунлісны таысь… Актёръяс вӧліны прӧстӧй паськӧмаӧсь, на пиын эз вӧв некутшӧм чина морт, коді эськӧ шызис грыпкӧмсьыс. Сідзкӧ, йӧзыс водзджык аддзӧны мытшӧдсӧ, висьталӧны та йылысь, корӧны отсӧг. Но чина йӧз пукалӧны мича креслӧясын, и некодӧс оз кӧсйыны кывны! Со и вӧр-ваад тшӧкыда «грыпкысьлӧ ӧдзӧс»! Кылӧны тайӧс сэні олысь йӧз, а мукӧдыс – синтӧмӧсь и пельтӧмӧсь... Финляндияысь воӧм актёръяс республика сцена вывсянь петкӧдлісны талунъя общество-нымлысь курыд оланногсӧ...»

АНАСТАСИЯ ОЛЬГИНА

КУТШӦМ МАТЫН СЭК ВӦЛІ ЕНЭЖЫС

1.

– Мун гортад! Гӧтырыд виччысьӧ, да и кӧдзыдыс – шапкатӧгыд кынмин нин, кӧнкӧ. (А синмыс... струбаын вералысь ва кодь).

– Сӧмын тэ меным колан! Тэ понда морӧсӧй сотчӧ!

– Но миянлӧн нинӧм оз артмы! Кыкнаннымлӧн семья. Кӧть тайӧс тэ гӧгӧрвоан?

– Ог кӧсйы! Ог вермы! – горӧдіс Валер, петіс йӧрысь и муніс.

Лёна коли ӧтнасӧн струба дорын. Друг чатӧртіс юрсӧ: кодзувъяс ӧшйӧмаӧсь сы весьтӧ... Кодзувъяс! Мыйта кодзув... – и, дерт, кылісны налысь сёрнисӧ.

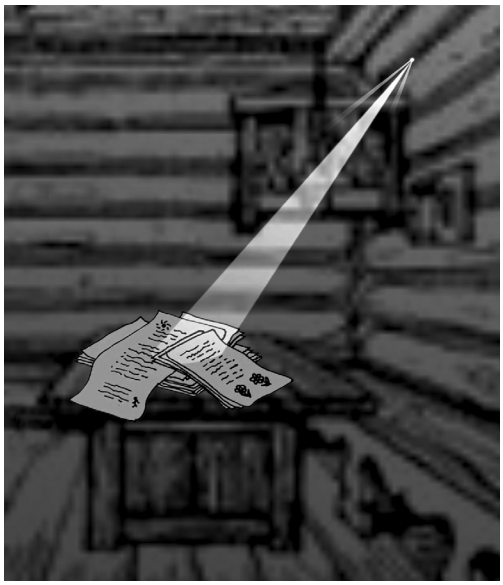
«И мый вӧчны? Тӧданныд-ӧ ті, дона кодзувъяс?! Ӧд ми сыкӧд некор ог лоӧй... ӧтлаын – некор».

Кодзувъяс быттьӧкӧ кылісны – читкыртчылісны воча.

2.

Аскинас Лёна петіс сарайӧ. Ректыліс сундук, сэсся восьтавліс кӧрӧбъяс.

Кутшӧмкӧ здукӧ стен паз костӧд писькӧдчысь вӧсни югӧр уси вижӧдӧм кабала тубрас вылӧ. Лёна чуймӧмӧн босьтіс сійӧс да пондіс листавны, туявны ӧдва тӧдчысь шыпасъяс. «Кор нӧ тайӧс ме гижлі? Энлы, энлы... Да, практика дырйи! Кымын во сэсянь коли...» – чеччыштіс Лёналӧн сьӧлӧмыс.



«Рытъя кыа сотчӧ биӧн. И ми аддзам сійӧс. Мортлысь ловпыдісӧ ог, таысь медся шог. Он мӧй сысянь жӧ тэ ӧзйы.....»

Тайӧ кывъяс бӧрас Лёналы лои шонырджык. Син водзас воис тулыс, шонді, сылысь лым. И сійӧ мужичӧйыс, код вылӧ Лёна сэки збыльысь радейтчыліс, – Сашкӧ. Кутшӧм матын сэк вӧлі енэжыс. Позис кинад судзӧдчыны кокниа кывтысь кымӧръясӧдз. Прӧстӧ босьтны и судзӧдчыны. Прӧстӧ босьтны и...

Кытчӧ лои тайӧ ставыс? Мыйла енэжсӧ татшӧма ылыстісны? Мыйла оз позь видзӧдлыны сылӧн синмӧ... струбаӧ моз?

Лёна сэсся уна во корсис сы кодь синъяссӧ. Но сэтшӧмыс эз вӧв му вылас. Быттьӧ став струбасӧ ӧтпырйӧ косьтӧмаӧсь. Ставсӧ. Ӧтпырйӧ.

«Кодзувъяс кӧ вӧліны матынджыкӧсь... найӧс чукӧртны позис... а сідзи – сӧмын кывъяс, кывъяс, и ставыс – радейтӧм йылысь. Но мый ӧні вӧчны тайӧ радейтӧмнас? Кодзувъястӧ аслас гуся кудйӧ дзебас лунсьӧмӧс, а мед дзебны радейтӧм – сэтшӧм выныс абу...»

«Збыль, тадзи и вӧлӧма», – кывкӧрталіс Лёна, кор вежӧр пырыс нуӧдіс Валерлысь нетшкысьӧмсӧ. Сэки, уна во сайын, ачыс эз тӧд, кытчӧ воштысьны – пытшкӧсса биыс некыдзи эз лаймав. Сэки... мый позис вӧчны сэки? Тыдалӧ, сӧмын енкӧласа юӧн позис пӧдтыны сійӧ бисӧ. Но тайӧс гӧгӧрвоӧ ӧні. И тӧдӧ: некутшӧм мувывса ю, весиг аслас изъя берега ю, эз вермы и оз вермы кусӧдны сылысь радейтӧмсӧ.

3.

Валер ыджыд воськовъясӧн тэрмасис гортланьыс. И быд воськов ас водзсьыс аддзис Лёнаӧс. Лёна, Лёна! Мужичӧй помнитӧ, кыдзи уна во сайын полӧмпырысь налӧн классӧ шондіӧн воськовтіс... том велӧдысь. Нюмдіс, видзаасис. Тайӧ лунсяньыс зонкалӧн морӧсын воссис джуджыдсьыс-джуджыд струба.

Му вылын ыджыдаліс тулыс. Лунсьӧмӧснас туй вылын пондіс сывны лым. Урок бӧрын Лёна петіс школаысь да матыстчис туй бокын сулалысь пу дорӧ. Тайӧ пуыс и челядьнас гажӧдіс нывкаӧс: быд ар сійӧ чӧвтавліс туй бок гуранъясӧ уна рӧма корсӧ. Лёна мӧвпнас быттьӧ лэбліс сійӧ кадас, весиг эз казяв, кыдзи сы дорті гузьӧбтіс челядь чукӧр. А сэсся кодкӧ чукӧстіс нимнас. Друг бергӧдчис и аддзис ӧкмысӧд классын велӧдчысь зонкаӧс, коді кырис видзӧдласнас и муніс водзӧ.

4.

Мӧдысь практика вылӧ Лёна воис кык во мысти. Сылӧн радейтана пуыс вӧлі шыбитӧма нин корсӧ. Ӧтка-ӧтка и кольӧма вылыс чаль йылас. Лёна ньӧжйӧникӧн восьлаліс да чукӧртіс гӧрд рӧма сьӧлӧмъяс:

«Ті ыргӧн, ті зарни, кӧть и
му вылын нин ӧні куйлад...
и олад ті бӧръя лунъяс,
и ыркыд нин тіян ру...».

Тайӧ здукас, кыдзи и кык во сайын, вуджӧртіс тӧдса мыгӧр и воши.

«Тайӧ нылыс менам! Мед кӧть дас во кольӧ... кӧть кызь во – сійӧ лоӧ. Лоӧ менам!» – зонкалӧн вежӧрӧ воалысь кывъяслы вӧлі дзескыд, и гӧгӧрвотӧм дойысла сійӧ муртса эз бӧрддзы.

Чукӧртӧм корсӧ Лёна пыртіс классӧ, и выль тема восьтігмоз тэчис найӧс книга костӧ.

– Мед косьмасны. А коляс кад, ме восьта книгасӧ, казьтышта тайӧ арсӧ... и, дерт, тіянӧс.

Классын некор на эз вӧв татшӧм лӧнь. Сэсся бӧръя партаяссянь кодкӧ горӧдіс:

– Ті мунанныд и пыр жӧ вунӧданныд миянӧс!

Лёна тшӧкмуніс. И быттьӧ струбаысь ыркыд ва гумовтіс:

– Эм кӧ менам сьӧлӧм, сійӧ сӧмын тані. Абу кӧ – мӧд муын сійӧ мен оз ков.

5.

Лёна дыр видзӧдіс кодзула енэжӧ. И лолас быттьӧ струба кодйисны. Мед сӧмын эськӧ некод оз видзӧдлы сэтчӧ. Мед сӧмын эськӧ оз гӧгӧрво некоді, кутшӧм пыдӧдз пырӧдчис Валерлӧн видзӧдласыс сылӧн лолӧ. Колӧ кыдзкӧ регыдджык тыртны тайӧ струбасӧ. Но кыдзи? Кы-ы-ыдзи-и-и?! И мыйӧн?

Вой шӧр войӧ ӧдзӧсӧ торкӧдчисны. Лёна садьмис. Пельпом вылас павкнитіс чышъян да петіс кильчӧ помӧ.

– Коді сэні?

– Восьт! – кыліс мужичӧй гӧлӧс.

– Мун!

– Восьт!

Морт олӧм мысти Лёна восьтіс. Валер топӧдіс Лёнаӧс ас бердас:

– Сӧмын тэ меным колан! Сӧмын тэ!..

– Ме аски муна карӧ...

– Тэ лоан менам! Мед и коляс нӧшта кызь во. Тэ лоан.

Поезд муніс, и няжгисны рельсъяс
поезд сьӧктаысь.
Гымӧдіс поезд,
и быд гыпнитіг дрӧгмунліс сьӧлӧм,
быттьӧ кыліс: тэ менам... тэ менам...

Журналлӧн редколлегия:
Елена Афанасьева, Алёна Шомысова, Любовь Ануфриева, Алёна Старцева.